

P.P.
6573

1948

92

7.98

92

A - 91
дд. 92

0

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ

ТЮТЧЕВЪ.

(БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

И. С. АКСАКОВА.

511

МОСКВА.

Типографія В. Гогте, Кузнецкій мостъ, д. Терлецкаго.

1874.

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮТЧЕВЪ.

(БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Небольшая книжка стихотворений; нѣсколько статей по вопросамъ современной исторіи; стихотворенія, изъ которыхъ только очень немногимъ достались на долю всеобщая извѣстность; статьи, которые всѣ были писаны по-французски, лѣтъ двадцать, даже тридцать тому назадъ, печатались гдѣ-то за границею, и только позавѣтно, виѣсть съ переводомъ, стали появляться въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.... Вотъ покуда все, что можетъ Русская библиографія занести въ свой точный *силодикъ*, подъ рубрику: „Ф. И. Тютчевъ, род. 1803 + 1873 г.“. Литературный послужной списокъ не объемистъ; имя малоизвестное въ массахъ грамотной,— и не только грамотной, даже образованной нашей публики... А между тѣмъ, этимъ самымъ стихотвореніемъ, еще сначала пятидесятихъ годовъ, отводится Русскою критикою мѣсто чуть не на раду съ Пушкинскими; это самое имя, въ течениі цѣлой четверти вѣка, во всѣхъ свѣтскихъ и литературныхъ кругахъ Москвы и Петербурга, читается и славится, знаменуя собою: мысль, поэзію, остроуміе въ самомъ изящномъ соединеніи. Странное противорѣчіе, не правда ли? Какъ объяснить этотъ недостатокъ популярности при несомнѣнномъ общественномъ значеніи? эту несогласимѣрность виѣшняго объема литературной дѣятельности съ обнаруженою авто-

ромъ силою дарованій?.. Но и здѣсь еще не конецъ недоумѣній, нерѣдко возбуждаемыхъ именемъ Тютчева. Ко всмѣ единодушнымъ отзываемъ нашей періодической печати обѣ его умъ и талантъ, раздавшимся вслѣдъ за его кончиною виѣсть съ выраженіями искренней скорби, мы позволимъ себѣ прибавить еще и свой: Тютчевъ былъ не только самобытный, глубокій мыслитель, не только своеобразный, истинный художникъ-поэтъ, по и одинъ изъ малаго числа носителей, даже двигателей нашего Русскаго, народнаго самосознанія.

Какъ — скажутъ многіе, встрѣчавшіе Тютчева на Петербургскихъ бацахъ и раутахъ — этотъ почти-иностраницъ, едо ли когда говорившій иначе какъ по-французски; это повидимому чистокровное порожденіе европеизма, безъ всякаго на себѣ клейма какой-либо национальности,— Тютчевъ, въ которомъ все, до послѣдняго сустава и нерва, дышало прелестью высшей, всесторонней, не-русской культуры, — Тютчевъ одинъ изъ представителей Русской народности?!... Трудно мирится такое тяжеловѣсное предположеніе съ граціозныемъ образомъ этого очаровательно-умшаго, по вполнѣ свѣтскаго собесѣдника. Можно ли, позволигдѣко ли возводить ого чуть не на степень серьезнаго общественнаго дѣятеля?...

Опъ и не дѣятель въ общепринятоиъ смыслѣ этого слова. Онъ просто—явление; явленіе общественное и личное, въ высшей степени замѣчательное и любопытное для изученія. Его дѣятельность, почти непосредственная, сливается съ самимъ его бытіемъ. Вполнѣ естественны, вполнѣ понятны для часть всѣ по-мнутная выше недоумѣнія. Именно въ виду ихъ мы и считаемъ нужнымъ представить читателамъ не одну общую оцѣнку литературныхъ останковъ по-койшаго Тютчева (что отчасти уже было сдѣлано и другими), но самую судьбу, личную и внутреннюю, этого Русского таланта. Участь талантовъ у насъ на Руси — вообще предметъ высокого интереса и важности для исторіи Русского просвѣщенія, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о такомъ богатствѣ даровъ, какимъ былъ недѣльнъ Тютчевъ... Продлѣть, по возможности, самое развитіе этой многоодаренной природы,—сочлененіе ея особыхъ психическихъ условій съ условіями бытовыми, общественными, историческими; ту взаимную ихъ связь и зависимость, которая создала, опредѣлила и ограничила ея жизненный жребій — вотъ задача, которую мы постараемся разрѣшить, на сколько съумѣемъ, въ нашемъ биографическомъ очеркѣ.

Первою биографическою чертою въ жизни Тютчева, и очень характерною, сразу бросающеюся въ глаза, представляется невозможность составить его полную, подробную биографію. Для большинства писателей,—какъ бы умѣренно они себя ни цѣнили,—потомство, по выражению Чичикова, все же „чувствительный предметъ.“ Многие, еще при жизни, заражѣе облегчаютъ трудъ своихъ будущихъ биографовъ подборомъ материаловъ, подготовленіемъ объяснятельныхъ записокъ. Тютчевъ — на обо-

ротъ. Онъ не только не хлопоталъ никакогда о славѣ между потомками, но не дорожилъ ею и между современниками; не только не помышлялъ о своемъ будущемъ жизнеописаніи, но даже ни разу не позабылся о составленіи вѣрного списка или хотя бы перечня своихъ сочиненій. Если стихи его увидѣли свѣтъ, такъ только благодаря случайному, постороннему вмѣшательству; въ появленіи ихъ въ печати бывали пропуски въ пять и въ четырнадцать лѣтъ, хотя въ поэтическомъ его творчествѣ и не было перерыва. Самая известность его, какъ поэта, начинаясь собственно съ 1854 года, т. е. когда ему пошелъ уже шестой десятокъ лѣтъ, именно со времени первого изданія его стихотвореній редакціей журнала „Современникъ“, при содѣйствіи И. С. Тургенева. Во сколько такое пренебреженіе къ своей авторской личности происходило у Тютчева отъ врожденной ему беспечности и лѣни, во столько же, если не болѣе, отъ особаго рода скромности, смиренія и отъ иныхъ нравственныхъ причинъ, которыхъ мы обстоятельно разяснимъ ниже. Здѣсь же мы только напередъ заявляемъ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ его биографомъ именно потому, что Тютчевъ никогда ни самъ не занималъ и другихъ собственномъ особою. Никогда ни къ кому не назывался онъ съ честиемъ своихъ произведений, напротивъ очевидно тяготѣлся всякою обѣихъ рѣчью. Никогда не повѣствовалъ о себѣ, никогда не рассказывалъ самъ о себѣ анекдотовъ, и даже подъ старость, которая такъ охотно отдается воспоминаніямъ, никогда не бѣсоводилъ о своемъ личномъ прошломъ. А такъ какъ слишкомъ двадцать два года этого прошлаго проведены имъ были за чужбинѣ, то большая часть самыхъ интересныхъ подробностей его существованія для насъ безвозвратно

потеряна. Однакожъ, не смотря на скучность външности биографического материала, мы все же въ состояніи написать — и намѣтимъ сейчасъ — тѣ наружные биографические рамки, вънутри которыхъ совершилось самовоспитаніе его таланта, вообще его внутренняя духовная жизнь, — а только она и заслуживаетъ вполнѣ серьезного, общественнаго вниманія.

I.

Федоръ Ивановичъ былъ второй или меньшой сынъ Ивана Николаевича и Екатерины Львовны Тютчевыхъ и родился въ 1803 г. 23 Ноября, въ родовомъ Тютчевскомъ имѣніи, селѣ Остужъ, Орловской губерніи Брянского уѣзда. Тютчевы принадлежали къ старинному Русскому дворянству. Хотя въ родословной и не показано, откуда „выѣхалъ“ ихъ первый родонечальникъ, но семейное преданіе выводитъ его изъ Италии, где, говорять, и понынѣ, именемъ во Флоренціи, между купеческими домами встрѣчается фамилія Dudgi. Въ Никоновской лѣтописи упоминается „хитрый мужъ“ Захаръ Тутчевъ, которого Дмитрий Допской, предъ началомъ Куликовскаго побоища, подсыпалъ къ Мамаю со множествомъ золота и двумя переводчиками для собранія нужныхъ сведѣній, — чтѣ „хитрый мужъ“ и исполнилъ очень удачно. Въ числѣ воеводъ Юдина Ш., усмиравшихъ Псковъ, называется также „воевода Борисъ Тютчевъ Слѣпой“ (*). Съ тѣхъ поръ никто изъ Тютчевыхъ не занималъ виднаго мѣста въ Русской исторіи, ни па какомъ по-прищѣ дѣятельности. Напротивъ, въ половинѣ XVIII вѣка, если вѣрить запискамъ Добрынича, Брянскіе помѣщики Тютчевы славились лишь разгуломъ и произволомъ, доходившимъ до неис-

тества. Однакожъ отецъ Федора Ивановича, Иванъ Николаевичъ не только не наслѣдовалъ этихъ семейственныхъ свойствъ, но, напротивъ, отличался необыкновеннымъ благодушiemъ, мягкостью, рѣдкою чистотою правовъ, и пользовался всеобщимъ уваженiemъ. Окончивъ свое образованіе въ Петербургѣ, въ Греческомъ корпусѣ, основанномъ Екатериной въ ознаменованіе рожденія великаго князя Константина Павловича и подъ влияніемъ мысли о „Греческомъ проектѣ“, — Иванъ Николаевичъ дослужился въ гвардіи до поручика и на 22 году жизни женился на Екатеринѣ Львовнѣ Толстой, которая была воспитана, какъ дочь, родною своею теткою, графинею Остерманъ. Затѣмъ Тютчевы поселились въ Орловской деревнѣ, на зиму перѣѣзжали въ Москву, где имѣли собственные дома и подмосковную, — однимъ словомъ зажили тѣмъ известнымъ образомъ жизни, которымъ жилось тогда такъ привольно и мирно почти всему Русскому, зажиточному, досужему дворянству, не принадлежавшему къ членовой аристократіи и не озабоченному государственною службою. Не выдѣляясь ничѣмъ изъ общаго типа Московскихъ барскихъ долей того времени, домъ Тютчевыхъ — открытый, гостепримный, охотно посѣщаемый многочисленною роднею и Московскими свѣтомъ — былъ совершенно чуждъ интересовъ литературныхъ, и, въ особенности Русской литературы. Радушный и щедрый хозяинъ былъ, конечно, человѣкъ разсудительный, съ спокойнымъ, здравымъ взглядомъ на вещи, но не обладалъ ни яркимъ умомъ, ни талантами. Тѣмъ не менѣе, въ натурѣ его не было никакой узкости, и онъ всегда былъ готовъ признать и уважить права чужой, болѣе даровитой природы. Здѣсь кстати замѣтить, что его родная сестра и родная тетка Федора Ивановича была та

(*) Карамзинъ т. V, прим. 65 и т. VI, прим. 37.

самая Надежда Николаевна Шереметева, которая, встрѣтившись съ Гоголемъ уже старухою, съумѣла его оцѣнить и понять и, несмотря на разницу лѣтъ, до самой его смерти вела съ нимъ дѣятельную, дружескую переписку.

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ и по видѣнію виду (онъ былъ очень худъ и малаго роста), и по внутреннему духовному строю, былъ совершенною противоположностью своему отцу; обѣщаго у нихъ было развѣ одно благодушіе. За то онь чрезвычайно походилъ на свою мать, Екатерину Львовну, женщину замѣчательного ума, сухощаваго, первнаго сложенія, съ наклонностию къ ипохондрии, съ фантазіей развитою до болѣзnenности. Отчасти по принятому тогда въ свѣтскомъ кругу обыкновенію, отчасти, можетъ быть, благодаря воспитанію Екатерины Львовны въ домѣ графини Остерманть, въ этомъ, вполнѣ Русскомъ, семействѣ Тютчевыхъ преобладалъ и почти исключительно господство на Французскій языкѣ, такъ что не только всѣ разговоры, но и вся переписка родителей съ дѣтьми и дѣтьми между собою, какъ въ ту пору, такъ и потомъ, втечнія всей жизни, велась вѣ иначе какъ по-французски. Это господство Французской рѣчи не исключало однако у Екатерины Львовны приверженности къ Русскимъ обычаямъ, и удивительнымъ образомъ уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтеніемъ псалтирей, часослововъ, молитвенниковъ у себя, въ спальной, и вообще со всѣми особенностями Русскаго православнаго и дворянскаго быта. Явление, впрочемъ, очень несрѣдкое въ то время, въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX вѣка, когда Русскій литературный языкъ былъ еще дѣломъ довольно новымъ, еще только достояніемъ „любителей словесности,” да и дѣятельно не былъ еще достаточно

прииспособленъ и выработанъ для выраженія всѣхъ потребностей перенатаго у Европы общества и здѣйствія. Вмѣсть съ готовою западною цивилизаціей занимствовалось и готовое, чужое орудіе обмѣна мыслей. Многіе Русскіе государственные люди, превосходно излагавшіе свои мнѣнія по-французски, писали по-русски самымъ неуклюжимъ, ворварскимъ образомъ, точно съѣзжали съ Европейской дороги на жесткія глыбы только что поднятой вивы. Но часто, одновременно съ чистѣйшимъ Французскимъ жаргономъ, словно перенесеннымъ бурею революціи изъ Сен-Жерменскаго предмѣстія въ Петербургскіе и Московскіе салоны,—изъ однихъ и тѣхъ же усть можно было услышать живую, почти простонародную, идіоматическую рѣчь, болѣе народную во всякомъ случаѣ, чѣмъ наша настоящая кличка или разговорная. Разумѣется, такая устная рѣчь служила чаще для сношений съ крѣпостною прислугою и съ низшиими слоями общества,—но тѣль не менѣе эта грубая противоположность, эта рѣзкая бытовая черто, рядомъ съ вѣрностию бытовымъ православнымъ предавіямъ, объясняетъ многое, и очень многое, въ исторіи нашей литературы и нашего пароднаго самосознанія.

Иранъ Николаевичъ Тютчевъ умеръ въ 1846 году, а Екатерина Львовна въ 1866, на 90-мъ году жизни, когда ея сыну-поэту было около 63-хъ лѣтъ. Старшій сынъ ихъ Николай, родившійся тремя годами раньше Федора Ивановича, не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства, ни физического, ни нравственнаго. Человѣкъ очень умный и начитанный, Николай Ивановичъ не былъ надѣленъ какими-либо особыми талантами, но отличался строгою акуратностью, точностью, необыкновенною добродою и скромностью. Страстно любя меньшаго брата, онъ былъ его постоянн-

нымъ геніемъ-хранителемъ,—при всякой бѣдѣ, всюду поспѣшалъ къ нему на помощь: привязанность къ „брату Федору“ наполняла всю его жизнь. Дослужившись до чина полковника въ Генеральномъ Штабѣ, онъ вышелъ въ отставку и проживалъ потомъ то въ деревнѣ, то за границею, то въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1870 году.

Въ ѿтой-то семье родился Федоръ Ивановичъ. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ онъ оказался въ пей каки-то особнякомъ, съ прізнаками высшихъ деревяній, а потому тотчасъ же сдѣлался любимцемъ и баловнемъ бабушки Остерманъ, матери, и всѣхъ окружающихъ. Это баловство, безъ сомнѣнія, отразилось впослѣдствіи на образованіи его характера: еще съ дѣтства стала онъ врагомъ всякаго принужденія, всякаго напряженія воли и тяжелой работы. Къ счастію, ребенокъ былъ чрезвычайно добросердеченъ, кроткаго, ласковаго нрава, чуждъ всякихъ грубыхъ наклонностей; всѣ свойства и проявленія его дѣтской природы были скрашены какою-то особенно-тонкою, изящною духовностью. Благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ, учился онъ необыкновенно усвѣдично. Но..уже и тогда нельзя было не заметить, что ученикъ не было для него трудомъ, а какъ-бы удовлетвореніемъ естественной потребности знанія. Въ этомъ отношеніи баловницею Тютчева являлась сама его талантливость. Скажемъ кстати, что ничто вообще такъ не балуетъ и не губитъ людей въ Россіи, какъ именно эта талантливость, упраздняющая необходимость усилий и не дающая укорениться привычкѣ къ упорству, послѣдовательному труду. Конечно эта даровитость нуждается въ высшемъ, соответственномъ воспитаніи воли, но вѣнчанія условія нашего домашнаго быта и общественной среды не всегда благопріятствуютъ такому воспи-

танію; особенно же мало благопріятствовали они при той материальной обезпечности, которая была удѣломъ образованного класса въ Россіи, во времена крѣпостнаго права. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не просто съ человѣкомъ талантливымъ, но и съ исключительною натурою, —атурою поэта.

Ему было почти девять лѣтъ, когда настала гроза 1812 года. Родители Тютчева провели все это тревожное время въ безопасномъ уѣзжѣ, именно въ г. Ярославль; по раскатамъ грома были такъ сильны, подъемъ духа такъ повсемѣстенъ, что даже вдали отъ театра войны, не только взрослые, но и дѣти, въ своей иѣрѣ конечно, жили общую возбужденію жизнью. Намъ никогда не случалось слышать отъ Тютчева никакихъ воспоминаній объ этой годинѣ, по не могла же она не оказать сильного непосредственнаго дѣйствія на воспріимчивую душу девятилѣтняго мальчика. Напротивъ, она-то вѣроятно и способствовала, по крайней иѣрѣ въ немалой степени, его преждевременному развитію,—что, впрочемъ можно подмѣтить почти во всемъ дѣтскомъ поколѣніи той эпохи. Не эти ли впечатлѣнія дѣтства, какъ въ Тютчевѣ, такъ и во всѣхъ его сверстникахъ-поэтахъ, зажгли ту упорную, пламенную любовь къ Россіи, которая дышетъ въ ихъ поэзіи и которую потомъ уже никакія житейскія обстоятельства не были властны угасить?

Къ чести родителей Тютчева надоно сказать, что они ничего не щадили для образованія своего сына, и по десятому его году, немедленно „послѣ Французовъ“, пригласили къ нему воспитателемъ Семена Егоровича Раича. Выборъ былъ самый удачный. Человѣкъ ученый и вѣдѣтъ вполнѣ литературный, отличный знатокъ классической древней и иностранной словесности, Раичъ сталъ

известенъ въ нашей литературѣ переводами въ стихахъ Виргилісвыхъ „Георгикъ“, Тассова „Освобожденіаго Іерусалима“ и Аристовой поэмы „Неистовый Орландъ“. Въ домѣ Тютчевыхъ онъ пробылъ семь лѣтъ; тамъ одновременно трудился онъ надъ переводами Латинскихъ и Итальянскихъ поэтовъ и надъ воспитаніемъ будущаго Русскаго поэта. Кроме того онъ самъ писалъ недурные стихи. Въ двадцатыхъ годахъ,—уже послѣ того, какъ Раичъ изъ дома Тютчевыхъ перешелъ къ Николаю Николаевичу Муравьеву, основателю знаменитаго Училища Колонновожатыхъ, для воспитанія меньшаго его сына, известнаго впослѣдствіи писателя Андрея Николаевича Муравьева,—онъ сдѣлался центромъ особеннаго литературнаго кружка, гдѣ собирались Одоевскій, Погодинъ, Озно-бишинъ, Путята и другіе замѣчательныя молодые люди, при содѣйствіи которыхъ Раичъ и издалъ пѣсколько альманаховъ. Позднѣе, онъ же два раза принимался издавать журналъ „Галатею“. Это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывавшій въ мірѣ идиллическихъ ме-чтаний, самъ олицетворенія буколика, соединившій солидность ученаго съ какимъ-то дѣственнымъ поэтическимъ пыломъ и ювенальнымъ незлобіемъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія; известный Киевскій митрополитъ Филаретъ былъ ему родной братъ (*).

Нечего и говорить, что Раичъ имѣлъ большое вліяніе на умственное и нравственное сложеніе своего питомца и утвердилъ въ немъ литературное направление. Подъ его руководствомъ, Тютчевъ превосходно овладѣлъ классиками и сохранилъ это знаніе на всю жизнь: даже въ предсмертной болѣзни, разбитому параличомъ, ему случалось приводить на память цѣлыя строки изъ Римскихъ историковъ.—Ученикъ скоро сталъ гордостью учителя, и уже 14-ти лѣтъ прошелъ очень порядочными стихами посланіе Горация къ Меценату. Раичъ, какъ членъ основаннаго въ 1811 году въ Москвѣ Общества Любителей Россійской словесности, не замедлилъ представить этотъ переводъ Обществу, гдѣ, на одномъ изъ обыкновенныхъ засѣданій, онъ бытъ одобренъ и прочтены вслухъ славѣйшимъ въ то время Московскімъ критическимъ авторитетомъ—Мерзляковымъ. Всльдѣ за тѣмъ, въ чрезвычайномъ засѣданіи марта 30-го 1818 года, Общество почтило 14-тилѣтнаго переводчика звапіемъ „сотрудника“, самый же переводъ напечатало въ XIV части своихъ „Трудовъ“. Это было величіемъ торжествомъ для семейства Тютчевыхъ и для самого юнаго поэта. Едва ли, впрочемъ, первый литературный успѣхъ не былъ и послѣднимъ, вызвавшимъ въ немъ чувство иѣкотораго авторскаго тщеславія.

Въ этомъ же 1818 году Тютчевъ поступилъ въ Московскій университетъ, т. е. стать Ѣздить на университетскія лекціи, и сперва — въ сопровожденіи Раича, который впрочемъ вскорѣ, именно въ началѣ 1819 года, разстался съ своимъ воспитанникомъ. Въ университѣтѣ Тютчевъ близко познакомился съ студентомъ Погодинымъ, который былъ старше его тремя годами и старше по курсу. Вотъ какъ вспоминаетъ объ этой университетской порѣ Тютчева нашъ

(*) Рассказываютъ, что когда, послѣ очень долгой разлуки, братья свидѣлись, и Раичъ представилъ митрополиту своихъ дочерей, то послѣднему показалось, что быть ли не весь языческій Олимпъ предсталъ предъ нимъ на землю: какія только можно было выбрать изъ святцевъ Греческихъ мифологическихъ имѣща, Семенъ Егоровичъ раздавалъ ихъ своимъ дочерямъ.

почтенный историкъ (Московскія Вѣдомости 1873 г. № 190):

„.... Низенький, худенький старичекъ, написалъ я, и самъ удивился. Мин представился опь¹⁾) въ воображеніи, какъ въ первый разъ пришелъ я къ нему, университетскому товаришу, на свиданіе во время вакаціи, пѣшкомъ изъ села Знаменского подъ Москвою на Серпуховской дорогѣ—въ Троицкое, на Калужской, гдѣ жилъ опь въ своеемъ ссѣйствѣ... Молоденький мальчикъ съ румянцомъ во всю щеку, въ зелененькомъ сюртучкѣ, лежитъ опь, облокотясь на диванъ и читаетъ книгу. Чѣдъ это у васъ? Виландовъ Агатодемонъ. — Или вотъ онъ на лекціи въ университѣтѣ, сидить за мою спиною на второй лавкѣ и не слушая Каченовскаго, строчить на него эпиграммы... Вотъ я пишу ему отвѣты на экзаменъ къ Черепанову пѣтъ исторіи Шрекка о Семирадиѣ и Навуходоносорѣ, ему, который скоро будетъ думать ужъ о Канингѣ и Меттерніхѣ....“

Есть и другое воспоминаніе отъ 1818 года. Въ Москву прѣѣхало Царское семейство и съ нимъ, въ званіи наставника въ Русскомъ языкѣ при великомъ Князѣ Александрѣ Федоровичѣ—Жуковскій. Онъ былъ знакомъ и Раичу, и родителямъ Тютчева. Иванъ Николаевичъ захотѣлъ представить ему своего сына и 17 Апрѣля рано утромъ повелъ Тютчева въ Кремль. Но тамъ колокола и пушки возвѣстили имъ о рожденіи, въ тотъ самый часъ, младенца—будущаго Царя, Государя Александра Николаевича. Это обстоятельство произвело на молодаго Тютчева сильное впечатлѣніе²⁾.

¹⁾ Т. е. Тютчевъ.

²⁾ Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ стихотвореніе самого Федора Ивановича, пото-
рое, въ 55-ю годовщину этого дня,
попытался онъ продиктовать своей женѣ,—

Со вступленіемъ Тютчева въ университетъ, домъ его родителей увидѣлъ у себя новыхъ, пебывалыхъ въ немъ до селъ посѣтителей. Радушно принимались

уже пораженный параличомъ, за три мѣсяца до кончины, Но стихъ уже слабо повторялся больному поэту; измѣнила тѣ риѳма, то размѣръ; иногда, среди диктовки, онъ засыпалъ отъ утомленія, такъ что на всѣ стихотворенія, диктованныя въ это время, слѣдуетъ смотрѣть почти какъ на поэтическій бредъ, какъ на неясные отголоски прежней поэтической силы. Вотъ это стихотвореніе—съ опущеніемъ стиховъ совершенно понятныхъ или лишенныхъ всякой мѣры; отъ него вѣтъ вакою-то особою теплотою чувства:

На рапнѣй днѣй мойхъ зарѣ,—

(такъ начинается оно)

Въ Кремль, рано утромъ въ Чудовомъ монастырѣ,
Въ уютной кельѣ, темной и смиренной—
Тамъ жилъ тогда Жуковскій незабвенный,—
Я ждалъ его, и въ ожиданіи
Колоколовъ Кремля я слушалъ завыванье.
За мѣдною слѣдилъ я бурей,
Поднявшейся съ безоблачной лазури
И вругъ смѣнешой пушечной пальбой...
Свѣтло, хоругвью голубой (?)
Весенний первый день, лазурно-золотой,
Такъ свѣтозаренъ быль надъ изразничной
Москвой....

Тутъ первая меня достигла вѣсть,
Что въ мірѣ новыи житель есть,
И новый Царскій гость въ Кремль:
Ты въ этотъ дѣнь дарованъ быль землѣ!..
Съ тѣхъ поръ воспоминанье это
Въ душѣ моей всегда согрѣто;
Въ теченіи столькихъ лѣтъ оно не измѣнило,

Какъ вѣрный спутникъ мой, повсюду провожало,
И нынѣ, въ ранній утра часъ,
Оно еще, какъ столько разъ,
Все также дорого и мало;

и угощались стариками и знаменитый Мерзляковъ, и преподаватель Греческой словесности въ университѣтѣ Оболенскій, и многіе другіе ученые и литераторы: собесѣдники ихъ были 15-ти лѣтній студентъ, который смотрѣлъ уже совершенно „развитымъ“ молодымъ человѣкомъ и съ которымъ всѣ охотно вступали въ серьезные разговоры и пренія. Такъ продолжалось до 1821 года.

Въ этомъ году, когда Тютчеву не было еще и 18-ти лѣтъ, онъ сдалъ отлично своей послѣдній экзаменъ и получилъ кандидатскую степень. По всѣмъ соображеніямъ родныхъ и знакомыхъ, предъ нимъ открывалась блестящая карьера. Но честолюбивыѣ виды отца и матери мало тревожили душу беспечнаго кандидата. Предоставивъ решеніе своей будущей судьбы старшимъ, самъ онъ весь отдался своему настоящему. Жаркій поклонникъ женской красоты, онъ охотно посѣщалъ свѣтское

И днесъ, у самыхъ днѣй моихъ заката,
Мой одръ печальный посѣтило,
Мою всю душу осѣпило

И благодатный праздникъ возвѣстило...
«Миѣ всегда мнилось», — продолжаетъ да-
лѣе больной поэтъ, — что это тѣ «раннаго
события часъ»

Миѣ будетъ на всю жизнь благинъ зна-
меновашъ.

И не ошибся я: вся живѣль моя прошла
Подъ вѣтми кроткими, благостными вѣ-
линьемъ....

Необходимо пояснить что для Жуковскаго по тѣснотѣ помѣщенія во дворцѣ, была отведена келья въ Чудовомъ монастырѣ: тамъ и дожидался его Тютчевъ-отецъ съ сыномъ, какъ вдругъ раздалась пальба, загудѣла колокола, и на порогѣ кельи появился Василій Андреевичъ съ боевомъ шампанскаго въ руахъ и съ вѣстью о ра-
достномъ событиї.

общество и пользовался тамъ успѣхомъ. Но ничего похожаго на буйство и разгуль не осталось въ памяти обѣ нѣмъ у людей, знавшихъ его въ эту первую пору молодости. Да буйство и разгуль и не свойственны были его природѣ: для него имѣли цѣну только тѣ наслажденія, гдѣ было мѣсто искреннему чувству или страстному поэтическому увлеченію. Не осталось также, за это время, никакихъ слѣдовъ его стихотворческой дѣятельности: донашіе знали, что онъ иногда забавлялся писаньемъ остроумныхъ стишковъ на разные мелкіе случаи,—и только.

Въ 1822 году Тютчевъ былъ отправленъ въ Петербургъ, на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Но въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же года, его родственникъ, знаменитый герой Кульмской битвы, потерявшій руку на поляѣ сраженія, графъ А.И. Остерманъ-Толстой посадилъ его съ собой въ карету и увезъ за границу, гдѣ и пристроилъ сверхштатнымъ чиновникомъ къ Русской миссіи въ Мюнхенъ. „Судьбѣ угодно было вооружиться послѣдию рукою Толстаго (вспоминаетъ Федоръ Ивановичъ въ одномъ изъ писемъ, посланныхъ къ брату, лѣтъ 45 спустившись бѣ переселить меня па чужбину.“

Это былъ самый рѣшительный поворотъ жизни Тютчева, опредѣлившій всю его дальнѣйшую участіе.

На козлахъ той кареты, которая увезла графа Остермана-Толстого и 18-тилѣтнаго Тютчева за границу, усадилъ и благополучно прибыль, въ Мюнхенъ вмѣсть въ ними, старикъ-дядка Федора Ивановича, Николай Аѳанасьевичъ Хлоповъ. Онъ не захотѣлъ разстаться въ „дитяте“, которое взлѣтѣло съ 4-хъ лѣтнаго возраста,—которое и само плютило ему равною привязанностью. Съ умиленiemъ упоминаетъ о своемъ дядѣ и о своей дѣтски-страстной къ нему

любви, покойный поэтъ — также въ одномъ изъ писемъ къ своему брату, въ 1869 году, почти полстолѣтіе послѣ путешествія въ Мюнхенъ. Николай Аѳанасьевичъ былъ когда-то крѣпостнымъ г. Татищева, затѣмъ отпущенъ на волю и поступилъ въ услуженіе къ Ивану Николаевичу Тютчеву, у которого и остался по смию свою смерть. Грамотный, благочестивый, онъ пользовался большимъ уваженіемъ своихъ господь, и во время пребыванія въ Мюнхенѣ велъ постоянную переписку съ Екатериной Львовной. Онъ акуратно доносилъ ей всѣ интересныя, съ его точки зреіїя, подробности обѣ ея сыновъ — лѣнивомъ на письма и нисколько не заботившемся о материальной сторонѣ существованія. Къ сожалѣнію, не сбереглось ни одного изъ этихъ донесеній, а было бы любопытно видѣть, какъ отражалась жизнь поэта ея поэтическою стороныю въ своеобразномъ изложеніи старого дядьки и сквозь призму его суждений *).

Въ Мюнхенѣ старикъ остался вѣрь вѣсмъ Русскимъ обычаямъ, и въ Нѣмецкой квартирѣ Тютчева устроилъ себѣ уютный Русскій уголокъ съ иконами и лампадою, словно перенесенный изъ какогд-нибудь Московскаго прихода Нико-

*) Сохранилась впрочемъ память обѣ однѣмъ письмѣ, имѣющемъ кѣваторую связь съ известнымъ граціознымъ стихотвореніемъ Тютчева, написаннымъ въ 16-ти лѣтней вѣковѣтской красавицѣ:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край, и проч.

По поводу этой красавицы Хлоповъ сердито докладывалъ въ свое мѣсто письмѣ изъ Мюнхена матери влюбленнаго автора, что Федоръ Ивановичъ изволилъ обмѣняться съ нею часовыхъ шейными цѣпочками и вѣсто своей золотой получить въ обмѣнъ только шелковую..

лы на Курьихъ Ножкахъ или въ Сапожкахъ. Опѣ взялъ въ свое завѣдывающіе хозяйство юнаго дипломата и собственоручно готовилъ ему столъ, угождая его, а порою и его пріятелей-иностраницевъ, произведеніями русской кухни. Николай Аѳанасьевичъ остался въ Мюнхенѣ до самой женитьбы Федора Ивановича въ 1826 году, а потомъ возвратился къ Ивану Николаевичу, въ домъ котораго, черезъ нѣсколько лѣтъ, и умеръ. Онъ завѣщалъ своему питомцу норочно имѣ сооруженную для него, Федора Ивановича, икону Феодоровской Божіей Матери, съ изображеніемъ четырехъ Святыхъ по угламъ, празднуемыхъ въ самые, по именію Хлопова, знаменательные для Тютчева дни. Выборъ этихъ дней и надписи на задней доскѣ образа, начертанныя самимъ Николаемъ Аѳанасьевичемъ, — его тяжелымъ, старообразнымъ почеркомъ; въ высшей степени оригинальны: въ нихъ столько простой, искренней любви и въ тоже время столько наивнаго смѣшенія понятій, что ихъ цѣлья читать безъ особеннаго ушилія и улыбки. Сзади иконы и по срединѣ написано: „Сему образу празднество Февраля 3; въ сей день мы съ Федоромъ Ивановичемъ прѣѣхали въ Петербургъ, гдѣ онъ вступилъ въ службу.“ На правомъ верхнемъ углу, позади Апостола Варѳоломея, надпись, объясняющая день отѣзда „въ Баварію“ (1822 г. Іюля 11) и прїезда въ Москву, чрезъ три года, въ отпускъ. На другомъ углу, соответствующемъ изображенію Преподобнаго Макарія, слѣдующая надпись; „Генваря 19, 1825 г. Федоръ Ивановичъ долженъ помнить, что случилось въ Мюнхенѣ отъ его нескромности и какая грозила опасность.“ Внизу, позади Св. Евфимія Великаго: „20 Генваря, т. е. на другой же день все кончилось благополучно.“ Наконецъ на четвертомъ углу: „Св.

Исакія. Въ сей день, въ бытность нашу въ Варшавѣ“ (проѣздомъ въ отпускѣ) „произведенъ Федоръ Ивановичъ въ камерз-юнкеры“... Затѣмъ опять по сре-днѣ, другая надпись: „Въ память моей искренней любви и усердія къ моему другу Федору Ивановичу Тютчеву. Сей образъ по смерти моей принадлежитъ ему. Подписано 1826 года марта 5-го Николай Хлоповъ.“

И образъ свято сохранился у Тютчева въ кабинетѣ до самой его кончины.

Какъ ни мелочна повидимому эта біографическая подробность, цо она не лишена значенія. Она характеризуетъ и самого Тютчева, котораго слуга, бывшій крѣпостной, его дядька и поваръ, называетъ своимъ другомъ, и ту эпоху, когда типы, подобные Хлопову, были нерѣдки. Благодаря имъ, этимъ высокимъ нравственнымъ личностямъ, возникавшимъ среди и вопреки безнравственности исторического соціального строя,—даже въ чудовищную область крѣпостныхъ отношений проступали, по-рою, кроткіе лучи все облагораживающей, все возвышающей любви. Условія зависимости и неравенства согрѣвались человѣчностью, даже окрашивались какимъ-то мягкимъ, поэтическимъ колоритомъ.—Николай Аѳанасьевичъ вполнѣ напоминаетъ знаменитую яну Пушкина, воспѣтую и самимъ поэтомъ, и Дельвигомъ, и Языковымъ. Этимъ именемъ и дядькамъ должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи Русской словесности. Въ ихъ нравственномъ воздействиіи на своихъ питомцевъ слѣ-дуетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, искать объясненіе: какимъ образомъ, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ наше оторвашое отъ народа общество,—въ эту среду, хвастливо отрекавшуюся отъ Русскихъ историческихъ и духовныхъ преданій, пробирались иногда, неслышно и незо-

мѣтно, струи чистѣйшаго народнаго духа? Откуда и чѣмъ питалось и поддер-живалось въ нашихъ, повидимому вполнѣ о francaуженныхъ поэтахъ и дѣяте-ляхъ, проявлявшееся въ нихъ чорою истинно-русское чувство и русская мысль? Да и вообще, кажется намъ, исторія умственаго общественнаго раз-витія въ Россіи едвони можетъ быть вполнѣ понята безъ частной исторіи семей, безъ оцѣлки той степени участія, повидимому неразумнаго, само-вольнаго, непрошеннаго, но тѣмъ не менѣе часто спасительнаго, которое въ нашей личной и общественной судьбѣ приходится на долю семье и быту,—непосредственному дѣйствію преданія и обычая... Конечнѣе Хлопову соб-ственно былъ обязанъ Тютчевъ сохра-неніемъ своей духовной самостоятель-ности на чужбинѣ; но не могла же, однако, воспріимчивая душа поэта не испытывать особеннаго благотворнаго ощущенія, когда тамъ, въ Баваріи, вдалекѣ отъ Россіи, по возвращеніи иной разъ поздней ночью на свою Нѣ-мецкую квартиру съ какого-нибудь прид-ворного Нѣмецкаго бала или раута,—его встрѣчала ласковая Русская журьба и осѣнила тихимъ своимъ свѣтомъ лам-пада, пеугасило теплившіяся предъ ико-нами старого дядьки.

Такъ какъ мы уже заговорили о бытовыхъ непосредственныхъ „вланіяхъ“ въ жизни Тютчева, то приведемъ и еще, обращенье. Вотъ два отрывка изъ писемъ Федора Ивановича къ своей второй женѣ. Они рисуютъ намъ наглядную картину домашнаго быта того времени, а также и взаимныхъ отношеній Тютчева и Екатерины Львовны, т. е. сына и матери, раздѣленныхъ, повидимому; неизмѣри-мо умственна пропастью: онъ—высо-кообразованный дипломатъ, воспитавшійся за границею мыслитель, чуждый правово-славныхъ обыкновеній, котораго весь

домашній строй жизни бытъ по необходимости иностранный; она, при всемъ своемъ Французскомъ языке, простая, Русская, православная женщина.. Не думая не гдаяши о какомъ вразумлениі и вліяніи, слѣдуя только обычаю и влечению сердца, она относится къ Европейскому умнику, какъ бывало къ ребенку Фединькъ,— и зреіый, почти уже старый сынъ ея съ умиленіемъ поддается ея материнскимъ требованиямъ, понимая и цѣня ихъ благое значение.

Въ 1843 году Тютчевъ пріѣзжалъ изъ Мюнхена въ Москву для свиданія съ родными, которыхъ не видѣлъ слишкомъ пять лѣтъ; на возвратномъ пути за границу онъ остановился въ Петербургѣ, и въ письмѣ къ своей женѣ, еще не бывавшой въ Россіи, такъ разсказываетъ свое прощаніе съ семьей и Москвою:

„...Toute ma famille m'a accompagné jusqu'au bureau des diligences, et l'apparition de ma mère dans un pareil endroit était un fait sans précédent et sans analogue dans sa vie. Je n'ai pas besoin de te dire, que dans la matinée du jour de mon départ, qui était un Dimanche, il y a eu après la messe le Te Deum obligé, suivi d'une visite dans une des chapelles les plus révérées de Moscou, où se trouve une image miraculeuse de la S-te Vierge d'Ibérie. En un mot tout s'est passé dans les formes de la plus stricte orthodoxie.. Eh bien, pour qui ne s'y associe qu'en passant, pour qui peut en prendre à son aise, il y a dans ces formes si profondément historiques, il y a dans ce monde russe-byzantin, où la vie et le culte ne font qu'un, et si vieux, que Rome elle-même, comparée a lui, sent quelque peu l'innovation,—il y a dans tout cela, pour qui a l'instinct de ces choses, une grandeur de poésie

incomparable, une grandeur telle, qu'elle subjuge l'inimitié la plus acharnée... Car au sentiment de ce passé déjà si vieux, vient fatallement s'associer le pressentiment d'un avenir incompris-
able“... *)

Другое письмо къ ней же отъ 11 Сентября 1858 года, когда Тютчеву было почти 55 лѣтъ: „...J'ai encore une fois pris congé de ma mère; j'ai encore une fois fait les trois saluts en terre à côté d'elle devant sa Vierge de Cazan, encore une fois, en m'en allant de sa chambre, approué mon dernier regard

*) „...Все семейство проводило меня до конторы дилижансовъ, и появление моей матери въ такомъ мѣстѣ было для лѣтъ небывалымъ, не имѣвшимъ себѣ ничего подобнаго въ ея жизни. Нужно-ли тебѣ рассказывать, что въ день моего отѣзда, который пришелся въ Воскресенье, была обѣдня, а послѣ обѣдня неизбѣжный молебень, затѣмъ посѣщеніе одной изъ самыхъ чтимыхъ въ Москвѣ часовенъ, где находится чудотворная икона Иверской Божией Матери. Однимъ словомъ, все произошло согласно съ порядками самого взыскательного православія... Ну что же? Для человѣка, который пріобщается къ нимъ только мимоходомъ и въ мѣру своего удобства, есть въ этихъ формахъ, такъ глубоко историческихъ, въ этомъ мірѣ Византійско-русскомъ, где жизнь и вѣрослуженіе составляютъ одно,—въ этомъ мірѣ столь древнемъ, что даже Римъ, въ сравненіи съ нимъ, пахнетъ новизною, есть во всемъ этомъ для человѣка, снабженного чутьемъ для подобныхъ явлений, величие поэзіи необычайное, такое величие, что оно преодолѣваетъ самую яркую враждебность... Ибо къ ощущенію ирошка,—и такого уже старого прошлаго,—при соединяется леводушно, какъ-бы предопределениемъ судьбы, предчувствіе позиціи маго будущаго...

sur elle, en l'accompagnant du шép̄e pressentiment parfaitement naturel", etc *).

Въ 1822 году, когда Тютчевъ переселился на житье въ Мюнхенъ, политическое значение этого города было иное, нежели теперь. Священный Союзъ былъ въ полномъ ходу, и частые конгрессы придавали ему еще больше дѣйствительной силы. Только сеѧ лѣтъ прошло по умиротвореніи Европы. Россія была въ апогеѣ величія и славы, и второстепенныя Германскіе дворы видѣли въ ней оплотъ своей автономіи противъ посягательства Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Во главѣ этихъ второстепенныхъ державъ, составлявшихъ въ федеративномъ Германскомъ устройствѣ колективный противовѣсь Аустрии и Пруссіи, стояла Баварія, какъ самая крупная, и поэтому играла некоторую политическую роль. Дипломатическая миссія въ Мюнхенѣ не считалась еще тогда, со стороны кабинетовъ, исполненіемъ только приличій между-державного этикета. Дипломатическій корпусъ въ Мюнхенѣ въ тѣ годы былъ многочисленный, и Баварскій царствующій домъ старался придать юному королевству, пожалованному въ это званіе лишь недавно, благодаря Наполеону и ловкости курфюрста Максимилиана Іосифа, всевозможный блескъ и злачепіе. Съ восшествіемъ на престолъ въ 1825 г. Людвига I, началось то, преполпепное ученыхъ претензій, пересозданіе Мюнхена въ Нѣмецкія Аѳины, которое, не претворивъ Нѣмцевъ въ Эллиновъ, стало

*) «...Я еще разъ простился съ моей матерью, еще разъ положилъ, рядомъ съ нею, три земныхъ поклона предъ ея Баварской Божіей Матерью; еще разъ, уходя изъ ея комнаты, оглянувшись послѣднимъ взглядомъ, съ тѣмъ же, какъ и прежде, предчувствіемъ, — совершило естественныя» въ проч.

однакоже вскорѣ привлекать и доселъ привлекасть туда множество путешественниковъ—собраніями образцовъ искусства, музеями, пинакотеками, глиптотеками и разнообразными зданіями-моделями. Щедрость короля сгруппировала въ Мюнхенѣ немало знаменитыхъ художниковъ и ученыхъ; въ числѣ послѣднихъ были Окенъ и Шеллингъ, которыми и украсился вновь открытый Мюнхенскій университетъ.

Съ переѣздомъ Тютчева въ Мюнхенъ начинается тотъ промыль во вѣнчихъ біографическихъ данныхъ, который пополнить нѣтъ теперь почти никакой надежды и который продолжается до самого его обратнаго переселенія въ Россію. А между тѣмъ этотъ періодъ времеи безъ сомнѣнія самый важный въ его жизни,—періодъ его умственного и духовнаго самосложенія. Впрочемъ, объ его внутреннемъ ростѣ, о ростѣ его мысли и таланта, мы еще можемъ судить по его литературнымъ произведеніямъ, по тому строю понятій и мышленій, который онъ высказывалъ позднѣе, въ Россіи, и который былъ имъ выработанъ еще въ чужихъ краяхъ; поэтому, характеризуя Тютчева какъ мыслителя и поэта, мы еще не разъ возвратимся къ періоду его долголѣтнаго пребыванія за границею. Здѣсь же, согласно съ принятымъ пами планомъ, мы имѣемъ дѣло по преимуществу съ вѣнчайшей біографической стороной его жизни, для которой именно и подостаетъ надлежащаго материала. Его письма къ отцу и матери сохранились только съ 1836 года, и представляютъ скучное содержаніе. Извѣснѣе его первой жены, въ началѣ 30-годовъ, намъ раскрывается также очень не многое. Особенно мало данныхъ о первыхъ десяти годахъ его заграницнаго существованія. Мы знаемъ только, что перенесенный внезапно на западно-европейскую арену, въ блес-

тящій дипломатический кругъ, Тютчевъ нисколько не потерялся,—что ш-г или Негг *Тутшевъ* (какъ прозвали его мудреную для себя фамилію иностранцы) скоро сталъ любимцемъ высшаго Мюнхенскаго общества и непремѣннымъ членомъ всѣхъ свѣтскихъ и несвѣтскихъ сборищъ, гдѣ предъявлялся запросъ на умъ, образованность и талантъ; что наши посланники въ Мюнхенъ, Потемкинъ, а потомъ князь Г. И. Гагаринъ, всегда принимали въ его судѣ живое, искрѣннее участіе; что Тютчевъ не однажды посѣщалъ Парижъ и другія столицы Германіи; что вообще его частная жизнь была не бѣдна личными романтическими драмами, не представляющими впрочемъ никакого интереса для нашихъ читателей; что при всемъ томъ онъ много читалъ, учился и былъ въ частомъ общеніи съ Германскими учеными и литераторами. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, касающемся исторіи его внутренняго развитія, мы скажемъ подробнѣ въ своеемъ мѣстѣ, а теперь поспѣшимъ дочертить начертанія нами вѣнчанія біографическія рамки.

Въ 1825 году Тютчевъ пріѣжалъ на короткое время въ отпускъ въ Москву, къ своимъ родителямъ; въ 1826 году, 23-хъ лѣтъ отъ роду, онъ женился въ Мюнхенѣ на милой, граціозной, умной, нѣсколько старшей его, вдовѣ нашего бывшаго министра при одномъ изъ второстепенныхъ Германскихъ дворовъ, Петерсонѣ (*). Урожденная графиня Ботнеръ, она происходила по матери изъ рода Ганштейнъ. Такимъ образомъ Тютчевъ породнился разомъ съ двумя старыми аристократическими фамиліями Ба-

(*) Ихъ ея сыновей отъ этого брака, одинъ, Евгень Александровичъ Петерсонъ, занимаетъ въ настоящее время должность директора канцелярии при министрѣ иностранныхъ дѣлъ, канцлерѣ князѣ Горчаковѣ.

варіи и попалъ въ цѣлый сонмъ Нѣмецъ-родственниковъ. Впрочемъ послѣдніе мало были способны уразумѣть Тютчева и вообще симпатизировать съ его оригинальною и уже вовсе не Нѣмецкою природою. За то скромная гостиница Тютчевыхъ въ Мюнхенѣ, при общительномъ характерѣ прелестной хозяйки, стала вскорѣ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ даровитыхъ и вообще замѣчательныхъ людей въ городѣ; особенно часто посѣщалъ ее поэтъ Гейне. Съ особыніемъ сочувствіемъ упоминаются также о Тютчевыхъ, мужѣ и женѣ, Кирѣевскіе (Петръ и Иванъ Васильевичи) въ письмахъ своихъ въ Москву, къ матери, отъ 1830 года, изъ Мюнхена, гдѣ оба брата слушали лекціи Шедлинга (*). Отъ этого брака Федоръ Ивановичъ имѣлъ трехъ дочерей. Сохранившаяся отъ того времени домашняя переписка свидѣтельствуетъ, что Тютчевы, оба плохіе хозяева, при немалой уже семье и при своемъ общественномъ положеніи, часто были озабочиваемы и затруднены недостаткомъ денежныхъ средствъ.

Въ 1830 году Тютчевъ возилъ свою жену въ Петербургъ знакомиться съ ея Русскими родными. Въ 1833 году онъ былъ, по собственной охотѣ, отправленъ „курьеромъ“ съ дипломатическимъ порученіемъ на Іоническое острова. Въ концѣ 1837 года, уже каммергеръ и статскій советникъ, онъ былъ повышенъ по службѣ, именно назначенъ старшимъ секретаремъ посольства въ Туринъ,—что было впрочемъ не совсѣмъ согласно съ его желаніемъ: онъ надѣялся получить мѣсто въ Вѣнѣ. Прежде чѣмъ отправиться на свой новый постъ, онъ снова привезъ жену и дѣтей въ Петербургъ, гдѣ и оставилъ ее, при своихъ родныхъ, на всю зиму,

(*) См. Сочиненія И. В. Кирѣевскаго, т. I. Біографія.

а самъ вскорѣ уѣхалъ опять въ Мюнхенъ и оттуда въ Туринъ. Объ этихъ его поѣздкахъ въ Петербургъ мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній. Съ кѣмъ видался онъ тогда всего болѣе, былъ ли знакомъ съ кругомъ Петербургскихъ литераторовъ, успѣвалъ ли обращать на себя подлежащее вниманіе—ничего этого мы не знаемъ; по всему видно, что эти поѣздки не оставляли по себѣ особаго слѣда въ тогданиемъ обществѣ,—да Тютчевъ впрочемъ и не добивался извѣстности; она цаконецъ составилась сама собою, но, кажется, гораздо позднѣе. Пробывъ зиму въ Петербургѣ, жена съ дѣтьми возвратилась весною къ мужу, но осенью того же года скончалась въ Туринѣ^(*).

Въ 1839 году Тютчевъ женился снова, на вдовѣ баронессѣ Дѣрнгейнѣ, женщинѣ замѣчательной красоты и ума, урожденной баронессѣ Пфеффель,—впро-

(*) Тютчева отправилась изъ Петербурга моремъ, на томъ самомъ пароходѣ „Николай“, который, почти у береговъ Пруссіи, внезапно, ишью, былъ охваченъ пожаромъ и погибъ въ пламени. Пассажиры, въ ужасѣ, кто какъ былъ, стояли на узкой лѣстницѣ, спущенной съ парохода къ подспѣвшимъ лодкамъ: произошла страшная давка, многие падали въ море и утонули. Тютчева выказала замѣчательное мужество: она сошла съ парохода послѣднею, съ тремя своими маленькими дѣтьми, изъ которыхъ младшему было полтора года. Весь ея гардеробъ и вещи погибли. Эта катастрофа окончательно потрясла ея, и безъ того разстроенное, здоровье. Къ ней-то относятся стихи Федора Ивановича:

Еще томлюсь тоской желаній,
Еще стремлюсь къ тебѣ душой,
И въ сумеркѣ воспоминаній
Еще ловлю я образъ твой и проч.

чемъ изъ семейства болѣе Французскаго, чѣмъ Нѣмецкаго, происхожденіе изъ Альзаса. Тютчевъ не долго оставался въ столицѣ Пiemonta, гдѣ къ тому же очень скучалъ и гдѣ тогда не было почти никакой политической и общественной жизни. Исправляя, за отсутствіемъ посланника, должность посла въ дѣлахъ и видѣ, что дѣло собственно не было никакихъ, нашъ поэтъ, въ одинъ прекрасный день, имѣя неотложную надобность сѣверить на короткій срокъ въ Швейцарію, заперъ дверь посольства и отлучился изъ Турина, не испросивъ себѣ формальнаго разрѣшенія. Но эта самовольная отлучка не прошла ему даромъ. О ней узнали въ Петербургѣ, и ему повелѣно было оставить службу, при чёмъ сняли съ него и званіе камергера... Тютчевъ однако не поѣхалъ въ Россію, а переселился опять въ знакомый, почти родной ему Мюнхенъ, въ ожиданіи пока въ Петербургѣ разяснится недоразумѣніе и примиряется съ органическою выходкою дипломата-поэта.

Съ 1840 года Тютчевъ зажилъ въ Мюнхенѣ прежнюю жизнью, усердно посвящая общество и самъ не менѣе ревностно посвящаемый. Многие изъ иностранныхъ дипломатовъ, бывшихъ въ ту пору въ Мюнхенѣ, до сихъ поръ хранятъ въ помяти часы, проведенные въ его домѣ. Такъ намъ недавно довелось прочесть нѣсколько строкъ о чёмъ въ статьѣ за подписью „Léon Bore“, озаглавленной „Souvenirs de voyage“ и помещенной въ № 12 Января 1873 г. одной Французской провинциальной газеты: L’Union de l’Ouest. Въ этой статьѣ много невѣрностей, но гдѣ-то не менѣе замѣчательно, что авторъ, черезъ тридцать лѣтъ, не зная даже, живъ ли еще Федоръ Ивановичъ, съ восторгомъ и благодарностью воспоминаетъ о своихъ бесѣдахъ съ нимъ за вечернимъ чаѣ-

ныъ столомъ въ его Мюнхенской гостиной, даже цитуетъ, какъ сужденіе авторитета, слова Тютчева о тогдашней политики Тьера, съ восхищеніемъ говоритьъ объ его Французской прозѣ и указываетъ на другаго французскаго дипломата-почитателя Тютчева, барона Бургана, шг. le baron Paul de Bourgoing (*)... Въ одномъ изъ писемъ Тют-

(*) Раэсказывая о вечернемъ собраниіи, въ Мюнхенѣ, въ Сентябрѣ 1843 года, у французскаго посланника при Баварскомъ дворѣ и пера Франціи, барона Бургана, Борѣ приводяется: „Parmi les invités, l'on distinguait le baron (!) de Tutschef (prononcez Toutechef), ancien ministre russe accrédité à la cour de Bavière (неправда), et certes, ce n'était pas faire un mince éloge de ses études et de ses qualités sociales, lorsque, ayant pu apprécier les unes et les autres, on les mettait sur la même ligne.... J'aimais singulièrement à causer avec le baron de Tutschef... Aussi était-ce pour moi un vif plaisir de prendre chez lui le thé, certains soirs, où il me faisait avertir, qu'il n'irait pas dans le monde. Son foyer m'était ouvert avec une politesse toute française par sa seconde femme, la belle, gracieuse et spirituelle petite-fille (т. е. petite-nièce) du littérateur alsacien Conrad Pfeffel...“ Далѣе: „Ma reconnaissance pour les agréments et les avantages, que m'ont procurés, pendant plusieurs années, les conversations du baron de Tutschef, m'imposent en quelque sorte le devoir de le faire connaître un peu comme écrivain, car il écrivait aux heures libres, que lui laissait sa double existence d'homme d'affaires et d'homme du monde, et vous verrez, par un trop court échantillon, comment ce Russe maniait notre langue...“ О статьѣ Тютчева, которую здесь разумѣеться Борѣ, и объ его сужденіи по поводу тогдашней политики Тьера, мы будемъ говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

чева къ своей женѣ изъ Петербурга, именно отъ 16 Сентября 1871 года: (следовательно за два года до кончины), мы читаемъ слѣдующія строки:... „En fait de nouveaux arrivés il y a le nouveau ministre de Grèce, Boudouris, que nous avons beaucoup vu et même connu comme tout jeune homme dans le temps à Munich. Il est venu me voir et m'a réellement étonné par la vivacité de ses souvenirs. C'était à croire, que nous nous étions rencontrés l'avant veille seulement... Il m'a cité jusqu'à certains propos, qu'il prétend avoir été dits par moi dans le temps... Car il paraît, qu'alors déjà je disais des mots (*)...“

Впрочемъ, кто хоть разъ въ жизни встрѣчалъ Тютчева, тому уже мудрено было его позабыть: такъ не похожъ быль онъ на другихъ; такъ выдѣлялось впечатлѣніе, производимое его рѣчами изъ массы всѣхъ прочихъ однородныхъ впечатлѣній.

Въ 1843 году Тютчевъ, какъ уже было упомянуто, прїезжалъ изъ Мюнхена въ Москву и въ Петербургъ, чтобы

(*) „Въ числѣ новопрѣзмыхъ есть новый министръ Гречіи, Будурисъ, кото-
рого мы много видали и даже знали во
время оно, въ Мюнхенѣ, еще совершенно
молодымъ человѣкомъ. Онъ навѣстилъ
меня и истинно изумилъ живостью своихъ
вспоминаній. Можно было бы подумать,
что паша встрѣчасть немъ была не даль-
ше, какъ вчера. Онъ даже привелъ мнѣ
несколько изрѣчений, будто бы мною тогда
вымолвленныхъ... Должно быть, значитъ,
я ужъ и тогда говорилъ остроты...“
(phots—почти не переводимо по-русски вак-
цимъ либо однимъ словомъ, безъ вѣтвей:
умное, острое выраженіе, сужденіе, изрѣ-
ченіе).

предварительно подготовить свое переселение въ Россію и устроить дѣло по службѣ. Въ этотъ пріѣздъ онъ особенно сошелся съ княземъ П. А. Вяземскимъ и вообще принялъ бытъ въ Петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, какъ лицо уже замѣченное въ Европѣ, уже известное остротою мысли и слова. Объ этомъ пріѣзѣ, вѣроятно не похожемъ на прежніе, и о дружескомъ вниманіи князя Вяземского онъ самъ, съ благодарностью, отзывается въ письмахъ къ женѣ; пишетъ о томъ же и отцу съ матерью, которые, кажется, были очень озабочены общественнымъ положеніемъ своего сына и нетерпѣливо желали, чтобы скорѣе супта была опалда, таготѣвшая надъ нимъ за самовольную отлучку изъ Турина. Посѣтивъ, на возвратномъ пути въ Мюнхенъ, семейство Крюднеровъ въ Петергофѣ, опѣпознакомился у нихъ съ графомъ Бенкендорфомъ, чрезъ котораго и подалъ Государю какую-то записку или проектъ политического содержанія,—какого именно, мы не знаемъ: никакихъ слѣдовъ черновой рукописи въ его бумагахъ не сохранилось. Есть, впрочемъ, основаніе думать, что эта записка касалась нашей политики на Востокѣ. Нельзя не сожалѣть объ утратѣ этой записки, если только она утрачена: очень можетъ быть, что она отыщется со временемъ въ архивахъ министерства иностраннѣй дѣлъ, вмѣстѣ со многими другими мемуарами и политическими письмами Тютчева, адресованными какъ къ графу Нессельроде, такъ и въ позднѣйшее время.

Лѣтомъ 1844 г. Тютчевъ, съ женой и съ дѣтьми, окончательно возвращается въ Россіи, и именно въ Петербургѣ, изрѣдка совершая поездки за границу и ежегодно въ Москву.... Но сообщаю сначала нѣсколько документальныхъ данныхъ объ его пріѣздахъ въ Россію въ

1843 и въ 1844 г. и о представленной имъ чрезъ графа Бенкендорфа запискѣ. Изъ писемъ къ женѣ: отъ 9-го Сентября: „Je vais rejoindre les Krudener à Péterhof, et de là le comte Benkendorf nous emmène dans son château de Fall, proche de Réval.“ Отъ 29 Сент.: „Ma visite chez le comte Benkendorf a été de cinq jours fort agréablement passés. Je ne puis assez me féliciter d'avoir fait la connaissance du brave homme, qui en est le propriétaire. C'est certainement une des meilleures natures d'homme, que j'aie jamais rencontrées. Il est un des personnages les plus influents, les plus haut placés de l'Empire et exerçant par la nature de ses fonctions une autorité presqu'aussi absolue, que celle du Maître. Voilà ce que je savais, et ce n'est pas certainement cela, qui pouvait me prévenir en sa faveur... J'ai été par conséquent d'autant plus aise de me convaincre, que c'était en même temps un homme parfaitement bon et honnête. Il m'a comblé d'amitiés beaucoup à cause de m-me Krudener et un peu aussi par sympathie personnelle; mais ce dont je lui sais plus de gré encore que de son accueil, c'est de s'être fait l'organe de mes idées auprès de l'Empereur qui leur a accordé plus d'attention, que je n'osais l'espérer. Quant au public, j'ai été à même de m'assurer, par l'écho que ces idées y ont trouvé, que j'étais dans le vrai, et maintenant, grâce à l'autorisation tacite, qui m'a été accordée, il sera possible d'essayer quelque chose de sérieux... (*)“

Изъ письма къ отцу и матери 1843 года изъ Ревеля отъ 3 Сентября: разсказавъ о своей поездкѣ къ графу Бенкендорфу и объ его дружественномъ

*) ... «Нѣду въ Крюднерамъ въ Петергофѣ, откуда графъ Бенкендорфъ ве-

приемъ, Тютчевъ продолжаетъ: „Mais ce qui m'a été particulièrement agréable, c'est l'accueil qu'il a fait à mes idées relativement au projet que vous savez, et l'empressement qu'il a mis à les appuyer auprès de l'Empereur. Car le lendemain même du jour, où je lui en avais parlé, il a profité de la dernière entrevue, qu'il a eue avec l'Empereur avant son départ, pour les por-

зеть настъ въ свой замокъ Фалль близь Ревеля... «Я провелъ у графа пять дней самыи пріятныи образомъ. Не могу довольно нарадоваться, что пріобрѣлъ знакомство такого славнаго человѣка, каковъ хозяинъ здѣшняго мѣста. Это конечно одна изъ лучшихъ человѣческихъ патуръ, когда либо мною встрѣченыхъ. Онъ принадлежитъ къ наиболѣе влиятельнымъ, начиные поставленнымъ лицамъ въ Имперіи и сверхъ того по самому характеру своихъ должностей пользуется властью почти такою же безусловною, какъ и власть самого Повелителя. Вотъ что мнѣ было известно, и конечно уже не это могло меня расположить въ его пользу... Тѣмъ пріятнѣе мнѣ было убѣдиться, что онъ въ тоже время совершилъ добрый и честный человѣкъ. Онъ осыпалъ меня ласками, большую частью ради г-жи Брюднеръ и частью также изъ личной ко мнѣ симпатии; но за что я еще болѣе благодаренъ, чѣмъ за приемъ, это за то, что онъ взялся быть проводникомъ моихъ мыслей при Государѣ, который удѣлилъ имъ болѣе вниманія, чѣмъ я смѣлъ ожидать. Чѣмъ касается до публики, то я могъ удостовѣриться по отголоску, который встрѣтился въ ней эти мои мысли, что я напалъ на правду, и теперь, благодаря молчаливому поощренію, которое мнѣ оказано, можно будетъ попытаться на что-нибудь серьезное»...

ler à sa connaissance. Il m'a assuré, que mes idées ont été accueillies assez favorablement et qu'il y avait lieu d'espérer, qu'il pourra y être donné suite. Je lui ai demandé de me laisser cet hiver pour préparer les voies, et je lui ai promis de venir le trouver soit ici, soit ailleurs, pour prendre des arrangements définitifs. Au reste il n'est pas le seul ici qui s'intéresse à la question, et je crois que le moment était opportun pour la soulever... Nous verrons...*) Возвратившись въ Мюнхенъ, Тютчевъ не переставалъ думать о переселеніи въ Россію. Поездка его оживила; съ новыми Петербургскими знакомыми и друзьями завелась у него довольно частая переписка. Лѣтомъ слѣдующаго года онъ написалъ и напечаталъ „Письмо къ издателю Всеобщей Аугсбургской Газеты, доктору Кольбу“

*) «Но что мнѣ было особенно пріятно, это его внимание къ моимъ мысламъ относительно извѣстнаго вамъ проекта, и та послѣдняя готовность, съ которой онъ оказалъ имъ поддержку у Государа: потому что, па другой же день нашего разговора, онъ воспользовался послѣднимъ своимъ свиданіемъ съ Государемъ предъ его отѣздомъ, чтобы довести обѣихъ до его свѣдѣнія. Онъ увѣрялъ меня, что мои мысли были приняты довольно благосклонно, и есть поводъ надѣяться, что имъ будетъ данъ ходъ. Я просилъ его предоставить мнѣ эту зиму на подготовленіе путей и обѣщалъ, что непремѣнно приду къ нему, сюда ли или куда бы то ни было, для окончательныхъ распоряженій. Впрочемъ не онъ одинъ интересуется вопросомъ, и я думаю, что минута для его возбужденія была пригодна... Увидимъ... Все это загадки, которымъ разъясненія мы покуда еще не знаемъ.

которое, въ подлинникѣ и въ Русскомъ перевода, спустя тридцать лѣтъ, обнародовано и въ Россіи, именно въ 10 „гетради Архива“ 1873 года подъ заглавиемъ: „Россія и Германія“. Едва ли это не былъ его первый напечатанный прозаический трудъ. Онъ не остался не замѣченнымъ и Русскими соотечественниками: есть указаніе въ одномъ изъ писемъ Тютчева къ отцу, что статья была прочтена, и не безъ сочувствія, самимъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ (*).

(*) Что статья Тютчева была напечатана—это несомнѣнно; но именно ли въ Аугсбургской Газетѣ, этого мы еще не можемъ утверждать навѣрное, потому что, не смотря на всѣ наши старанія, намъ до сихъ поръ не удалось разыскать изданія этой газеты за 1844 годъ. Подлинная рукопись (руки самого Ф. Ивановича) начинается обращеніемъ автора къ самому Кольбу (оно опущено въ Русскомъ Архивѣ). Вотъ первыя строки этого обращенія: «*L'accueil, que vous avez fait dernièrement à quelques observations, que j'ai pris la liberté de vous adresser, ainsi que le commentaire modéré et raisonnable, dont vous les avez accompagnées, m'ont suggéré une singulière idée. Que serait-ce, monsieur, si nous essayons de nous entendre sur le fond même de la question. Je n'ai pas l'honneur de vous connaître personnellement; en vous écrivant, c'est donc à la Gazette Universelle d'Augsburg que je m'adresse».* Изъ этого видно, что въ Аугсбургской Газетѣ уже и прежде была напечатана, если не цѣлая статья, то какая нибудь замѣтка Тютчева съ примѣчаніемъ самого Кольба, вѣроятно по тому же вопросу о политическихъ отношеніяхъ Германіи и Россіи.—Все это, конечно, со временемъ разъяснится, какъ

Дво по службѣ скоро уладилось: Тютчеву были возвращены всѣ служебныя права и почетныя звания, и позволено было состоять по особымъ порученіямъ при государственномъ канцлерѣ. Всобще появление его въ Петербургскомъ свѣтѣ сопровождалось блестящимъ успѣхомъ. Онъ сразу занялъ въ обществѣ то особенное, видное положеніе, которое удерживалъ потомъ до самой своей кончины и на которое давали ему такое право его образованность,

скоро удастся пересмотрѣть въ заграничныхъ библіотекахъ изданіе этой газеты за 1844 годъ. Между тѣмъ у насъ предъ глазами письмо Федора Ивановича къ отцу уже изъ Петербурга отъ 29 Октября 1844 года, въ которомъ онъ называетъ эту статью *брошюрою* (можетъ быть, ради краткости выражения); именно, упоминая о свиданіи съ генераль-адъютантомъ Нарышкинымъ, котораго называетъ своимъ *zélateur* (усердствующимъ ему), онъ прибавляетъ: «il m'a dit, qu'ayant lu, par hazard, une brochure que j'ai publiée l'été dernier en Allemagne, il en avait, suivant son habitude, parlé à tout le monde, et avait finalement réussi à la faire lire à l'Empereur qui, après l'avoir lue, a déclaré qu'il y retrouvait toutes ses idées, et a paru curieux de savoir qui en était l'auteur. Je suis assurément très flatté de cette coïncidence, mais par des motifs, qui, je puis le dire, n'ont rien de personnel»... Тютчевъ ничего не поясняетъ болѣе о брошюрѣ, и очевидно упоминаетъ обѣ ей и о прочтеніи ея Государемъ только потому, что такое извѣстіе должно было доставить пѣкоторое удовольствіе его старикамъ-родителямъ и успокоить ихъ на счетъ его дѣлъ по службѣ, тогда еще не устроенныхъ. Самую статью мы подробнѣ излагаемъ ниже.

его умъ и таланты. Предъ нимъ открылись настежь всѣ двери — и дворцовъ, и аристократическихъ салоновъ, и скромныхъ литературныхъ гостиныхъ: всѣ наперерывъ желали залучить къ себѣ этого Русского выходца изъ Европы, этого пріятнаго собесѣдника, привлекавшаго къ себѣ общее вниманіе оригинальною границю всего своего выѣшняго и духовнаго существа, самостоятельностью своей мысли, сверкающею острою своихъ импровизованныхъ рѣчей. Онъ самъ, въ письмахъ къ отцу и матери, свидѣтельствуетъ о радушномъ пріемѣ, ему оказанномъ, объясняя, впрочемъ это радушіе, съ привычкою ему скромностию, свойствами Русскаго цаціональнаго характера.... „Какъ могли вы вообразить — пишетъ онъ къ нимъ, черезъ мѣсяцъ по прїездѣ въ Петербургъ — что я опять оставлю Россію? Да еслибъ меня назначили посланникомъ въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ покинуть Россію, я бы поколебался принять. Это говорю только, чтобъ дать вамъ понять, какъ мало я тороплюсь отсюда уѣхать... И наконецъ,— отчего-жъ въ томъ и не соznаться, — Петербургъ, какъ общество, едва ли не одно изъ самыхъ пріятнѣхъ иѣстопрѣбываюій въ Европѣ. А когда я говорю *Петербургъ*, — я разумѣю Россію, Русскій характеръ, Русскую общітъность... Тоже самое и въ Москвѣ, только еще въ высшей степени. Дойдя до 40 лѣтъ, никогда, такъ сказать, и не живши въ Русскомъ обществѣ, я очень доволенъ, что нахожусь теперь въ немъ, и очень отрадно пораженъ тѣмъ необычнымъ благоволеніемъ, которое мнѣ оказываютъ. Не только что мое тщеславіе этимъ польщено; нѣтъ, это еще другое чувство, — чувство лучшее чѣмъ тщеславіе.“ *)

*) «...Comment avez vous pu imaginer que quelque chose qu'il arrive, je quitterais

Въ 1848 году Тютчевъ опредѣленъ старшинъ цензоромъ при Особой Канцелярии Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ въ прежней должности.— Въ этомъ же году или въ началѣ 1849 года, написалъ онъ статью, озаглавленную въ рукописи: *La Russie et la Révolution* (Россія и Революція). Она также помѣщена во Французскомъ подлиннике и въ Русскомъ переводѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года тетр. 5. Но оказывается, чего многие не знали; что она въ томъ же 1849 году была напечатана отдельно брошюрою, вѣроятно безъ вѣдома автора, во Франціи, въ очень маломъ числѣ экземпляровъ, барономъ Павломъ Бургуаномъ, бывшимъ Французскимъ посланникомъ при Мюнхенскомъ дворѣ, коротко знавшимъ Тютчева. Копія съ рукописи была достав-

la Russie?.. On me nommerait ambassadeur à Paris, à la condition de m'en aller immédiatement de la Russie, que j'hésiterais à accepter. C'est pour vous dire, combien peu je suis pressé de m'en aller, et ma femme l'est encore moins... Et puis pourquoi ne l'avouerions nous pas, Pétersbourg, comme societé, est peut-être un des plus agréables séjours qu'il y ait en Europe. Et quand je dis Pétersbourg, c'est la Russie, c'est le caractère russe, c'est la sociabilité russe... Et voilà ce qui fait, que ma femme est si impatiente d'aller à Moscou, parcequ'elle est sûre de retrouver tout cela à Moscou à un plus haut degré encore... Pour moi, arrivé à l'âge de 40 ans, sans avoir p. a. d. jamais vécu au milieu de la société russe, je me trouve très satisfait d'y être, et je me trouve très agréablement impressionné de la bienveillance qu'on m'y témoigne. Ce n'est pas ma vanité seulement qui s'en trouve flattée: c'est encore un autre sentiment, un sentiment meilleur que la vanité...»

лена изъ Петербурга въ Мюнхенъ родственнику Федору Ивановичу по женѣ, барону Пфеффелю, который конечно не замедлилъ распространить ее въ Мюнхенскомъ дипломатическомъ кругу, где она и дошла до барона Бургуана. Но брошюра, какъ видно изъ краткаго обзора и разбора ея въ *Revue des Deux Mondes* (1 juin 1849), носитъ иное, болѣе заманчивое название: *Mémoire présenté à l'empereur Nicolas, depuis la révolution de Février, par un Russe, employé supérieur aux affaires étrangères.* (Записка, представленная Императору Николаю, послѣ Февральской революціи, Русскимъ чиновникомъ высшаго разряда при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ). Дѣйствительно ли была она представлена Государю, намъ неизвѣстно; но пѣтъ сомнѣнія, что на такое заглавіе авторъ не даволь, да и не могъ бы дать, разрѣшенія *). Въ томъ же журналь *Revue des Deux Mondes*, въ 1-ой Январской книжкѣ 1850 года, напечатана другая статья Тютчева, также безъ его подписи, именно: *La Question Romaine et la Papauté* (Римскій Вопросъ и Папство). Обѣ статьи произвели сильное впечатлѣніе за границею,

особенно послѣдняя, которая обратила на себя вниманіе и въ Россіи. Редакторъ журнала *Лоранси* (*Lauréntie*) предположилъ статьѣ длинное примѣченіе съ возраженіями, довольно живыми, въ защиту католицизма и съ указаниемъ, что статья *La Question Romaine* и брошюра: *Mémoire présenté à l'empereur Nicolas* написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Въ 1854 году появилось въ IV кн. журнала „Современникъ“ (изданія Некрасова и Понаева) собраніе стихотвореній Тютчева, которое вслѣдъ за тѣмъ, нѣсколько дополненное, было выпущено редакціей въ свѣтъ отдѣльною книжкою, въ числѣ 95 писсъ. Съ этого только времениѣ былъ занесенъ Тютчевъ, такъ сказать официально, въ число Русскихъ стихотворцевъ, въ списокъ которыхъ онъ до тѣхъ поръ не состоялъ. Здѣсь кстати разсказать странную вѣщнюю судьбу поэзіи Тютчева, объясняемую, впрочемъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, отчасти его личнымъ характеромъ и особенностями его поэтическаго творчества. По отъездѣ его въ Мюнхенъ въ 1822 году, первыи его стихотворенія появляются въ печати въ Альманахѣ „Уранія“ 1826 года, изданномъ въ Москвѣ М. П. Погодинымъ и Раичемъ,—три перевода и одно оригинальное стихотвореніе „Проблескъ“, отмѣченныи 1823 и 1824 годами. Затѣмъ въ 1827 году Тютчевъ опять является вкладчикомъ въ новомъ альманахѣ своего бывшаго учителя Раича „Сѣверная Лира“, гдѣ помѣщается шесть писсъ (изъ нихъ 4 переводныхъ). Два стихотворенія напечатаны въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1827 года. Изъ помѣтъ подъ нѣкоторыми стихотвореніями видно, что Тютчевъ посыпалъ не самыя новыя, послѣднія свои произведения, а переводы и стихи прежнихъ лѣтъ, т. е. самой ранней своей молодости; они вообще слабы и

*) Вотъ какъ начинается рецензія въ *Revue des Deux Mondes* (въ отдѣлѣ *Chronique de la quinzaine*): *Une indiscretion habilement calculée a mis en circulation dans les salons diplomatiques de l'Allemagne un document quasi-officiel, qui apporte sur la politique latente du Czar, avec de nouvelles considérations mystiques, quelques lumières précieuses et d'une couleur originale. C'est un écrit qui porte le titre: Mémoire présenté и проч. Un ancien diplomate, Mr Paul de Bourgoing, l'a récueilli en Allemagne et lui a donné en France la publicité d'un très petit nombre d'exemplaires.*

не могли обратить на себя особенного вниманія, хотя въ иѣкоторыхъ піесахъ уже проявляется своеобразная фактура стиха и мѣстами блещетъ истинная поэзія. Наконецъ въ плохомъ журналѣ Раича „Галатея“, въ 1829 и 1830 году, Тютчевъ, вѣрный своему наставнику, поимѣщаетъ тринадцать стихотвореній, изъ которыхъ снова пять переводныхъ; но въ числѣ оригинальныхъ есть иѣсколько піесь первостепенного достоинства, которыя, впослѣдствіи перепечатанныя, признаны всѣми критиками за его лучшія произведения, но въ то время прошли совершенно незамѣченными (напримѣръ: „Гроза“, „Видѣніе“ и проч.). Чрезъ пять лѣтъ въ „Молвѣ“, еженедѣльномъ прибавленіи къ „Телескопу“ (журналу, издававшемуся въ Москвѣ Надеждинымъ), появилось превосходное по содержанію и по формѣ стихотвореніе его „Silentium“, также вовсе не замѣченное читающею публикою *).

Наконецъ нашелся въ Мюнхенѣ Русскій, который понимъ значеніе поэтическаго таланта Тютчева, собралъ, сколько могъ, его стихотвореній и доставилъ ихъ въ 1836 году Пушкину. Этотъ Русскій былъ князь Иванъ Сергеевичъ Га-

*) На это обстоятельство указалъ первый П. В. Анненковъ въ своей біографіи Сталкевича (1857 г.). Упомянувшись о помѣщенныхъ въ „Молвѣ“ первыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ Красова, въ которыхъ, «не смотря на благородство чувствъ, замѣтенъ иѣсколько узкій взглядъ на предметы», г. Анненковъ прибавляетъ: «Любопытно, что въ томъ же 1835 г. „Молва“ напечатала Silentium, О. Тютчева — произведение глубокаго, поетически-философскаго характера, не обратившее однакоже на себѣ должнаго вниманія»... Между тѣмъ эти стихотворенія Красова пользовались тогда въ обществѣ значительнымъ успѣхомъ.

гаринъ, въ настоящее время священникъ Ордена Іезуитовъ. Онъ служилъ тогда при нашей миссіи въ Мюнхенѣ, гдѣ его дядя, князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, находился посланникомъ. Русская литература обязана искреннею благодарностью князю Ивану Гагарину за то, что онъ извлекъ изъ подъ спуда поэтическія творенія Тютчева (которые безъ того вѣроятно бы погибли или растерялись) и отнесся съ ними прямо къ Пушкину, который съ 1836 года предпринялъ изданіе своего четырехмѣсячнаго обозрѣнія „Современникъ“. Пушкинъ, какъ известно, былъ выше всякой мелочной авторской зависти и всегда самымъ радушнымъ образомъ привѣтствовалъ каждый проблескъ истиннаго дарования. Онъ тотчасъ же оцѣнилъ стихи Тютчева по достоинству, и съ III-го же тома своего „Современника“ началъ ихъ послѣдовательное печатаніе подъ общимъ заглавіемъ: „Стихотворенія, присланныя изъ Германіи“, и за подписью: О. Т. По смерти Пушкина, „Современникъ“ издалаемый уже Плетневымъ, продолжалъ ежегодно помѣщать на своихъ страницахъ иѣсколько стихотвореній Тютчева, до начала 1840 года включительно. Всего съ 1836 г. по 1840 г. напечатано въ „Современникѣ“ 39 пьесъ, въ томъ числѣ Silentium, напечатанное прежде въ „Молвѣ“ и еще иѣсколько піесь, уже помѣщенныхъ въ „Галатеѣ“. Почему въ „Современникѣ“ не было выставлено полнаго имени автора — мы разъяснимъ не умѣемъ. Стихотворенія О. Т. обратили на себя вниманіе публики, но не вызвали ни одного отзыва въ тогдашихъ щашахъ журналахъ.

Затѣмъ съ 1840 до 1854 года, съдовательно въ теченіи четырнадцати лѣтъ, не появляется въ печати ни одного стихотворенія Тютчева, если не считать его перевода изъ Шиллера „Поминки“, помѣщенаго въ „Раутѣ“, альманахѣ

Н. В. Сушкина. Между тѣмъ эти 14 лѣтъ были едва ли, во всей его жизни, не самы обильны поэтическимъ творчествомъ. Не менѣе любопытно и слѣдующее обстоятельство. Въ 1850 году въ томъ же „Современникѣ“, но изданномъ тогда И. И. Пантелеймономъ и по-тому Некрасовымъ, напечатана статья Некрасова подъ названіемъ „Русскіе второстепенные поэты“, второстепенные, — пишетъ авторъ — не по степени достоинства, а по степени извѣстности, такъ какъ наша публика засучила себѣ только пять поэтическихъ именъ: Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Крыловъ, Кольцовъ, едва ли болѣе. Эта замѣчательная статья, въ которой Некрасовъ является истиннымъ знатокомъ и цѣнителемъ поэтической красоты, посвящена вся поэзіи Тютчева, о которомъ авторъ судить только по стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ „Современникѣ“ 1836—1840 года, объясняя, что „поэтическая дѣятельность г-на Ф. Т. продолжалась только пять лѣтъ; впрочемъ не можемъ сказать навѣрное, печаталъ онъ или когда-нибудь свои стихотворенія прежде.“ Но особенно странно и даже забавно читать слѣдующія строки, гдѣ авторъ статьи, какъ бы въ поэмахъ, ощупью, старается добраться до личности поэта, до настоящаго смысла подпись Ф. Т.; странно и забавно потому, что этотъ поэтъ не только жилъ въ одномъ городѣ съ авторомъ, но никако не скрывался, напротивъ при- надлежаТЬ вполнѣ себѣ и обществу, и былъ ревностнымъ посѣтителемъ всякихъ общественныхъ собраний. Упомянувшись объ общемъ заглавіи, подъ которымъ помѣщены были въ первый разъ стихи Тютчева въ Пушкинскомъ „Современнике“, г. Некрасовъ прибавляетъ:

„Прежде всего сважемъ, что хотя они и присылаемы были изъ Германіи, но не подлежали никакому сомнѣнію,

что автора ихъ было Русскію: всѣ они написаны были чистымъ и прекраснымъ языкомъ, и многія носили на себѣ живой отпечатокъ Русского ума, Русской души. Подпись Ф. Т-са, вместо Ф. Т., появившаяся вскорѣ подъ однѣмъ изъ нихъ, окончательно подтвердила, что авторъ ихъ нашъ соотечественникъ. Сдѣливъ это примѣчаніе для тѣхъ, которыхъ могло бы испугать заглавіе стихотвореній, мы продолжаемъ... Съ тѣхъ поръ это имя вовсе исчезло изъ Русской литературы. Неправдично навѣрное, обратило ли оно на себя вниманіе публики въ то время, какъ появилось въ печати; но положительное можно сказать, что ни одинъ журналъ не обратилъ на него цѣ малишаго вниманія>.

Эти строки характеризуютъ всего болѣе самого Тютчева и служатъ яркимъ свидѣтельствомъ, какъ мало добивался онъ авторской славы. Г-нъ Некрасовъ въ статьѣ своей всѣми силами старается растолковать публикѣ несправедливость къ анонимному поэту, перепечатываетъ изъ прежняго „Современника“ 24 пьесы и заканчиваетъ статью „желаніемъ, чтобы стихотворенія г. Ф. Т. были изданы отдельно. „Мы можемъ ручаться“ — прибавляетъ онъ — „что эту маленькую книжечку каждый любитель отечественной литературы поставитъ въ своей библиотекѣ рядомъ съ лучшими произведеніями Русского поэтическаго гenія.“

Такимъ образомъ Тютчевъ, хоть и на 47 году жизни, дождался пакопецъ оцѣнки своему таланту. Статья Некрасова, напечатанная въ журналѣ, пользовавшимся тогда большимъ успѣхомъ, произвела въ публикѣ сильное впечатлѣніе. Стихотворенія, уже давно напечатанныя и въ свое время ускользнувшія отъ вниманія, стали перечитываться вновь; въ нихъ открывали красоты, прежде не замѣченныя. Анонимъ разумѣется обна-

ружился, да онъ никогда и не прятался. Тѣмъ не менѣе и еще четыре года сряду имя Тютчева не появляется въ печати, хотя многія его пьесы ходили въ списаніяхъ по рукамъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Можетъ быть и еще дольше продолжалось бы такое оригинальное отпашеніе поэта къ печати, еслибы не вмѣшился въ дѣло посторонній человѣкъ, который взялъ на себя трудъ привести въ исполненіе желаніе, высказанное Некрасовымъ. Нашъ извѣстный писатель и ревностный тогда сотрудникъ журнала „Современникъ“, Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ, познакомившись съ поэтомъ, испросилъ у него, безъ всякого колебанія труда, право для редакціи на изданіе его стихотвореній, собралъ, при помощи семьи Федора Ивановича, все что можно было собрать,—и такимъ образомъ состоялось въ 1854 году то первое изданіе, о которомъ упомянуто, было выше, и въ которомъ Тютчевъ самъ, лично, не принималъ никакого участія. Съ того времени положеніе Тютчева, какъ поэта, измѣнилось; къ нему обращались съ просьбою о сотрудничествѣ, и стихотворенія его стали появляться довольно часто, по крайней мѣрѣ безъ большихъ перерывовъ, въ разныxъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ 1857 году Тютчевъ написалъ, въ видѣ письма къ князю Горчакову (пынѣ канцлеру), статью или записку о цензурѣ, которая тогда ходила въ рукописныхъ спискахъ и, можетъ быть, не мало содѣствовала болѣе разумному и свободному взгляду на значеніе печатного слова въ нашихъ правительстvenныхъ сферахъ. Она, во Французскомъ подлиннике и въ переводѣ, тоже помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г. Въ томъ же 1857 году Тютчевъ занялъ мѣсто предсѣдателя Санкт-петербургскаго Комитета Иностранный Цenzуры, оставаясь въ тоже время въ

вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Его проевѣщеннное, разумно-либеральное предсѣдательство въ этомъ Комитетѣ,�ерѣдко расходившееся съ нашимъ административнымъ міровоззрѣніемъ, а потому подъ конецъ и ограниченнное въ своихъ правахъ, памятно всѣмъ, кому было дорого живое общеніе съ Европейскою литературою. Въ этой должности онъ и состоялъ до самой своей кончины, послѣдовавшей 15-го Июля 1873 года, въ Царскомъ Селѣ.

Такимъ образомъ завершился второй, послѣдній, Петербургскій periodъ жизни Тютчева, начавшійся съ 1844 года и продолжавшійся 29 лѣтъ. Опъ не богатъ, какъ мы видѣли, виѣшнимъ биографическимъ матеріаломъ или виѣшней дѣятельностью. Но все эти 29 лѣтъ были непрерывно дѣятельностью мысли, сердца, поэтическаго творчества. Его умъ бодрствовалъ и свѣтилъ неослабно; его сужденія озаряли темную глубину современныхъ міровыхъ вопросовъ; на каждое важное явленіе исторіи, какъ за предѣлами, такъ и внутри Россіи, отзывался онъ устною рѣчью или стихами. Мы еще возвратимся къ Петербургскому periodу его жизни и взглянемъ на него поближе именно съ этой стороны; но дѣло въ томъ, что вся эта внутренняя дѣятельность Тютчева была проявленіемъ духа уже вполнѣ вознуждавшаго,—не новымъ фазисомъ, въ который, съ пріѣздомъ въ Россію, вступило его міросозерцаніе, а лишь выраженіемъ его црвственаго, уже окончательно опредѣлившагося строя,—далнѣйшимъ развитіемъ и разясненіемъ прежде приобрѣтеныхъ, уже установившихся, возрѣній и убѣждений. Его оригинальный умственный, црвственный, поэтический, вообще духовный типъ не видопzmѣнился въ теченіи послѣднихъ 29-ти лѣтъ, остался все тотъ же какихъ былъ и въ 1844 году, когда

Тютчеву, послѣ долгаго заграничнаго пребыванія, привелось цакошецъ поселиться въ Россіи, и не изѣшалъ ему быть во всякое время современій-шимъ изъ современниковъ. Какой же это былъ типъ и какимъ образомъ могъ онъ сложиться тамъ, на чужбинѣ? Эти вопросы побуждаютъ насъ обратиться назадъ къ Мюнхенскому періоду его жизни, и къ характеристикѣ его внутреннаго существа.

II.

Въ 1822 году перѣездъ изъ Россіи заграницу значилъ не то что теперь. Это просто былъ временный разрывъ съ отечествомъ. Желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ тогда еще и въ поминѣ не было; почтовыя сообщенія совершались медленно; Русскіе путешественники были рѣдки. Отторгнутый отъ Россіи въ самой рапинѣ, нѣжной молодости, когда ему было съ небольшимъ 18 лѣтъ, закипутый въ дальній Мюнхенъ, предоставленный самъ себѣ, Тютчевъ одинъ, безъ руководителя, переживаетъ на чужбинѣ весь процессъ внутреннаго развитія, отъ юности до зрѣлого мужества, и возвращается въ Россію па водвореніе, когда ему пошелъ уже пятый десятокъ лѣтъ. Двадцать два года лучшей поры жизни прошли Тютчевымъ за границею...

Представимъ же его себѣ одного, брошенаго чуть по мальчикомъ въ водоворотъ высшаго иностранаго общества, окруженнаго всѣми соблазнами большаго свѣта, искушаемаго собственными дарованіями, которыя тотчасъ же, съ первого его появленія въ этой блестящей Европейской средѣ, доставили ему столько сочувствія и успѣха,—наконецъ любимого, балуемаго женщинами, съ сердцемъ падкимъ на увлеченія страстныя, безоглядочныя... Какъ, казалось бы, этой 18 лѣтней юности не поддаться оболь-

щеніямъ тщеславія, даже гордости? Какъ не растратить въ этомъ вихрѣ суеты, въ обаяніи вѣшней жизни, сокровища жизни внутренній, высшія стремленія духа? Не следовало ли ожидать, что онъ, подобно многимъ нашимъ поэтамъ, поклонится кумиру, называемому свѣтомъ, пріобщится его злой пустотѣ, и въ погонѣ за успѣхами принесетъ не мало нравственныхъ жертвъ, въ ущербъ и правдѣ, и таланту?

Но здѣсь-то и поражаетъ насъ своеобразность его духовной природы. Именно къ тщеславію онъ и былъ всего менѣе склоненъ. Можно сказать, что въ тщеславіи у Тютчева былъ органический недостатокъ. Онъ любилъ свѣтъ—это правда; но не личный успѣхъ, не утѣхи самолюбія влекли его къ свѣту. Онъ любилъ его блескъ и красивость; ему нравилась эта театральная, почти международная арена, воздвигнутая на общественныхъ высотахъ, гдѣ въ роскоши сценической обстановки выступающая изящная вѣшність Европейского общественія со всею прелестью утонченной культуры; гдѣ,—во имя единства цивилизацій, условныхъ формъ и приличий,—сходятся граждане всего образованнаго мира, какъ равноправная труппа актеровъ. Но любя свѣтъ, всю жизнь вращаясь въ свѣтѣ, Тютчевъ ни въ молодости не былъ, ни потомъ не сталъ „свѣтскимъ человѣкомъ“. Соблюдая по возможности всѣ витиція свѣтской приличія, онъ не рабствовалъ предъ ними душою, не покорялся условной свѣтской „морали“, хранилъ полную свободу мысли и чувства. Блескъ и обаяніе свѣта возбуждали его нервы, и словно ключомъ было наружу его вдохновенное, граціозное остроуміе. Но самое проявленіе этой способности не было у него дѣломъ тщеславнаго расчета: онъ самъ тутъ же забывалъ сказанное, никогда не повторялся и

охотно предоставлялъ другимъ авторскія права на свои, нерѣдко геніальныя, изрѣчнія. Вообще, какъ въ устномъ словѣ, точно такъ и въ поэзіи, его творчество только въ самую минуту творенія, пе долье, доставляло ему авторскую отраду. Оно быстро, мгновенно вспыхивало и столь же быстро, выразившись въ рѣчи или въ стихахъ, угасало и исчезало изъ памяти.

Онъ никогда не становился ни въ какую позу, не рисовался, былъ всегда самъ собою, таковъ какъ есть, простъ, независимъ, произволенъ. Да ему было и не до себя, т. е. не до самолюбивыхъ соображеній о своемъ личномъ значеніи и важности. Оль слишкомъ развлекался и увлекался предметами, для него несравненно болѣе занимательными: съ одной стороны блестящемъ свѣта, съ другой личною, искрящею жизнью сердца, и затѣмъ высшими интересами землѣи и ума. Эти послѣдніе притягивали его къ себѣ еще могущественнѣе, чѣмъ свѣтъ. Онъ уже и въ Россіи учился лучше, чѣмъ многие его сверстники-поэты, а Германская среда была еще способнѣе расположить къ ученію, чѣмъ тогдашняя наша Русская, и особенно Петербургская. Переѣхавъ за границу, Тютчевъ очутился у самого родника Европейской науки; тамъ она была въ подлинникѣ, а не въ жалкой копіи или карикатурѣ, у себя, въ своемъ дому, а пе въ гостяхъ, на чужой квартирѣ.

Окунувшись разомъ въ атмосферу стройнаго и строгаго Нѣмецкаго мышленія, Тютчевъ быстро отрѣшается отъ всѣхъ недостатковъ, которыми страдало тогда образованіе у насъ въ Россіи и приобрѣтаетъ обширныя и глубокія свѣдѣнія. По свидѣтельству одного иностранца (барона Пфеффеля), напечатавшаго въ концѣ прошлаго года небольшую статью о немъ въ одной Париж-

ской газетѣ¹⁾). Тютчевъ ревностно изучалъ Нѣмецкую философію, часто водился съ знаменитостями Нѣмецкой науки, между прочимъ съ Шеллингомъ, съ которымъ часто спорилъ, доказывая ему несостоятельность его философскаго истолкованія догматовъ Христіанской вѣры. Тотъ же Пфеффель, напоминая эти годы молодости Тютчева въ Мюнхенѣ, выражается о немъ слѣдующимъ образомъ въ одномъ частномъ письмѣ, которое намъ довелось прочесть: „*nos subissions le chargte de ce merveilleux esprit* (мы находились подъ очарованіемъ этого диковинного ума).“ Не менѣе замѣчательнъ и отзывъ И. В. Кирѣевскаго, который, уже въ 1830 году, пишетъ изъ Мюнхена къ своей матери въ Москву, про 27 лѣтия Тютчева: „онъ уже однимъ своимъ присутствіемъ могъ бы быть полезенъ въ Россіи: такихъ Европейскихъ людей у насъ перечесть по пальцамъ.“²⁾ Тютчевъ обладалъ способностью читать съ поразительною быстротою, удерживая прочитанное въ памяти до малѣйшихъ подробностей, а потому и пачтитность его была изумительна,— тѣмъ болѣе изумительна, что времени для чтенія, повидимому, оставалось у него немногого³⁾. Вообще, при его необыкновенной талантливости, занятія наукой не мѣшили ему вести, по наружности, самую разсѣянную жизнь и пе оставля-

¹⁾ См. эту статью въ приложениі.

²⁾ Сочин. И. В. Кирѣевскаго, Т. I. біографія.

³⁾ Эту привычку къ чтенію Тютчевъ перенесъ съ собой и въ Россію и сохранилъ ее до самой своей предсмертной болѣзни, читая ежедневно, рано по утрамъ, въ постели, всѣ вновь выходящія, сколько нибудь замѣчательныя книги Русской и иностраннѣй литературѣ, большую частью историческаго и политическаго содержанія.

дена немъ никакой пыли труда, той почтенной пыли, которую многие ученые любятъ выставлять на показъ и которая такъ способна снискивать благоговѣніе толпы.

Могутъ замѣтить, что самая основательность пріобрѣтеної Тютчевымъ образованности достаточно предохранила его отъ искушений того мелкаго тщеславія, которое въ состояніи довольствоваться поверхностными успѣхами въ свѣтѣ или дешевою популярностью въ полуневѣжественныхъ кругахъ. Но для Тютчева, при богатствѣ его знанія и даровъ, существовала возможность искушений болѣе высшаго порядка. Ему естественно было пожелать для себя не только извѣстности, но и славы. Десятой доли его свѣдѣній и талантовъ было бы довольно иному для того, чтобы сумѣть пріобрѣсти почести и значеніе, занять выгодную общественную позицію, стать оракуломъ и прогремѣть, особенно въ нашемъ отечествѣ. При мѣромъ можетъ служить одинъ изъ современниковъ Тютчева, Чадаевъ, страдавшій именно избыткомъ того, въ чемъ у Тютчева былъ недостатокъ,—человѣкъ безспорно умный и просвѣщенный, хотя эпачительно уступавшій Тютчеву и въ умѣ и въ познаніяхъ, человѣкъ, которому отведено даже мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія, который постоянно позировалъ съ цемалымъ успѣхомъ въ Московскому обществѣ и съ подобающею важностью принималъ поклоеніе себѣ, какъ кумиру. Но именно важности никогда и не напускалъ на себя Тютчевъ. Если бы онъ хоть сколько нибудь о томъ посторался, молва о немъ прошиумѣла бы въ Россіи еще въ первой половинѣ его жизни, и слава умнаго человѣка и поэта не осѣнила бы его такъ поздно, и притомъ въ предѣлахъ только избранныхъ круговъ Русскаго общества. Отъ времени до времени доходили конечно

о немъ, чрезъ Русскихъ путешественниковъ, извѣстія и въ Россію, подобные отзыву Кирѣевскаго; но тѣмъ не менѣе имя его въ отечествѣ долго оставалось невѣдомымъ, и даже Жуковскій, если по ошибкѣ, уже въ 1841 году, встрѣтясь съ Тютчевымъ гдѣ-то за границею, писалъ о немъ, какъ о комъ-то неожиданномъ, пріятномъ открытии. Мы уже знаемъ, какъ хлопоталъ онъ о своей стихотворческой извѣстности!... Все блестящее соединеніе даровъ было у Тютчева какъ бы оправлено скромностью, но скромностью особаго рода, не выставляющею на видъ и въ которой не было ни малѣйшей умышленности или аффекціи. Эта замѣчательная психическая черта требуетъ пристальнаго разсмотрѣнія.

Если, не смотря на всѣ соблазны счастья и увлеченія сердца, Тютчевъ даже и въ молодости постоянно расширялъ кругозоръ своей мысли и своей познанія, которымъ такъ дивились потомъ и Русскіе, и иностранцы,—все же было бы ошибкою предполагать здѣсь, съ его стороны, какое либо дѣйствіе воли, нравственный подвигъ, побѣду надъ искушеніями, и т. п. Нисколько. Лѣпіый, избалованный съ дѣтства, непривыкшій къ обязательному труду, во притомъ совершенно равнодушный къ выѣзжимъ выгодамъ жизни, онъ только свободно подчинялся влеченіямъ своей, въ высшей степени интеллектуальной, природы. Онъ только утолялъ свой врожденный, всегда томившій его, умственныій голодъ. Съ наслажденіемъ вкушалъ онъ отъ готовой трапезы знанія и разумѣнія, но никогда не удовлетворялся ею вполнѣ; никогда не испытывалъ того самодовольства сытости, которое съ такою пріятностью ощущаютъ умы неизвѣстные требовательные... Вообще всякое самодовольство было искавистно его существу.

Въ томъ-то и дѣло, что этотъ человѣкъ, котораго многие, дажѣ изъ его друзей, признавали, а можетъ быть признаютъ еще и тѣперь, за „хорошаго поэта“ и сказателя острыхъ словъ, а большинство — за свѣтскаго говоруна, да еще самой пустой, праздной жизни,— этотъ человѣкъ, рядомъ съ мѣткимъ, изящнымъ остроумiemъ, обладалъ умомъ необычайно строгимъ, прозорливымъ, не допускавшимъ никакого самообольщенія. Вообще это былъ духовный организмъ, трудно дающійся пониманію: тонкій, сложный, многострунныи. Его внутреннее содержаніе было самого серьезнаго качества. Самая способность Тютчева отвлекаться отъ себя и забывать свою личность объясняется тѣмъ, что въ основе его духа жило искреннее *смиреніе*: однажды не какъ христианская высшая добродѣтель, а, съ одной стороны, какъ прирожденное личное и отчасти *народное* свойство (онъ былъ весь добродушіе и незлобіе); съ другой стороны, какъ постоянное философское сознаніе ограниченности человѣческаго разума, и какъ постоянное же сознаніе своей личной нравственной немощи. Преклоняясь умомъ предъ высшими истинами Вѣры, онъ возводилъ *смиреніе* на степень философско-нравственного исторического принципа. Поклоненіе человѣческому я было вообще, по его мнѣнію, тѣмъ лживымъ начальомъ, которое легло въ основаніе исторического развитія современныхъ народныхъ обществъ на Западѣ. Мы увидимъ, какъ рѣзко изобличаетъ онъ въ своихъ политическихъ статьяхъ это гордое самообожаніе разума, связывая съ нимъ объясненіе Европейской революціонной эры, и какъ, въоборотъ, величиваѣтъ онъ значение духовно-нравственныхъ стихій Русской народности. Понятно, что если такова была точка направлениія его философскаго міросозер-

цанія, то тѣмъ менѣе могло быть имъ допущено поклоненіе своему личному я. При всемъ томъ его скромность относительно своей личности не была въ немъ чѣмъ-то усвоеннымъ, сознательно пріобрѣтеннымъ. Его я само собою забывалось и утопало въ богатствѣ внутреннаго міра мысли; уикалось до исчезновенія въ виду Откровенія Божія въ исторіи, которое всегда могущественно приковывало къ себѣ его умственные взоры. Вообще его умъ, непрерывно питаемый и обогащаемый знаніемъ, постоянно мыслилъ. Каждое его слово сочилось мыслю. Но такъ какъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ былъ поэтъ, то его процессъ мысли не былъ тѣмъ отвлеченнымъ, холоднымъ, логическимъ процессомъ, какимъ онъ является, напримѣръ, у многихъ мыслителей Германіи: нѣтъ, онъ не разобщался въ немъ съ художественно-поэтическою стихіею его души и весь насквозь проникался ею. При этомъ его уму было въ сильной степени присуща *иронія*,—но не Ѣдкая иронія скептицизма и не злая насмѣшка отрицанія, а какъ свойство, перѣдко встрѣчаемое въ умахъ особенно крѣпкихъ, всестороннихъ и зоркихъ, отъ которыхъ не ускользаютъ, рядомъ съ важными и несомнѣнными, комическая и двусмысленная черты явлеши. Въ ироніи Тютчева не было ничего грубаго, желчного и оскорбительного; она была всегда остра, игрива, изящна и особенно тонко задѣвала замашки и обольщенія человѣческаго самолюбія. Конечно, при такомъ свойствѣ ума, не могли же иначе, какъ въ ироническомъ свѣтѣ, представляться ему и самолюбивыя поползновенія его собственной личности, если они только когда-нибудь возникали.

Но кроме того, его я уничтожалось и подавлялось въ немъ, какъ мы уже сказали, сознаніемъ недостижаемой высо-

ты христіанскаго идеала, и своей неспособности къ напряженю и усилию. Потому что, рядомъ съ его, такъ сказать, *безкорыстною*, безличною жизнью мысли, была другая область, где обрѣталь онъ самъ самого себя всецѣло, где онъ жилъ только для себя, всюю полнотою своей личности. То была жизнь сердца, жизнь чувства, со всѣми ея заблужденіями, треволненіями, муками, поэзіей, драмою страсти; жизнь, которой впрочемъ онъ отдавался всякой разъ не иначе, какъ вслѣдствіе самаго искренняго, внезапно овладѣвшаго имъ увлеченія,—отдавался безъ умысла и безъ борьбы. Но она была у него про себя, не была предметомъ похвалы и ликованія, всегда обращалась для него въ источникъ тоски и скорби и оставляла болѣзnenный следъ въ его душѣ.

Душа моя—элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ годны буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.

Душа моя—элизіумъ тѣней,
Чтѣ общаго межъ жизнью и тобою?...

Такъ высказывается онъ самъ въ своихъ стихахъ. Замыслы, радости и горе годы не переставали однакожъ заиматъ и тревожить его умъ; страстная увлеченія сердца не ослабляли дѣятельности его философской мысли, цѣ они тѣмъ не менѣе вносили тѣгостное раздвоеніе въ его бытіе. Ничто не могло омрачить въ немъ сознанія правды. Немерцающій свѣточъ ума и совѣсти постоянно разоблачалъ предъ нимъ всю тьму противорѣчій между призывающимъ, сочувственнымъ его душѣ, нравственнымъ идеаломъ и жизнью; между возвышенными запросами и отвѣтами.

О вѣщая душа моя,
О сердце полное тревоги,

О какъ ты бѣешься на порогѣ
Какъ-бы двойного бытія!...

Этотъ крикъ сердечной боли, какъ бы невольно вырвавшійся изъ груди поэта, разрѣшается, чрезъ нѣсколько строкъ, воплемъ скорби и вѣрующаго смиренія въ слѣдующихъ стихахъ:

Пускай сградальческую грудь
Волиуютъ страсти роковыя—
Душа готова, какъ Марія,
Бѣ шогамъ Христа навѣкъ прильщутъ...

Самая способность смиренія, этой силы очищающей, уже служить залогомъ высшихъ свойствъ его природы. Біографу Тютчева нѣть затѣмъ никакой надобности входить въ подробности этой стороны его существованія болѣе, чѣмъ сколько нужно для уразумѣнія его нравственнаго облика и сокрытыхъ мотивовъ его поэзіи.... Но не въ одной этой области томился онъ внутреннимъ раздвоеніемъ и душевными муками.

Умъ сильный и твердый—при слабодушіи, при безсиліи воли, доходившемъ до немощи; умъ зоркій и трезвый—при чувствительности нервовъ самой тонкой, почти женской,—при раздражительности, воспламениости, однинъ словомъ при творческомъ процессѣ души поэта, со всѣми ея мгновенно вспыхивающими призраками и самообманомъ; умъ дѣятельный, не знавшій ни отдыха, ни истомы—при совершенной неспособности къ дѣйствію, при усвоенныхъ съ дѣтства привычкахъ лѣни, при необразимомъ отращеніи къ вицѣнному труду, къ какому бы то ни было принужденію; умъ постоянно голодный, пытливый, серьеziый, сосредоточенно проникавший во всѣ вопросы исторіи, философіи, знанія; душа пенасытно жаждущая наслажденій, волшебій, разсвѣній, страстно отдававшаяся впечатлѣніямъ текущаго дна, такъ что къ нему можно было бы прижѣнить его собствен-

ные стихи про творение природы весною:

*Ихъ жазъ, какъ океанъ безбрежный,
Всѧ въ настоящемъ разлита...*

Духъ мыслящий, неуклонно сознающий ограничность человѣческаго ума, но въ которомъ сознаніе и чувство этой ограниченности недовольно восполнены житейскимъ началомъ вѣры; вѣра, признаваемая умомъ, призывающая сердцемъ, по исходившая ими всецѣло, не управлявшая волею, недостаточно освящавшая жизнъ, а потому не виновавшая въ нее ни гармоніи, ни единства... Въ этой двойственности, въ этомъ противорѣчіи и заключался трагизмъ его существованія. Онъ не находилъ ни успокоенія своей мысли, ни мира своей душѣ. Онъ избѣгалъ оставаться на единѣ съ самимъ собою, не выдерживаль одночества, и какъ ни раздражался „бесмертной пошлостью людской“, по его собственному выражению, однако же въ сплохъ былъ обойтиесь безъ людей, безъ общества, даже на короткое время.

Только поэтическое творчество было въ немъ цѣльно: мы это увидимъ при подробной характеристицѣ его какъ поэта. Но оно, вслѣдствіе именно этой сложности его духовной природы, не могло быть въ помъ продолжительно, и вслѣдъ за мгновеніемъ творческаго наслажденія, онъ уже стоялъ выше своихъ произведений, онъ уже не могъ довольствоваться этими пеполыши, и потому не совсѣмъ вѣрными, по его сознанію, отголосками его думъ и опущеній; не могъ признавать ихъ за *дѣланіе* достаточно важное и цѣнное, достаточно отвѣчающее требованіямъ его ума и таланта. А что требованія эти бывали велики, тревожили иногда его собственную душу съ настойчивостью и страстью, что пламень таланта порою

жегъ его самого и стремился вырваться па волю; что эти высокіе призывы, остававшіеся неудовлетворенными, наводили па него припадки меланхоліи въ унынія, особенно въ тридцатыхъ годахъ его жизни, во время пребыванія за границей, гдѣ впервые, вдали отъ отечества, зашевелились и заговорили въ немъ всѣ силы его дарованій, гдѣ не могъ онъ порою не тяготиться своимъ одиночествомъ,—обо всемъ этомъ мы узнаемъ, отчасти, изъ сохранившихся писемъ его первой жены. Именно ради разсвѣнія и отпросился онъ въ плаваніе, съ дипломатическими депешами, къ Іоническимъ островамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также написанныя около того же времени слѣдующія два стихотворенія, представляющія, кромѣ своего высокаго достоинства, психологической и биографической интересъ. Первое изъ нихъ то самое *Sileshliu*, которое, напечатанное въ 1835 году въ „Молвѣ“, не обратило на себя никакого вниманія и въ которомъ такъ хорошо выражена вся эта немощь поэта—передать точными словами, логическою формулою рѣчи, внутреннюю жизнь души въ ея полнотѣ и правдѣ:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И входятъ и зайдутъ они,
Какъ звѣзды лесныя въ почѣ:
Любуйся ими и молчи.*

*Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая—возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи.*

*Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ:
Ихъ заглушить наружный шумъ,*

Дневные ослѣпятъ лучи,—
Внимай ихъ пъню—и молчи.

Въ другомъ превосходномъ стихотвореніи эта тоска доходитъ уже до своего высшаго выраженія (*):

Какъ надъ горячою золой
Дышится спитъ и сгараеть,
И огнь сокрытый и глухой
Слова и строки пожираеть,—

Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразии пестерпимомъ.

О небо! еслибы хоть разъ
Сеа пламень развелся по воле,
И не томясь, не мучась доля,
Я просилъ бы—и погас!

Но и потому, гораздо позднѣе, не рѣдко вслѣдъ за игривымъ, шутливымъ словомъ, можно было подслушать какъ бы невольные стоны, исторгавшіеся изъ его груди. Его умъ сверкалъ ироніей,— его душа ныла.... А между тѣмъ не было, повидимому, человѣка пріятнѣе и любезнѣе. Его присутствіемъ оживлялась всякая бесѣда; неистощимо сыпались блестки его чарующаго остроумія; жадно подхватывались окружающими его мѣткія изрѣченія, изъ которыхъ каждое было въ своемъ родѣ артистическими издѣліемъ самой тонкой, узорчатой, художественной чеканки; онъ пѣнялъ и утѣшалъ все влекущее ему общество. Но вотъ, внезапно, нѣожиданно скрывшись, онъ—на обратномъ пути домой; или вотъ опъ, съ накинутымъ на спину пледомъ, бродитъ долгіе часы по улицамъ Петербурга, не замѣчая и удивляя прохожихъ.... Тотъ ли онъ самый?...

Стройнаго, худощаваго сложенія, небольшаго роста, съ рѣдкими, рано по-

сѣдѣющими волосами, небрежно осѣнившими высокій, ображенный, необыкновенный красоты лобъ, всегда оттѣненный глубокою думою; съ разсѣяніемъ во взорѣ, съ легкимъ намекомъ ироніи на устахъ,—хилый, немощный и по наружному виду, онъ казался влажившимъ тяжкое бремя собственныхъ дарованій, страдавшимъ отъ истерпимаго блеска своей собственной, псугомонной мысли. Понятно теперь, что въ этомъ блескѣ тонули для него, какъ звѣзды въ сияніи дня, его собственные поэтическія творенія. Понятны его преизбрание къ пимъ и такъ называемая авторская скромность.

Таковъ былъ этотъ своеобразный, высокодаровитый, смѣлый и смиренный мыслитель и поэтъ; таковъ былъ этотъ замѣчательный человѣкъ, неотразимо привлекательный изяществомъ всѣхъ проявленій своего духа,—самымъ сочетаніемъ силы и слабости.

III.

Двадцати - двухъ - лѣтнєе пребываніе Тютчева за границею; частое посѣщеніе всѣхъ центровъ умственной дѣятельности; постоянное вращеніе въ высшей иностраннымъ обществѣ; знакомство и бесѣды со всѣми современными свѣтилами науки и искусства—все это не могло не дать и дѣйствительно дало Тютчеву тотъ особый прікій отпечатокъ общѣевропейской образованности, которымъ поражался всякой при первой съ нимъ встрѣчѣ. Но быть „человѣкомъ Европейскимъ“ еще не значитъ быть Русскимъ. Напротивъ: самое двадцати-двуухъ-лѣтнєе пребываніе Тютчева въ западной Европѣ позволило предполагать, что изъ него выйдетъ не только „Европеецъ“, но и „Европейсть“, т. е. приверженецъ и проповѣдникъ теорій Европеизма—иначе поглощепія Русской народности западною, „общечеловѣческою“

(*) Оно напечатано въ „Современникѣ“ въ 1836 году.

цивилизацией. Если сообразить всю обстановку Тютчева во время его жития за границею, то кажется судьба какъ-бы умышленно подвергала его испытанию. Нельзя было придумать, ни сосредоточить въ такомъ множествѣ, болѣе благопріятныхъ условій для совращенія Русскаго юноши, если не въ Нѣмца или Француза, то *въ иностранца вообще*, безъ народности и отечества. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, какъ сильно было обаяніе западнаго просвѣщенія на умы въ самой Россіи пятьдесятъ лѣтъ тому паздъ, когда Тютчевъ въ первый разъ переселился изъ Москвы въ Мюнхенъ. Вспомнимъ, что съ 18 лѣтняго возраста ему пришлось воспитываться и вырабатываться совершенно одному, безъ всякой поддержки изъ Россіи, со всѣхъ сторонъ объятому чужеземною стихіей, подъ ежесѣннымъ, непосредственнымъ, могучимъ воздействиемъ Европейской гражданственности. Мы уже выразились выше, что переѣздъ Тютчева за границу равнялся совершенному разрыву съ отечествомъ. И точно: въ теченіи 22-хъ лѣтъ своего пребыванія въ чужихъ краяхъ онъ только четыре раза побывалъ въ Россіи, большею частью на короткій срокъ, и всѣ его личныя заочныя съ нею сношенія сдавали не ограничивались перепискою съ своими родными, при томъ неисправною и вовсе не литературного свойства. Стихотворные вклады въ Русскіе альманахи и журналы не радовали его успѣхомъ; а въ тѣ длинныя промежутки, когда прерывалось печатаніе его стихотвореній, прекращалась и эта слабая его связь съ отечествомъ: подъ конецъ имя его почти забывается; онъ какъ бы перестаетъ существовать для Россіи. Самое дипломатическое поприще, на которое онъ вступилъ, менѣе всего было способно воспитать въ немъ Русскаго человека. „Национальность въ политикѣ“

не была еще тогда тѣмъ моднымъ, хотя подчасъ и манимъ девизомъ дипломатіи, какъ въ наше время; политические интересы понимались большою частью съ ихъ вицѣней, нерѣдко случайной стороны; ихъ представителями и защитниками отъ имени Русскаго государства бывали нерѣдко иностранцы, или же такие Русскіе, которые не много болѣе иностранцевъ были знакомы съ Русскою землею и Русскимъ языкомъ, и изъ которыхъ иные, служа лѣтъ по 30 за границею, уже и вовсе не способны были разумѣть двинувшуюся впередъ Россію. Вообще, такъ называемый дипломатическій кругъ, при каждомъ дворѣ, представлялъ въ то время (можетъ быть, представляеть и теперь) такую общественную международную почву, на которой, при содѣствіи общаго условнаго языка и общихъ условныхъ формъ, всего легче стиралось въ людяхъ klejmo народности, особенно въ Русскихъ чиновникахъ, почти всегда зараженныхъ суевѣрнымъ поклоненіемъ кумиру западной цивилизациі. Въ такой-то общественный кругъ попалъ Тютчевъ съ самого ранняго возраста, и обращался въ немъ безъ перерыва почти цѣлую четверть вѣка... Вспомнимъ наконецъ, что тамъ, за границею, онъ женился, сталъ отцомъ семейства, овдовѣлъ, снова женился, оба раза на иностранкахъ; тамъ, на чужбинѣ, прошла лучшая пора его жизни, со всѣмъ, чѣмъ дорога человѣку его молодость, какъ онъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ етихахъ, писанныхъ имъ уже въ 1846 году, когда, послѣ смерти отца, онъ посѣтилъ свое родное село Овстугъ, гдѣ родился и провелъ дѣтскіе годы:

И такъ опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста немнаго, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые
И гдѣ теперь туманными очами,

При свѣтѣ вѣчерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотрѣтъ на меня.

О бѣдныи призракъ, немощный и смутный,
Забытаго, загадочаго счастья!
О, какъ теперь, безъ вѣры и участья,
Гляжу я на тебя, мой гость малюткы!
Буда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ
глазахъ,
Баекъ братъ меньшой, умершій въ пелепахъ.

Ахъ нѣть! не здѣсь, не этотъ край
безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ;
Не здѣсь прошелъ, не здѣсь былъ ве-
личасна
Великій праздникъ молодости чудной!..
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!

Припомнить, наконецъ, что въ эти 22 года онъ почти не слышитъ Русской рѣчи, а по отѣзда Хлопова и совсѣмъ лишается того неиногаго, хотя и благотворнаго соприкосновенія съ Русскою бытовою жизнью, которое доставляло ему присутствіе его дядки въ Мюнхенѣ. Его первая жена ни слова не знала по-русски, также какъ и вторая, выучившаяся Русскому языку уже по переселеніи въ Россію (и собственно для того, чтобы понимать стихи своего мужа): следовательно самъ языкъ его домашнаго быта былъ чуждый. Съ Русскимъ путешественниками бесѣда происходила, по тогдашнему обычаю, всегда по-французски; по-французски же, исключительно, вѣлась и дипломатическая корреспонденція, и его переписка съ родными.

Какимъ-же непостижимъ откровеніемъ внутренняго духа далась ему та чистая, Русская, сладкоозвучная, мѣрильная рѣчь, которою мы наслаждаемся въ его поэзіи? Какимъ образомъ тамъ, въ иноzemной средѣ, могъ создаться въ немъ

Русскій поэтъ — одно изъ лучшихъ украшеній Русской словесности?.. Конечно, языкъ — стихія природная, и Тютчевъ уже передъ отѣздомъ за границу владѣлъ вполнѣ основательнымъ знаніемъ родной рѣчи. Но для того, чтобы не только сохранить это знаніе, а стать хозяиномъ и творцомъ въ языке, хотя и родномъ, однако изъятомъ изъ ежедневнаго употребленія; чтобы возвести свое поэтическое, Русское слово до такой степени красоты и силы, при чужезычной двадцати-двухъ-лѣтней обстановкѣ, когда поэту даже некому было и повѣдать своихъ твореній.... для этого нужна была такая самобытность духовной природы, которой нельзя не удивиться.

Но еще поразительнѣе, чѣмъ въ Тютчевѣ-поэту, сказывается намъ эта самобытность духовной природы въ Тютчевѣ какъ мыслителѣ. Невольно подумашь, какимъ чудомъ, при известныхъ намъ вѣтвящихъ условіяхъ его судьбы, не только не угасло въ немъ Русское чувство, а разгорѣлось въ широкій, упорный пламень,—но еще кромѣ того, сложился и выработался цѣлый, твердый, философскій строй национальныхъ воззрѣній. Мы высоко цѣнили значеніе непосредственныхъ бытовыхъ вліяній и уже указывали на ихъ присутствіе въ жизни Тютчева; но нельзя же въ самомъ дѣлѣ умилительной заботливости Николая Аѳанасьевича и благочестивымъ народнымъ обычаямъ Екатерины Львовны присвоивать слишкомъ сильную нравственную власть надъ умственнымъ развитіемъ такого „Европейскаго человека“, какимъ считался и былъ нашъ покойный писатель. Къ тому же эти бытовыя вліянія у насъ, въ Россіи, одинаково существовали для всѣхъ, т. е. въ равной мѣрѣ и для людей, которые впослѣдствіи отнеслись къ нимъ съ презрѣніемъ, назывались „западниками“ и решительно отвергли у Русской природности всякое право на самостоятельность.

Преданія дѣтства и домашняго быта могли, конечно, согрѣвать душу и пить въ Тютчевѣ природное Русское чувство,—но повидимому и только. Еще сильнѣе способны были заронить въ памъ неугасимую искру патріотизма воспоминанія о 1812 годѣ и слава, вѣнчавшая Россію, по умирѣніи Европы. Но любовь къ отечеству, сама по себѣ, также не болѣе какъ чувство, и при томъ присущее каждому человѣческому существо въ каждомъ народѣ,—чувство не разсуждающее, не нуждающееся ни въ какихъ отвлеченныхъ основаніяхъ... Непосредственная любовь къ родинѣ становилась къ тому же у Тютчева, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше стиховъ, съ другими, еще болѣе сильными влечениями: то былъ „нилъ сордцу крайъ,“ въ которомъ праздновалъ онъ праздникъ молодости и любви, гдѣ протекли самые золотые годы его жизни, совершенно зачленившіе для него годы дѣтства. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить кстати, что 22 года, проведенные среди неподдельной, аистовой Европейской гражданственности, наложили исконизгладимую печать на всю, такъ сказать, вѣнчаную сторону его существа: по своимъ привычкамъ и вкусамъ онъ былъ вполнѣ „Европеецъ,“ и Европеецъ самой высшей пробы, со всѣми духовными потребностями, воспитываемыми западною цивилизаціей. Удобства и средства, доставляемыя заграничнымъ бытомъ для удовлетворенія этихъ потребностей, были ему, разумѣется, дороги. Его не переставала также манить къ себѣ, по возвращеніи въ Россію, роскошная природа Южной Германіи и Италии, среди которой онъ прожилъ съ 18-ти до 40 лѣтнаго возраста. Такъ, пріѣхавъ въ 1844 году въ Петербургъ на окончательное возвращеніе, онъ въ Ноябрѣ же мѣсяцѣ того года, рисуя въ стихахъ картину Невы зимнюю ночью, прибавляя къ этой картинѣ слѣдующія строфы:

Я вспоминаль, грустно молчаливъ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце грѣть,
Теперь па солнцѣ пламенѣть
Роскошный Генуи заливъ...
О Сѣверъ, Сѣверъ-чародѣй,
Иль я тобою очарованъ,
Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей?
О если мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣй
Туда, туда, на теплый Югъ!..

Та же мысль выражена и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ, напримѣръ:

Давно лѣ, давно лѣ, о Югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И какъ Эдемъ ты растрогреній
Доступенъ былъ илѣ пришлецу?
Давно лѣ,—хотя безъ восхищенія,
Но новыхъ чувствъ не дарошъ полно,—
Я тамъ вспоминался пѣнья
Великихъ средиземныхъ волнъ?
И пѣснѣ ихъ, какъ во время дна,
Полна гармонія была,
Когда изъ ихъ роднаго лона
Киприда свѣтлая всплыла.
Онъ все тѣже и пошире,
Все также блещутъ и звучать;
По нѣзазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.

И я... я съ вами рас простился,
Я вновь на Сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опуститься
Его свѣтловый небосклонъ.
Здѣсь воздухъ колеть: снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ... .

Или вотъ еще отрывокъ:

Вновь твоя я вижу очи,
И одинъ твой нѣжный взглядъ
Бнимерійской грустной ночи
Вдругъ развѣялъ сонный хладъ.

Воскресаетъ предо мною
Край иной—родимый край,
Словно прадѣдовъ виною
Для сыновъ погибшій рай....
Сновидѣньемъ безобразнымъ
Скрылся Сѣверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прекраснымъ
Свѣтить небо надо иной.
Снова жадными очами
Свѣть живительный и пью
И подъ чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

Напротивъ того, Русская природа, Русская деревня не обладали для него живою притягательною силою, хотя онъ понималъ и высоко цѣнилъ—ихъ, такъ сказать, внутреннюю, духовную красоту. Онъ даже въ течеії двухъ недѣль не въ состояніи былъ переносить пребыванія въ Русской деревенской глупи, напримѣръ въ своемъ родовомъ помѣщѣ Брянского уѣзда, куда почти каждое лѣто перѣѣждала на житѣе его супруга съ дѣтьми. Не получать каждое утро новыхъ газетъ и повыхъ книгъ, не имѣть ежедневнаго общенія съ образованнымъ кругомъ людей, не слышать около себѣ шумной общественной жизни—было для него невыносимо. Хозяйственные интересы, какъ легко можно повѣрить, для него вовсе не существовали. Вѣдьма свою „непрактичность“, онъ и не заглядывалъ въ управлѣніе имѣніемъ. Даже. иудроно себѣ и вообразить Тютчева въ Русскомъ сель, между Русскими крестьянами, въ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ мужикомъ. Такъ, казалось, мало было между ними общаго...

А между тѣмъ Тютчевъ положительно пламенѣлъ любовью къ Россіи: какъ ни высокопарно кажется это выраженіе, но оно вѣрио... И вотъ опять новое внутреннее противорѣчіе—въ дополненіе къ тому множеству противорѣчій, которымъ, какъ мы видѣли, осложнялось все его бытіе!

Но если подъ „любовью къ Россіи“, понимать тоже, что обыкновенно разумѣется подъ словомъ „патріотизмъ“, то здѣсь почти нѣтъ и мѣста противорѣчію. Потому что „патріотизмъ“, въ которомъ никогда въ Россіи не было недостатка, именно-то въ Россіи вовсе и не означалъ чиуваженія, ни даже простаго сочувствія къ Русской народности. Отстаивая съ безпримѣрнымъ мужествомъ политическое существованіе Русского государства, патріотизмъ не выдерживалъ столкновенія съ правственными национальностью Западной Европы и, охраняя цѣлостность вышнихъ предѣловъ, трусливо пасовалъ и поступался Русскою национальностью въ области бытовой и духовной... Что могъ,— казалось,— кроме чувства любви къ отечеству, противопоставить молодой Тютчевъ, перѣѣхавъ въ чужіе краи, враждебному къ Русской народности, авторитету Европейской цивилизациіи, всѣмъ этимъ непріязненнымъ умственнымъ сплѣсмъ, во всеоружії науки, зионія, крѣпкихъ системъ? Что способна была ему дать, чѣмъ напутствовать его, въ дни годы, Россія?

Не кстати ли будетъ здѣсь обновить нѣсколько въ памятіи тотъ двадцати-двухлѣтій періодъ Русской исторической жизни и общественнаго самосложенія, который совершился въ всякаго участія и вдали отъ Тютчева—и въ тоже время безъ всякого съ своей стороны воздѣствія на развитіе самого поэта?

Періодъ съ 1822 по 1844 годъ былъ важной эпохой во внутренней исторіи нашего отечества. Въ 1822 году воспоминанія 12-го года и послѣдовавшихъ за имъ славныхъ для Россіи событий были еще во всей своей животрепещущей силѣ. Высокій жребій умиротворенія Европы, выпавшій на долю Александра I-го, превозмогъ въ немъ власть народныхъ пистиниковъ. Верховнаго

вожда Русского народа перевѣшивавъ безкорыстный Европеецъ, устроитель Европейскихъ судебъ, непричастный национальному эгоизму.... Въ обществѣ, возбужденное войною патріотическое чувство, защищившее виѣшнюю независимость Русской земли, еще не доросло до притязаній на ея духовную независимость. Русская мысль еще не вчинала подвига народнаго самосознанія. Всѣдѣ за отраженнымъ нами „пашествіемъ душадесяти языковъ,” сильнѣе чѣмъ когда либо повторилось на Россію нашествіе съ Запада: идей, теорій, доктринъ—политическихъ, философскихъ и нравственныхъ. Живое сближеніе съ Европой въ лицѣ образованнаго слоя нашей побѣдоносной арміи дало въ свою очередь побѣду надъ Русскими умами обиятельнымъ формамъ Европейской гражданственности. Въ то время, какъ наша виѣшняя государственная политика приносила въ жертву интересы Европейскаго равновѣсія и покоя политические интересы Россіи, отказывая въ поддержкѣ Грекамъ и Сербамъ,—Русское общество, расколыхавшись какъ море отъ разразившейся надъ Россіею великой исторической бури, представляло зрѣлище необычайного умственнаго броженія. Смутно чувствуя ложь своего исторического пути и всего общественнаго строя, оно не умѣло еще додуматься до настоящей причины этой лжи, и обходя или не вѣдая про свой народъ и свою народность, искало разрѣшенія томившимъ его задачамъ въ чужой исторической жизни. Подъ влияніемъ иностранныхъ образцовъ, это броженіе принимало формы то тугондундовъ, то иныхъ подобныхъ союзовъ, пока наконецъ не превратилось въ политический заговоръ. Событие 14-го Декабря снесло съ Русской земли цвѣть высшаго образованнаго общества. Началось новое царствованіе и съ нимъ

новый періодъ внутренняго развитія. Русскій кабинетъ по прежнему пекся обѣ Европѣ, но уже безъ „галантерей-паго обращенія“ Александровской эпохи: новый царь держалъ имя Россіи грозно. Мятежъ Декабристовъ обличилъ историческую несостоятельность политическихъ иностранныхъ идеаловъ, насильственно переносимыхъ на Русскую почву; фальшивые призраки будущаго переустройства Россіи на Европейскій фасонъ,—которыми тѣшилось незрѣлое, порвавшее съ народными преданіями Русское общество, были разбиты. Давленіе сверху, стѣснивъ всяку виѣшнюю общественную дѣятельность, вогнало Русскую мысль внутрь...

Дѣйствительно, мы видимъ, что Русская словесность,—въ которой, при отъѣздѣ Тютчева за границу, еще господствовали Французскіе литературные авторитеты, вмѣстѣ съ самыми жалкими и дѣтскими эстетическими теоріями,—мало по малу пробуетъ освобождаться и наконецъ освобождается совсѣмъ изъ оковъ псевдо-классицизма и подражательности. Гений Пушкина ищетъ содержанія въ народной жизни. Настаетъ Гоголь: неумолимо разоблачено духовная скудость и нравственная пошлость нашего общественнаго строя; все живо-важное, ходульное, напыщенное въ литературномъ изображеніи и разумѣліи пашей Русской дѣятельности, исчезаетъ, какъ снѣгъ весною, отъ одного явленія этого громаднаго таланта. Въ художественномъ воспроизведеніи жизни водворяется требование простоты и правды (переходящее впослѣдствіи у большинства писателей въ голое обличеніе и отрицаніе). Критика въ лицѣ Бѣлинского (въ лучшую пору его дѣятельности) окончательно сокрушаетъ фальшивые литературные кумиры и остатки старыхъ эстетическихъ теорій.

Въ 1826 году выходитъ послѣдній томъ „Исторіи Государства Россійскаго“

Карамзина. Его монументальный, хотя и не оконченный трудъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, пролагаетъ путь къ ближайшему знакомству съ историческимъ ростомъ Россіи, къ внимательнѣйшему изслѣдованію ея прошлыхъ судебъ. Обнародованіе актовъ, гравиръ, лѣтощисей и другихъ памятниковъ древней Русской письменности, вообще изданія Археографической Экспедиціи создаютъ новую эпоху въ изученіи Русской истории и самымъ могущественнымъ образомъ движутъ впередъ наше историческое сознаніе. Въ области отвлеченнаго умственнаго движения, совершившагося преимущественно въ Москвѣ, вліяніе Французскихъ мыслителей и вообще философіи XVIII вѣка смыкается болѣе благотворнымъ, хотя иногда и очень поверхностнымъ, воздействиемъ на Русские умы Германской науки и философіи. Русская мысль трезвѣеть и крѣпнетъ въ строгой школѣ приемовъ Нѣмецкаго мышленія и также пытается стать въ сознательное, философское отношеніе къ Русской народности. Съ одной стороны вырабатывается цѣлая стройная доктрина, какъ продуктъ высшихъ просвѣщенныхъ соображеній,—что спасеніе для Россіи заключается въ полнѣйшемъ отреченіи отъ всѣхъ народныхъ, историческихъ, бытовыхъ и религіозныхъ, преданій; во главѣ этого направленія стоитъ Чаадаевъ. Съ другой, сначала одноко и большею частью еще въ стихахъ, раздается протестъ Хомякова; къ нему примыкаетъ постепенно цѣлая дружина молодыхъ людей—изъ послѣдователей Гегелевской философіи, а потомъ и нѣсколько самостоятельныхъ мыслителей, какъ Кирѣевскіе и другіе. Общество распадается на два стана: „западниковъ“ и „восточниковъ“; за послѣдними утверждается прозвище „Славянофиловъ“, данное имъ въ насмѣшку Петербургскою журналистикою. Завязывается сильная,

запальчивая борьба въ печати, въ руконыси, въ устныхъ бесѣдахъ, въ частныхъ домахъ, на общественныхъ собрашиахъ и университетскихъ каѳедрахъ. Славянофилы устремляются къ изученію Русской народности во всѣхъ ея проявленияхъ, къ раскрытию ее внутренняго содержанія, къ изслѣдованію ея коренныхъ духовныхъ и гражданскихъ стихій. Они, по выражению Хомякова, „допрашаиваютъ духа жизни,“ сокрытаго въ нашемъ быломъ и хранящагося еще въ настоящемъ—т. е. въ простомъ Русскомъ пародѣ. Они усматриваютъ въ немъ, въ этомъ „духѣ жизни“ и въ православномъ вѣроисповѣданіи новыя просвѣтительныя начала для человѣчества, указываютъ на новыя своеобразныя основы для соціального и политического строя. Протестуя противъ деспотизма Петровского переворота и противъ всяческаго насилия надъ народною жизнью, они требуютъ для Русской земли свободы органическаго развитія, признанія правъ самой жизни, уваженія къ Русской народности и къ народу (не къ пароду *общее*, чѣмъ пробавлялись шотгіе наши демократы, отворачиваясь отъ Русского мужика или стараясь обманывать и силою уподобить его заграничнымъ демократическимъ образцамъ, а именно къ Русскому пароду и его бытовымъ основамъ). Винятъ съ тѣмъ, обвиняя Русское образованное общество въ разрывѣ съ историческими народными преданіями, въ нравственной изъѣтии своей странѣ; обличая скудость и непроизводительность перенятаго имъ, въ духѣ рабства и подражанія, западнаго просвѣщенія,—Славянофилы проповѣдуютъ необходимость, право и обязанность для Русской народности самостоятельнаго труда и вклада въ общечеловѣческую науку, искусство и знаніе. Съ увлечениемъ превозносятъ они историческое и духовное призваніе Россіи, какъ пред-

ставительницы православного Востока и Славянского племени, и предвѣщаютъ ей великое міровое будущее. Между тѣмъ западничество, найдя себѣ опору въ Бѣлиномъ, переселившемся въ Петербургъ, господствуетъ въ журналистикѣ, и, какъ теорія, раздѣляетъ потому судьбу самой Германской философіи, переходящей постепенно, въ дальнѣйшемъ, союзъ развитія, изъ идеализма въ материализмъ, позитивизмъ и въ другія системы нефилософскаго свойства и преимущественно Французскаго происхожденія. Въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, т. е. ко времени возвращенія Тютчева въ Петербургъ, борьба между обоими лагерями была въ самомъ разгарѣ.

Мы распространялись о Славянофильствѣ нѣсколько подробнѣе потому, что собственное міросозерцаніе Тютчева находится съ нимъ, если не въ прямой связи, то въ соотношеніи. Замѣтилъ еще, что лично Славянофилы, какъ въ сороковыхъ годахъ, такъ и впослѣдствіи, никогда не пользовались большими успѣхомъ и стояли въ обществѣ осѣнью, малымъ отрядомъ. Объ нихъ много шумѣли и кричали, издѣвались надъ ними въ стихахъ и прозѣ, выставляли ихъ на Ѳенѣтѣ, обвиняли въ обскуронтизмѣ, взводили умышленно и неумышленно разныя небылицы, — но никто никогда не могъ отрицать ихъ гражданской независимости, откровенности ихъ рѣчей и дѣйствій, высоко-нравственнаго характера ихъ ученія. Самое это ученіе, въ своемъ цѣломъ объемѣ, какъ ученіе, никогда не было популярнымъ, да и не было вполнѣ формулировано или выражено въ видѣ точнаго кодекса; Славянофильскія изданія расходились вообще въ маломъ количествѣ; пхъ журналы имѣли, сравнительно, очень немного подписанчиковъ; непосредственнаго дѣйствія на массы читающаго люда они не оказывали, — но дѣйствіе ихъ на своихъ

противниковъ, на такъ называемую интеллигентію, было неотразимо,— хотя и не быстро. Противники наконецъ догадались, что почва у нихъ изъ подъ ногъ постепенно уходитт; враждебныя газеты и журналы стали сдаваться и принимать одно за другимъ разныя Славянофильскія положенія,— правда, видоизменяя, „очищая“ ихъ по своему и выдавая за собственные измышенія, но все таки сходясь съ Славянофильствомъ хоть въ нѣкоторыхъ существенныхъ основаніяхъ. Не какъ ученіе, воепринимаемое въ полномъ объемѣ послушными адептами, а какъ направление, освобождающее Русскую мысль изъ духовнаго рабства предъ Западомъ и призывающее Русскую народность стать на степень самостоятельного просвѣтительного органа въ человѣчествѣ, славянофильство, можно сказать, уже одержало победу, т. е. заставило даже и враговъ своихъ признать себя несъна важнымъ моментомъ въ ходѣ Русской общественной мысли. Мы съ своей стороны думаемъ, что оно не только исторический моментъ уже отжитый, но и пребываетъ и пребудетъ въ исторіи нашего дальнѣйшаго умственного развитія—какъ предъявленный неумолкающій запросъ, какъ постоянный двигатель и указатель. Самое прозвище „славянофильство“ можетъ быть покинуто и забыто; можетъ потеряться изъ виду преемственная духовная связь между первыми дѣятелями и новѣйшими; многое, совершающееся подъ общимъ воздействиемъ Славянофильскихъ мѣшай, но совершающееся въ данную, извѣстную пору, при извѣстныхъ, историческихъ условіяхъ, будетъ даже уклоняться, повидимому, отъ чистоты и строгости нѣкоторыхъ Славянофильскихъ идеаловъ. Безъ сомнѣнія отжиты также тѣ крайнія увлеченія, которыя органически, такъ сказать, были связыны съ личнымъ характеромъ первыхъ пропо-

вѣдниковъ, или вызывались страстью борьбы; иѣкоторыя, слишкомъ поспѣшно опредѣленныя формулы, въ которыхъ представлялось инымъ Славянофиламъ будущее историческое осуществленіе ихъ любимыхъ мыслей и надеждъ, оказались или окажутся ошибочными, и исторія осуществить, можетъ быть, тѣже начала, по совсѣмъ въ иныхъ формахъ и совсѣмъ иными, неизвестными своимъ путемъ.. Но тѣмъ не менѣе разъ возбужденное народное самосознаніе уже не можетъ ни исчезнуть, ни прервать начатой работы, и оправдается, конечно, со временемъ многія высказанныя Славянофильствомъ положенія, кажущіяся теперь мечтательными.—Сдѣлавъ это небольшое, но необходимое, впрочемъ, отступление, возвращаемся къ нашему очерку.

Россія 1822 и Россія 1844 года — какой длинный путь пройденъ Русскою мыслью! какое полное видоизмѣненіе въ умственномъ строѣ Русского общества! Во всемъ этомъ движениіи, этой борьбѣ, Тютчевъ не имѣлъ ни заслуги, ни участія. Онъ оставался совершенно въ сторонѣ, и къ сожалѣнію у насъ неѣть ни малѣйшихъ данныхыхъ, которыя бы позволили судить, какъ отзывались въ немъ и вѣнѣція событий, напримѣръ 14-ое Декабря, и т. п., и явленія духовной общественной жизни, отголосокъ которыхъ все же могъ иногда доходить и до Мюнхена. Уѣхавъ изъ Россіи, когда еще не завершилось изданіе исторіи Карламзина, только что раздались звуки поэзіи Пушкина, обайнѣ Франціи было еще всесильно, и о духовныхъ правахъ Русской народности почти не было и рѣчи,— Тютчевъ возвращается въ Россію, когда замолкъ и Пушкинъ, и другіе его спутники-поэты, когда Гоголь уже издалъ „Мертвыхъ Душъ“, когда нравственное владычество Франціи было почти совсѣмъ свергнуто; благодаря Нѣшцемъ, и толки о народности, борьба

не однихъ литературныхъ, но и жизненныхъ общественныхъ направленій, занимала все умы... Что же выработалъ за границей *его* умъ, такъ долго и одиночко созревавшій въ Германской средѣ? Явится ли отъ „отсталымъ“ для Россіи, но передовымъ представителемъ Европейской мысли? Какое послѣднее слово западнаго просвѣщенія припесстъ еть съ собою?

Онъ и дѣйствительно явился представителемъ Европейскаго просвѣщенія. Но велико же было удивленіе Русскаго общества, и особенно тогдашнихъ пашихъ западниковъ, когда оказалось, что результатомъ этого просвѣщенія, такъ полно усвоенаго Тютчевымъ, было не только утвержденіе въ пемъ естественной любви къ своему отечеству, но и высшее разумное ея оправданіе; не только вѣрованіе въ великое политическое будущее Россіи, но и утвержденіе въ высшемъ мировомъ призваніи Русскаго народа и вообще духовныхъ стихій Русской народности. Тютчевъ какъ бы перескочилъ чрезъ всѣ стадіи Русского общественнаго двадцати-двухъ-лѣтнаго движениія, и возвратясь изъ-за границы съ зреюю, самостоятельно выношенную имъ на чужбинѣ думою, очутился въ Россіи какъ разъ на той ступени, на которой стояли тогда передовые Славянофили съ Хомяковымъ во главѣ. А между тѣмъ Тютчевъ вовсе не эпазъ ихъ прежде, да и потомъ никогда не былъ съ ними въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ. Правда, онъ всегда говоривалъ, что ни съ кѣмъ встрѣча не была такъ плодотворна для его мысли, какъ имелъ съ Хомяковымъ и его друзьями,— и это понятно: онъ нашелъ то, чего не ожидалъ,— почти полное подтвержденіе его собственныхъ, одиноко выработанныхъ воззрѣній,— почти тождественную съ его мнѣніями систему, опиравшуюся па блажайшемъ изученіи

Русской исторіи и народного быта,—а этого изученія ему именно и недоставало.. Силою собственного труда, идя путемъ совершенно самостоятельнымъ, своеобразнымъ и независимымъ, безъ сочувствія и поддержки, безъ помощи тѣхъ непосредственныхъ откровений, которыя каждый, невѣдомо для себя, почерпаетъ у себя дома, въ отечествѣ, изъ окружающихъ его стихій Церкви и быта,—напротивъ: наперекоръ окружавшей его средѣ и могучимъ вліяніямъ,—Тютчевъ не только пришелъ къ выводамъ, совершенно сходнымъ съ основными Славянофильскими положеніями, но и къ ихъ чаяніямъ и гаданіямъ,—а въ пѣкоторыхъ политическихъ своихъ сображеніяхъ явился еще болѣе *крайнимъ*. Мы не имѣмъ возможности со слѣдить постѣпенный ходъ его мысли за границей, но можемъ отмѣтить, даже въ началѣ его заграничнаго пребыванія, замѣчательную самобытность его ума въ отношеніи къ авторитетамъ западной науки. Такъ мы уже указывали на свидѣтельство барона Пфеффеля о томъ, что Тютчевъ еще въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія постоянно спорилъ съ Шеллингомъ, котораго уже тогда занимала мысль о возможності захватить религію въ область философіи и подчинить христіанское Откровеніе философскому толкованію и опредѣленію: Тютчевъ, какъ разсказываетъ баронъ Пфеффель, доказывалъ въ его присутствії Шеллингу несостоятельность такой попытки и логическую необходимость признать не какую нибудь истину Вѣры, а непрѣменно ту, которая содержится во вселенскомъ церковномъ преданіи, равно какъ и самую идею и догматъ о церкви. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Тютчевъ, при своей заграничной долгой жизни въ иѣстахъ, гдѣ не было ни одного Русскаго храма, былъ совершенно чуждъ, въ

своемъ домашнемъ быту, не только православно - церковныхъ обычаевъ и привычекъ, но даже и прямыхъ отношеній къ церковно-русской стихіи. — Вообще Тютчевъ, какъ можно заключать по нѣкоторымъ дачнымъ, хотя и жадно воспринимаемъ въ себя сокровища западнаго знанія, но це только безъ благоговія и подобострастія, а съ полной свободою и независимостью. Онъ съ самого начала какъ бы *судилъ* Западу. Тотъ же иностранецъ приводить слова Тютчева по поводу борьбы Карла X-го съ народнымъ представительствомъ во Франціи, разразившейся Іюльскою революціей... Онъ обличалъ этой революціи присутствіе цѣлаго новаго культа, цѣлаго революціоннаго вѣронсподѣданія, которое, по мнѣнію Тютчева, связывалось съ общимъ историческимъ ходомъ философской и религіозной мысли на западѣ. Поэтому Тютчевъ еще въ 1830 году предсказывалъ послѣдовательный рядъ революцій,—неминуемое наступленіе для Европы революціонной эры. Такой взглядъ въ полодомъ человѣкѣ и въ ту именно пору, когда события Іюльскихъ днѣй кружили головы всей молодежи и привѣтствовались ею съ энтузіазомъ, а учрежденіе Іюльской конституціонной монархіи во Франціи казалось, даже и болѣе зрѣлымъ головамъ, чуть не разрѣшеніемъ всѣхъ политическихъ задачъ, прочнымъ залогомъ народнаго благоденствія, высшою нормою общественнаго бытія и пр., такой взглядъ конечно обнаруживалъ рѣдкую самостоятельность.

Не менѣе поразительнымъ является и написанное имъ въ 1841 году посланіе къ Ганкѣ. Въ Россіи, собственно говоря въ Москвѣ, въ то время только что начинали завязываться цепосредственныя сношенія съ Славянскими племенами Австріи и Турціи; вѣрибе сказать, эти сношенія съ передовыми людьми славянства существовали и раньше

но только у очень немногихъ Русскихъ ученыхъ, филологовъ, археологовъ и историковъ; починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ М. П. Погодину. Только въ началь сороковыхъ годовъ это стремление къ тѣснѣйшему сближенію съ Славянскими мірои мѣсто принимать у насъ характеръ общественный, и запечатлѣо духовной и племенной связи Россіи съ Славянами начало постепенно входить въ наше историческое самосознаніе. Но носителемъ и представителемъ такого самосознанія былъ еще очень небольшой кружокъ, тогда еще и не прозванный „Славянофильскимъ“. Это Московское движение оставалось въ то время еще совершиенно чуждымъ и едва ли даже вѣдоимъ Тютчеву, и хотя идея панславизма уже бродила тогда между Западными Славянами, однакоже мало была известна Нѣмцамъ, среди которыхъ жилъ Тютчевъ. Такимъ образомъ то отношеніе, въ которое Тютчевъ, мыслю и сердцемъ, стала къ Славянскому вопросу въ 1841 году, было его личнымъ дѣломъ; его посланіе къ Ганкѣ написано не съ чужаго голосу, а есть самостоятельный голосъ. Онъ лично посыпалъ Прагу. Вотъ нѣсколько строфъ изъ этого посланія:

Вѣвовать ли памъ въ раздѣлѣ?
Не пора ли очнуться памъ
И подать другъ-другу руки,
Нашимъ братьямъ и друзьямъ?
Вѣки мы слѣпцами были,
И какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы...

И вражды безумной сѣми:
Плодъ историчный принесло:
Не одно погибло племя
Иль въ чужбину отошло.
Иновѣрецъ, иновѣнецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:

Тѣхъ обезъязычили Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ осрамилъ...
Вотъ среди сей ночи темной
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.
О какими вдругъ лучами
Освѣтились всѣ края!...
Обаичилась передъ нами
Вся Славянская земля!

Разсвѣтасть надъ Варшавой,
Біевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ.
И парѣчій братскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ,—
На яву увидѣть внуки
То что снился отцамъ!

М. П. Погодинъ, въ своей статьѣ по поводу кончины Тютчева, также свидѣтельствуетъ, что когда онъ, послѣ 20 лѣтъ разлуки съ Тютчевымъ, „увидался съ нимъ и услышалъ его въ первый разъ, послѣ всѣхъ странствій, заговорившаго о Славянскомъ вопросѣ, то вѣрилъ ушамъ своимъ“, хотя—прибавляетъ Погодинъ—„этотъ вопросъ давно уже былъ предметомъ моихъ занятій и коротко мнѣ знакомъ“.

Въ тѣмъ же 1841 году написано Тютчевымъ въ Мюнхенѣ стихотвореніе по случаю перепесенія праха Наполеона съ острова Св. Елены въ Парижъ. Это событие вдохновило и въ Россіи многихъ нашихъ поэтовъ, въ томъ числѣ и Хомякова въ Москвѣ. Но замѣчательно то, что стихотворенія, какъ Мюнхенскаго старожила и дипломата, такъ и Москви-ча-славянофила, сходны между собою въ основныхъ, существенныхъ мотивахъ, которыхъ не затронули другие поэты. И Тютчева и Хомякова воспоминаніе о Наполеонѣ приводить къ мысли, что сила этого гордаго генія сокрушилась не о вещественную мощь Россіи,

а о нравственную силу Русского народа,—его смиреніе и вѣру. Наконецъ оба, по поводу завершения, такъ сказать, Наполеонова эпоса, обращаютъ свои взоры къ пробуждающемуся Востоку.

Вотъ отрывки изъ стихотворенія Тютчева о Наполеонѣ:

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ пемъ слились:
Въ его главѣ орлы парили,
Въ его груди змѣи вились...
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Ею души не озарila
И не приблизилась къ нему.
Она была земной, не Божій пламень,
Онъ гордо плыть, смиритель волнъ;
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый чешъ.

И ты стоялъ—передъ тобой Россія!
И вѣщий волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промоавилъ роковыя:

«Да сбудутся ея судьбы!»...

Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной
На родину вернувшись мертвѣцъ,
На берегахъ рѣки тебѣ любезной,
Тревожный духъ, почиль ты цаконецъ.
Но чутокъ сонъ и, по ночамъ тоскуя,
Порою вставъ, ты смотришь на Востокъ..

У Хомякова:

И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,
Но спасилъ огонь святыни
Силу гордости земной...

И потому:

Скапилась звѣзда съ омраченыхъ небесъ,
Величе земное во прахъ!..

Скажите, не утропль са Востока встаетъ?
Не новая ль жатва надъ прахомъ растетъ?

проч.

Въ статьѣ „Россія и Германія“, написанной и напечатанной имъ за границей въ 1844 году, уже намѣщаются авто-

ромъ, еще слегка и неполно, черты его политической и исторической думы, которой полное выраженіе мы находимъ въ его позднѣйшихъ статьяхъ, стихахъ и письмахъ. Въ этомъ письмѣ своемъ къ д-ру Кольбу, онъ прямо противопоставляетъ Западной Европѣ—„Европу Восточную“, т. е. Россію; онъ называетъ Россію „цѣлымъ міромъ, единымъ въ своемъ основномъ духовномъ началѣ,“ болѣо искренно-христіанскимъ, чѣмъ Западъ, „имперію Востока, для которой первая имперія Византійскихъ кесарей служила лишь слабымъ и неполнымъ предначертаніемъ и которой остается лишь окончательно сложиться,—что не минуетъ, въ чёмъ и заключается такъ называемый восточный вопросъ.“ Не подлежитъ сомнѣнію, что подобное политическое вѣроисповѣданіе не было въ то время еще никѣмъ заявлено въ Русской литературѣ, особенно такъ прямо и положительно, и нельзя не удивляться спокойной сѣрѣсти, съ которой Тютчевъ рѣшился высказать его предъ лицомъ Европы. Конечно, какъ мы и выражались, мысль его въ этой статьѣ очерчена только слегка, но этотъ очеркъ какъ бы уже намекаетъ на цѣлый строй вполнѣ выработанныхъ, провѣренныхъ и усвоенныхъ себѣ авторомъ политическихъ убѣждений.

Мы съ намѣреніемъ перечислили здѣсь все документальныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что еще за границею, вполнѣ самостоятельно и своеобразно, сложилось у Тютчева то Русское міросозерцаніе, которое одновременно вырабатывалось и проповѣдывалось въ Москвѣ Хомяковымъ и его друзьями,—которое навлекло на нихъ столько насмѣшекъ и прозвищъ (между прочимъ „Славянофиловъ“, и „квасныхъ патріотовъ“), столько упрековъ и обвиненій (между прочимъ въ ретроградности и въ обскурантизмѣ) и приводило

въ такое негодование нашихъ Русскихъ поклонниковъ западно-европейской цивилизациі. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить воспоминаніе Ю. Ф. Самарина о томъ, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, еще до переселенія Тютчева въ Россію, на одномъ изъ тѣхъ Московскихъ вечеровъ, гдѣ по тогдашнему обыкновенію происходили жаркія препирательства между „Западомъ“ и „Востокомъ“, присутствовалъ недавно пріѣхавшій изъ Мюнхена князь Иванъ Гагаринъ и, слушая Хомякова, невольно воскликнулъ: *Je crois entendre râler Tutschéff! Le malheureux, comme il va donner là dédans!* (*) Почти никто изъ присутствовавшихъ не зналъ имени Тютчева, и это восклицаніе не обратило тогда на себя никакого вниманія. Наконецъ Тютчевъ—въ Россіи, знакомится съ Петербургскимъ и Московскімъ обществомъ, и не обинуясь, на чистѣйшемъ Французскомъ діалектѣ, не надѣвая ни мурмолки, ни святославки, а явившись вполнѣ Европейцемъ и свѣтскимъ человѣкомъ, проповѣдуется, па основаніи своей собственной аргументаціи, ученіе почти одинаково *дикое*, какъ и ученіе Хомякова, К. С. Аксакова и имъ подобныхъ. Рассказываютъ, что особенно забавно бывало видѣть Чаадаева и Тютчева вмѣстѣ и слушать ихъ споры. Чаадаевъ не могъ не цѣнить ума и дарованій Тютчева, не могъ не любить его, не могъ не признавать въ Тютчевѣ человѣка вполнѣ Европейскаго, болѣе Европейскаго, чѣмъ онъ самъ, Чаадаевъ; предъ пимъ былъ уже не послѣдователь, не поклонникъ западной цивилизациі, а сама эта цивилизациі, самъ Западъ въ лицѣ Тютчева, который къ тому же и во Французскомъ языѣ былъ такимъ хозяиномъ, какъ

(*) «Кажется, я слышу Тютчева! Несчастный, какъ онъ вѣлѣпится во все это!»

никто въ Россіи, и рѣдкіе изъ Француловъ.... Чаадаевъ глубоко огорчался и даже раздражался такимъ неприличнымъ, непостижимымъ именно въ Тютчевѣ заблужденіемъ, *аберрацію*, руссоманіемъ ума, просвѣтившагося знаніемъ и наукой у самого источника свѣта, непосредственно отъ самой Европы. Чаадаевъ утверждалъ, что Русские въ Европѣ какъ бы незаконнорожденные (*une nation bâtarde*); Тютчевъ доказывалъ, что Россія особый міръ, съ высшимъ политическимъ и духовнымъ призваніемъ, предъ которымъ долженъ со временемъ преклониться Западъ. Чаадаевъ настаивалъ на томъ историческомъ вредѣ, которое нанесло будто бы Россіи принятие ею Христіанства отъ Византіи и отдѣленіе отъ церковнаго единства съ Римомъ; Тютчевъ напротивъ именно въ Православіи видѣлъ высшее просвѣтительное начало, залогъ будущности для Россіи и всего Славянскаго міра, и полагалъ, что духовное обновленіе возможно для Запада только въ возвращеніи къ древнему вселенскому преданію и древнему церковному единству. Эту мысль свою онъ исповѣдуетъ гласно, предъ всѣмъ широкъ, въ статьѣ, напечатанной въ Парижскомъ журнальѣ (*la Patrie et la Question Roumaine, Revue des Deux Mondes* 1850 г.) и если не убѣдившій, то поразившій Европейскую публику необычною, даже для пея, талантливостью, глубиною, сильностью мысли и мастерствомъ изложенія. Чаадаевъ и его друзья „западники“ признавали западно-европейскую цивилизацию единственнымъ идеаломъ для Россіи, и прогрессъ этой цивилизации—вышею цѣлью вышихъ стремленій человѣческаго духа; Тютчевъ обличалъ въ этой цивилизациі оскудѣліе духовнаго начала и пророчилъ, что, уклонясь отъ оснований Вѣры, объязыввшись и проникнувшись принципомъ ма-

теріализма, она дойдетъ до самоотрицанія и до самозаклания. „Западникъ“, шаконецъ, будущее Западной Европы представлялось въ самомъ розовоють цвѣтѣ, и въ ея революціонныхъ сотрясенияхъ они усматривали поступательное движение впередъ, сулили въ грядущемъ благо всему человѣчеству; Тютчевъ объявлялъ начало революціонной эры въ Европѣ началомъ ея паденія, принципъ разрушительныи, а не созиадельныи, основанныи на насилии, на отрицаніи, на самообожаніи человѣческаго разума, и высказывалъ свои воззрѣнія во всеуслышаніе всей Европѣ, въ статьѣ: „La Russie et la Rевolution“, напечатанной въ Парижѣ, статьѣ, которая прозвана за гротескою сильное впечатлѣніе, которая въ извлеченіяхъ была два раза перепечатана (съ промежуткомъ шести лѣтъ) въ Revue des Mondes, — не забыта даже и теперь. „Западники“, даже и демократы, съ презрѣніемъ и глумленіемъ относились къ Русскому простому народу; а Тютчевъ, — самъ, несомнѣнно, питомецъ гордаго и красиваго Запада, вотъ что способенъ былъ говорить про этотъ Русской народъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа.

*Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменныи,
Чтѣ сквозитъ и тады сплютитъ
Въ наютъ твоей смиренной.*

Удрученный щошей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя..

И вотъ чого чаць онъ въ будущемъ этому краю смиренія и долготерпѣнія, вотъ съ какими стихами обращался поэтъ къ Россіи, во время послѣдней восточной

войны, когда почти вся христіанская Западная Европа, въ союзѣ съ Мусульманами и во имя цивилизаціи, домогалась нашего уничиженія и гибели:

. . . Ложь воплотилася въ булатъ,—
Какимъ-то Божімъ попушѣньемъ,
Не цѣлый міръ, но цѣлый адъ
Тебѣ грозить ниспроверженіемъ.

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе цароды
Со дна воздвиглись царства тьмы—
Во имя свѣтла и свободы!

*Тебѣ оши готовятъ плѣнъ,
Тебѣ пророчать посрамленье,
Ты — лучшихъ будущихъ временъ
Глаголъ, и экизъ, и просвѣщеніе!*

Россія — глаголъ, просвѣщеніе, жизнь человѣчества лучшихъ будущихъ временъ.... Такъ вотъ къ какому чаянію привело Тютчева двадцати-двухъ-лѣтнєе воспитаніе въ Европейской умственной школѣ! Такъ вотъ на что послужили ему всѣ дары западнаго просвѣщенія!.. Только на удобреніе почвы для возвращенія Русской самостоятельной мысли, только на оправданіе и укрѣпленіе врожденаго чувства любви къ Россіи!.. Здѣсь опять нельзя не поразиться совпаденіемъ стиховъ Тютчева, въ основныхъ тонахъ, съ стихами Хомякова — двухъ поэтовъ такъ мало сходныхъ своею личною судьбою. Принесемъ стихи Хомякова:

И другой странѣ *смиренной*,
Полной вѣры и чудесъ,
Боіг отдастъ судьбу вселенной,
Мечъ земли и тромъ небесъ!

Или:

И вотъ за то, что ты *смиренна*,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаны сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,
Тебѣ Онъ даль свое призванье
Тебѣ Онъ светлый далъ удѣль.

Далѣе:

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизни грядущи гдѣ днѣ таится.
Начало славы и чудесъ!
О вспомни свой уѣздъ высокой,
Былос въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубокого
Ты духа жизни допроси.
Внимай ему — и всѣ шароды
Обплыв любовью своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сияюще Вѣры имъ пролей.
И станешь въ славѣ ты чудесной!
Превыше вспах земныхъ сыновъ,
Какъ ототь синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ!

Но если въ Хомяковѣ, человѣкѣ живѣшемъ въ Церкви, по выражению Ю. Ф. Самарина (въ его предисловіи къ богословскому сочиненію Хомякова), такое отношеніе къ христіанскому свойствамъ Русского народа и къ хранимой народомъ истинѣ Вѣры вполнѣ попатно, то тѣмъ труднѣе объяснить подобное явленіе въ Тютчевѣ, жившемъ, повидимому, совершенно вѣрѣ Церкви, во всякомъ случаѣ вѣрѣ церковной бытовой Русской стихіи, разрывшемся умственю и нравственю въ чуждой, враждебной Россіи, Европейской средѣ. Особенно страннымъ кажется это теплое сочувствіе къ той нравственой сторонѣ Русской народности, которая же въ то время, людьми западно-европейского образованія, склонными честовать красивую гордость и нарядный героизмъ, но уже никакъ не „смирение“... Но въ Тютчевѣ оно объясняется отчасти психологически: мы уже постарались выше охарактеризовать его внутренній душевный строй и указали на присутствіе въ немъ самой сипрепіи и скромности, не какъ созн-

тельно усвоенной добродѣтели, а какъ личнаго, врожденного, и какъ общаго народнаго свойства. Мы видѣли также, что поклоненіе *своему* я было ему неизвестно, а поклоненіе *человѣческому* я вообще представлялось ему обогащеніемъ ограниченностіи человѣческаго разума, добровольнымъ отреченіемъ отъ высшей, недостижаемой уму, абсолютной истины, отъ высшихъ подземныхъ стремленій,—возведеніемъ человѣческой личности на степень кумира, началомъ материалистическимъ, гибельнымъ для судьбы человѣческихъ обществъ, воспринавшихъ это начало въ жизнь и въ душу. Этотъ взглядъ проведенъ имъ, какъ философское убѣжденіе, во всѣхъ его блестящихъ Французскихъ статьяхъ, о которыхъ мы упомянули выше,—и онъ же, какъ нравственный мотивъ, какъ Grundton, зву- чить и во всей его поэзіи. Вотъ эта-то психическая особенность Тютчева, признанная и оправданная его глубокимъ умомъ, наукою, знаніемъ, она-то и оградила его духовную самобытность, и не только сохранила въ немъ Русского человѣка, но еще дала ему возможность уразумѣть Русскіе народные нравственные идеалы, вынести и пронести ихъ въ себѣ, на чужбіи, безъ всякого непосредственнаго на него воздействиія Русскаго быта, изъ самого котла Европейской цивилизаціи, сквозь всѣ обольщопія западной жизни, сквозь всю одуряющую суету свѣтской среды, сквозь всѣ блужданія личнаго нравственного бытія... Опъ пе измѣнилъ имъ ни мыслью, ни сердцемъ въ теченіи всей остальной половины своего существованія. Вся его умственная дѣятельность въ Россіи была только дальнѣйшимъ развитіемъ и исповѣданіемъ тѣхъ началь и взглядовъ, которые мы очертили и которые въ главныхъ своихъ основаніяхъ выработались у него за границею.

Ничто не раздражало его въ такой мѣрѣ какъ скудость национального пониманія въ высшихъ сферахъ, правительственныехъ и общественныхъ, какъ высокомѣрное, невѣжественное пренебреженіе къ правамъ и интересамъ Русской народности. Его иронія, обыкновенно необидная, становилась юдою; онъ сыпалъ сарказмами въ рѣчахъ и стихахъ:

Напрасныи трудъ! Нѣтъ ихъ не вразумить!

такъ гласила одна его папечатанная импровизація:

Чѣмъ либералыѣй, тѣмъ они пошлѣ!
Цивилизація—для нихъ фетишъ,
Но недоступна имъ ея идеи.
Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не сискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не слуши просвѣщенья, а холопы!

И сколько такихъ импровизаций непапечатанныхъ и неудобопечатныхъ!..

Мы не станемъ излагать въ подробности всей его, довольно тщательно разработанной, философско-исторической системы: ниже, въ особомъ отдѣлѣ, читатели найдутъ полный разборъ его статей папечатанныхъ и рукописныхъ. Намъ только было нужно, здесь же, въ дополненіе къ нравственной характеристикѣ Тютчева, характеризовать его сразу и какъ Русскаго человѣка, выяснить самостоятельность его духовной природы, указать размахъ его Русской мысли и чувства, а вѣсть съ тѣмъ новый видъ того раздвоенія и противорѣчія, которымъ удручила его судьба....

Въ самомъ дѣлѣ не странно ли, что при всей рѣзкости народного направленія мысли въ Тютчевѣ, нашъ высшій свѣтъ, high-life, не только не отвергалъ Тютчева и не подвергалъ равнouю съ Славянофилами осмѣшию и гоненію, но

всегда признавалъ его своимъ,—по крайней мѣрѣ интеллигентный слой этого свѣта. Конечно, этому причиною было то обаяніе всесторонней культуры, которое у Тютчева было такъ нераздѣльно съ его существомъ и влекло къ нему всѣхъ, даже несогласныхъ съ его политическими убѣжденіями. Эти убѣжденія признавались достойными сожалѣнія крайностями, оригинальностью, какъ призомъ, пародоксальностью сильного ума и охотно прощались Тютчеву ради его блестящаго остроумія, общительности, привѣтливости, ради уточненно-изящнаго европеизма всей его вѣщности. Къ тому же всѣ „национальныи идеи“ Тютчева представлялись обществу чѣмъ-то отвлеченнымъ (чѣть, повидимому, онъ въ пемъ и были отчасти), дѣломъ мнѣнія (что opinio сомнѣ чье auctor), а не дѣломъ жизни. Дѣйствительно, онъ не вносили въ отношенія Тютчева къ людямъ ни исключительности, ни нетерпимости; онъ не принадлежалъ ни къ какому литературному лагерю и былъ въ общемъ съ людьми всѣхъ круговъ и становъ; онъ не видоизмѣняли его привычекъ, не пересоздавали его частнаго быта, не налагали на него никакого клейма ни партии, ни національности... Но точно ли весь этотъ Русской элементъ въ Тютчевѣ былъ только отвлеченною мыслью, только дѣломъ одного мнѣнія? Нѣтъ: любовь къ Россіи, вѣра въ ея будущее, убѣжденіе въ ея верховномъ историческомъ призваніи, владѣли Тютчевымъ могущественно, упорно, безраздѣльно, съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до послѣдняго издыханія. Они жили въ немъ на степени какой-то стихійной силы, болѣе властительной, чѣмъ всякое иное, личное чувство. Россія была для него высшимъ интересомъ жизни: къ ней устремлялись его мысли на смертномъ одрѣ... А между тѣмъ, странно въ самомъ дѣлѣ подумать, что стихотво-

реніе по случаю посещенія Русской деревни (аехъ иль; не здѣсь, не этаото края безлюдныи былъ для души моей родимыи краемъ) и стихотвореніе: «Эти бѣдныи селенья, эта скучная природа», написаны однімъ и тѣмъ же поэтомъ, что эта любовь къ Русскому народу не выносилъ жизни съ нимъ лицомъ къ лицу и уживалась только съ Петербургскою, высшою общественною, почти Европейскою средою? Но такое противорѣчіе создано было Тютчеву самою судбою. Что же дѣлать, если всю молодость, лучшіе 22 года, онъ провелъ за границею; если онъ былъ связанъ съ чуждою землею всѣми дорогими воспоминаніями сердца, долголѣтними привычками быта, самыи воспитаніемъ своего ума? Подобно тому, какъ за границею, въ его Германскомъ или Итальянскомъ далѣкѣ, Россія представлалась ему не въ подробностяхъ и частностяхъ, а въ своемъ цѣломъ объемѣ; въ своемъ общемъ значеніи, — не съ точки зрѣнія нынѣшняго дна, а съ точки зрѣнія міровой исторіи: подобно тому продолжалъ онъ смотрѣть на Россію и въ Россіи, не смущаясь злобою дна, не нуждалась въ болѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ Русскою дѣйствительностью. Не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ поэтъ, а поэтическія представленія довольствуютъ поэта болѣе, чѣмъ грубая реальность. Но тѣль не менѣе, въ области этого идеального представленія, и убѣжденіе, и чувство его были сильны, страстны, истинны и не отвлечены, а реальны.

Нѣтъ сомнѣнія, что явленіе, подобное Тютчеву, должно казаться аномалией, но такими аномалиями полна исторія нашего Русского общественнаго роста. На Французскомъ языке пришлося и Хомякову высказать свои завѣтнѣйшія убѣжденія о Православіи — это драгоценнѣйшее твореніе Русской мы-

сли, Русскаго вѣрующаго духа; на Французскомъ языкѣ выражаетъ и Тютчевъ Русское историческое самосознаніе... Читая его, зная все обстоятельства его жизни, только давиція силѣ, упругости Русскаго чувства и Русскаго гепіа, и еще болѣе вѣришь въ великое міровое предназначеніе Роеціи.

Обратимся теперь къ Тютчеву — какъ стихотворцу и какъ публицисту.

IV.

Тютчевъ принадлежалъ безспорно къ такъ называемой Пушкинской плѣадѣ поэтовъ. Но потому только что онъ былъ имъ всѣмъ почти сверстникъ по лѣтамъ, ио особенно потому, что на его стихахъ лежитъ тотъ-же исторический признакъ, которымъ отличается и опредѣляется поэзія этой эпохи. Онъ родился, какъ мы уже сказали, въ 1803 году, следовательно въ одинъ годъ съ поэтомъ Языковымъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до Хомякова, за два года до Беневитинова, пять лѣтъ спустя послѣ Дельвига, четыре года послѣ Пушкина, три послѣ Баратынского, съ такимъ словомъ въ той замѣтѣніи на Руси полосѣ времени, когда была такъ обильна поэзіи. Нельзя же конечно полагать, что такой періодъ поэтическаго творчества насталъ совершенно случайно. Мы съ своей стороны видимъ въ немъ необходимую историческую ступень въ прогрессивномъ ходѣ Русскаго просвѣщенія. Извѣстно, что вообще, въ исторіи человѣческихъ обществъ, художественное откровеніе предваряетъ медленный ростъ сознательной мысли; творческая дѣятельность искусствъ, требуя еще не раздробленной цѣльности духа, предшествуетъ аналитической работе ума. Ничто подобное видѣть мы и въ поэзіи, и особенно у насъ, — разумѣя здѣсь поэзію не какъ психическое начало, нераздѣльное съ человѣкомъ.

вздумали было возместить на Германіи свою дипломатическую неудачу на Востокѣ и когда вся Германия взволновалась и загвала *Rheinlied*, то быстрому отступлению предъ сей юною Нѣмецкою патріотическою пѣснью соперницы ея, старой Французской *марсельезы*, другими словами—быстрой, благопріятной для Нѣмцевъ перемѣнѣ Французской политики, немало способствовало одно обстоятельство, очень хорошо известное въ Парижѣ, но умалчивающее Нѣмецкою печатью. „Это обстоятельство заключалось въ объявленіи Русскаго кабинета, что при первомъ проявленіи враждебности со стороны Франціи, 80,000 Русскаго войска двинутся на помощь Германской независимости, а чрезъ 6 пе-дѣль за пими послѣдуютъ еще 200 ты-сячи“ (*). И тѣль не менѣе Нѣмецкіе публицисты продолжаютъ злобствовать на Россію!“

Положеніе Германіи, очерченное Тютчевыемъ, три политическія комбинаціи, имъ указанныя, не измѣнились и попы-ни, не смотря па всѣ громадные перевороты истекшихъ 30 лѣтъ. Многовѣ-ковую тужбу между Франціей и Гер-маніей можно считать проигранною Фран-

(*) Въ статьѣ г-на Léon Boré, напечатанной въ 1873 году и упомянутой на-ми выше, статьѣ, направленной противъ Тьера, въ обличеніе его прежнихъ воин-ственныхъ замысловъ относительно Германіи (въ этихъ замыслахъ Французы видятъ теперь одного только Наполеона III),—при-водится подлинныя слова Тютчева, ска-занныя автору въ 1843 году, имен-но объ этомъ заявлѣніи Императора Ни-колая. Вероятно, это былъ дипломатиче-скій секретъ, противъ обыкновенія мало огласившійся, потому что Léon Boré при-даетъ такому «сообщенію» (*confidence*) Тютчева большую важность и считаетъ его знакомъ особаго къ себѣ довѣрія.

цузами; но кто отважится признать ее вполнѣ разрѣщенную и сданную въ ар-хивъ? По крайней мѣрѣ Нѣмцы еще не расположены считать Францію оконча-тельно сошедшою съ поприща, и не-давно произнесенная графомъ Мольтке рѣчь въ Прусскомъ парламентѣ о не-обходимости для Пруссіи иметь всегда подъ рукою готовую грозную, военную силу, доказываетъ явное опасеніе, что поединокъ съ Франціей можетъ со вре-менемъ и возобновиться... Не смотря на величавость новаго политического зданія Германской Имперіи, это зданіе, какъ торжественно засвидѣтельствовалъ о томъ предъ всѣмъ широкъ Германскій им-ператоръ, вслѣдъ за принятіемъ имъ им-перской короны (въ своей телеграммѣ къ Императору Александру II), — это зданіе обязано появленіемъ своимъ на свѣтъ Божій единственно политическому содѣйствію Россіи. Германская Имперія и въ настоящую пору сильна только въ союзѣ съ Россіей,—не потому, чтобы Германія не въ состояніи была сира-виться одна съ Франціей, но потому, что, при участіи Россіи въ спорѣ между этими двумя державами Запада, Россіи одной принадлежитъ рѣшеніе спора въ пользу той или другой стороны.

Во имя чего же,—спрашивается Тютчевъ, —приняла Россія (въ 1813 году) сторону Германіи? „Во имя исторической правды, для того, чтобы разъ на всегда утвердить торжество права, исторической законности надъ революціоннымъ образомъ дѣйствій (elle a voulu donner gain de cause un fois pour toutes au droit, à la légitimité historique sur le procédé révolutionnaire)“. Почему же ей это нужно? Потому, что „историческая правда—это ея собствен-ное знанія, ея собственный интересъ, интересъ ея будущности: законности исторической требуетъ Россія для сеbsя и для своихъ“. Тютчевъ, конечно, под-

разумѣваетъ здѣсь между прочимъ за-
конность правъ Россіи по отношенію
къ Востоку...

„Вы заняты—съ такими словами обра-
щается Тютчевъ къ Нѣмцамъ—заняты
вотъ уже нѣсколько лѣтъ великимъ во-
просомъ объ единству Германіи. Не
всегда такъ было, вы это знаете сами.
Я уже давно живу между вами и могу
съ точностью означить эпоху, когда
этотъ вопросъ впервыя сталъ волновать
умы... Забота, конечно, похвальная, без-
спорно заслуживающая, по происхожденію не-
давнаго“... „Правда, Россія никогда не
проповѣдала единства Германіи, но въ
теченіи тридцати лѣтъ сряду не пере-
ставала и не перестаетъ внушать Гер-
маніи единеніе, согласіе, взаимную до-
вѣренность, подчиненіе частныхъ интере-
совъ великому дѣлу общаго интереса“...

Утверждаютъ, что Русское вліяніе
— всего болѣе изъшаетъ развитію въ Гер-
маніи конституціонаго образа правле-
нія; но „не безразсудно ли—возражаетъ
на это Тютчевъ — стараться выдавать
Россію за систематического противника
той или другой правительственной си-
стемы? И какъ бы она могла стать тѣмъ,
что она есть, и достичь такого значе-
нія въ мірѣ, съ подобною узкостью по-
нятій? Конечно, она всегда энергически
подавала голосъ въ пользу честнаго со-
храненія учрежденій уже существую-
щихъ и принятыхъ обязательствъ“... За-
тѣмъ, можетъ-быть, по ея мнѣнію, было
бы едвали и благородѣнно, въ интересѣ
самаго единства Германіи, допускать
въ ней развитіе парламентаризма до той
же силы преимуществъ, какою онъ поль-
зуется въ Англіи или во Франціи: „за-
дача единства сдѣлалась бы неразрѣ-
шимою въ Германіи—раздробленной пол-
дюжиной полновластныхъ парламент-
скихъ трибуналъ“.

Доискиваясь какой либо разумной
причины непріязни Нѣмцевъ къ Россіи,

и не находя ни одной, Тютчевъ гово-
ритъ:

Я знаю, что въ крайнемъ случаѣ найду
безумцевъ, которые самымъ серьезнымъ об-
разомъ скажутъ мнѣ: «Мы должны васъ не-
навидѣть; ваше основное начало, начало ва-
шей цивилизациіи внушило намъ Нѣмцамъ,
намъ западникамъ, отвращеніе: у васъ не
было ни феодализма, ни папской іерар-
хіи; вы не пережили ни борьбы между
имперіей и папскимъ престоломъ, ни
религіозныхъ войнъ, ни даже инквизиціи;
вы не принимали участія въ крестовыхъ
походахъ; вы не называли рыцарства; вы
четыре столѣтія тому назадъ обрѣли то
единство, къ которому мы еще стремимся;
ваше основное начало не удѣляетъ доста-
точного простора личной свободѣ, оно мало
допускаетъ разъединеніе и раздробленіе». Все
это такъ. Но воспрепятствовало ли
все это намъ пособлять вамъ при случаѣ,
когда требовалось отстоять, восстано-
вить вашу политическую самостоятель-
ность, вашу національность?

„Умѣйте же уважать и нашу націо-
нальность,—такъ прибавляетъ Тютчевъ,
уважать ее въ ея единству и силѣ, и
при всѣхъ нашихъ недостаткахъ, кото-
рыми мы не богаче другихъ. Враждеб-
ное къ Россіи расположение умовъ въ
Германіи представляетъ опасность—не
для Россіи, конечно, а для самой Гер-
маніи...“

Нельзя не признать, что съ появле-
ніемъ этой статьи Тютчева *слервяя* раз-
дался въ Европѣ твердый и мужествен-
ный голосъ Русскаго общественнаго мнѣнія. Никто, никогда, изъ частныхъ лицъ
въ Россіи еще не осмѣливался говорить
прямо съ Европою такимъ тономъ, съ
такимъ достоинствомъ и свободой. Это
мужество, эту силу почерпнулъ Тют-
чевъ, конечно, не изъ отечественной
своей среды, а изъ себя самого,—изъ
того народнаго самосознанія, которое
носилъ и выработалъ въ себѣ за гра-

ницей. Онъ на чужбинѣ явился *передовыимъ Русскими*—даже для Русскихъ въ самой Россіи...

Взглядъ Тютчева на Германское единство, выраженный въ 1844 году, покажется читателямъ, можетъ-быть, ошибочнымъ, во всякомъ случаѣ не оправданнымъ событиями... Мы не станемъ его здѣсь ни защищать, ни опровергать, потому что онъ изложенъ подробнѣе въ другихъ статьяхъ Тютчева, которымъ и переходимъ.

Вторая, слѣдующая по порядку статья — есть та „записка поданная Императору Николаю о положеніи Европы послѣ Февральской революції“, которая была написана въ Апрѣль 1848 г., напечатана въ 1849 г. въ Парижѣ особой брошюрою барономъ Бургуномъ, и поимѣнена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года, тетрадь 5-я подъ заглавіемъ: „Россія и Революція“.

Многимъ, конечно, памятно то потрясающее дѣйствіе, которое произвела на умы,—не только въ Европѣ, но даже и среди русского общества,—Февральская революція, разразившаяся какъ громъ изъ яснаго неба. Революціонное пламя быстро обхватило всю Западную Европу; будто вихрь снесло тутъ политической распорядокъ, въ которомъ жила и двигалась Европа, послѣ 1814 года, подъ опекой Священнаго Союза; ревъ пожара, клики матущихся, гамъ восторговъ и проклятій,—все это вскорѣ слилось въ одинъ общій гуль вражды, ненависти, злобы къ Россіи, неистовой хулы и угрозъ. Никто изъ энтузіастовъ Февральской революціи не предвидѣлъ въ то время, что она разрѣшится для Франціи цезаризмомъ самого сквернаго качества, а разшатавшаяся политическая система приведеть среднюю Европу, цѣлымъ рядомъ послѣдовавшихъ событий, къ утратѣ пресловутаго политическаго равновѣсія—къ гегемоніи Прус-

сіі,—къ Бисмарку. Февральскій мятежъ сильно возбудилъ и подвигъ все нравственное существо Тютчева, и какъ поэта, и какъ мыслителя, и какъ Русскаго постоянно созерцающаго, въ своихъ думахъ, будущія судьбы Россіи;—но онъ не удивилъ его, не измѣнилъ его взглядовъ и мнѣній, а непротивъ явился для него новымъ свидѣтельствомъ, новымъ подтвержденіемъ въ пользу его выводовъ и гаданій. Онъ, какъ мы знаемъ, уже съ 1830 года, послѣ знаменитыхъ Іюльскихъ дней, предсказывалъ логическую неизбѣжность новыхъ насилиственныхъ переворотовъ. Какъ въ статьѣ о Революції, такъ и въ другой статьѣ „о Римскомъ вопросѣ и папствѣ“, связанной съ первою органически, писанной почти одновременно, однимъ пошибомъ пера, выступаетъ наружу замѣчательная способность Тютчева: усматривать въ отдаленомъ явленіи, въ данномъ вышинѣ событий, его внутренній, сокровенныій, міровой смыслъ. Откладывая винѣшнія частности, онъ въ каждой заботѣ текущаго дня обращается мыслью назадъ, къ ея историческимъ основамъ, ищетъ и отыскиваетъ въ случайномъ и временномъ вопросѣ *пребывающій*, — роковой, какъ онъ выражается. Вотъ я причина, почему его политическая статьи, хотя и вызваны событиями, которыми минуло болѣе четверти вѣка, никакъ не утрачиваютъ значенія современности. Въ срокѣ и способѣ разрешенія поставленныхъ Тютчевымъ вопросовъ ему приходилось и ошибаться; въ этомъ отношеніи поэтъ бралъ перенѣсь надъ мыслителемъ, и вѣрныя соображенія строгой отвлеченної мысли перѣдко, относительно времени и формы воплощенія, переходили въ поэтическія мечтанія. Такъ онъ ждалъ разрѣшенія „роковыхъ“ вопросовъ и въ 1849 году, и въ 1854,—отсрочивъ дальше, и не дождался разрѣшенія. Но повторясъ:

время не упраздило самихъ вопросовъ, а иные изъ нихъ поставило еще рѣзче.

Объ статьи — слово, обращенное къ Западной Европѣ, а не къ Россіи, и слово съ властью, вызвавшее къ себѣ вниманіе въ Западной Европѣ, обыкновенно тугой на ухо для Русской литературной рѣчи. Особенно въ то время мало было она расположена слушать голоса изъ Россіи. Впрочемъ, этихъ голосовъ вовсе и не раздавалось: голосъ Тютчева былъ первый и въ ту пору единственный, возвѣстившій Европѣ Русскую мысль, Русскую точку зренія. Явленіе для нея неслыханное; но года черезъ два, по поводу возбужденной Тютчевымъ полемики, раздалось и еще слово, — слово Хомякова, въ цѣломъ, рядъ брошюръ богословскаго содержанія, еще глубже раскрывшее духовную сущность Запада, съ ея религіозной стороны, и до сихъ поръ еще не достаточно оцѣненное, не только на Западѣ, но и стыдно сказать — въ самой православной Россіи, блестителемъ ея православія...

Блистательное изложеніе Тютчева, конечно, много теряетъ въ Русскомъ перевода, но мы можемъ дѣлать съ достоинствомъ его Французской прозы, а съ его Русскою мыслью.

Свою статью о Россіи и Революціи, Тютчевъ начинаетъ прямо слѣдующимъ положеніемъ: „Уже съ давнихъ поръ въ Европѣ только двѣ дѣйствительныя силы, двѣ истинныя державы: Революція и Россія (*deux révoltes géelles*). Онъ теперь сошлись лицомъ къ лицу, а завтра можетъ быть схватятся. Между тою и другою не можетъ быть ни договоръ, ни сдѣлокъ. Что для одной жизнь — для другой смерть. Отъ исхода борьбы, завязавшейся между ними, величайшей борьбы, когда-либо видѣнной міромъ, зависитъ на иные вѣки вся политическая и религіозная будущность человѣ-

чества... Это соперничество бьетъ теперь всѣмъ въ глаза, — но несмотря на то, такова несмысличество вѣка притупленного мудрованіемъ (*telle est l'ineptitude d'un siècle hébété par le gaïsoplement!*), что современное поколѣніе, въ виду такого громаднаго факта, далеко еще не сознало его настоящаго значенія и его причинъ. Ему пекали разъясненія въ соображеніяхъ политическихъ; пытались истолковать различіемъ понятій, чисто человѣческихъ, о благоустройствѣ... Нѣтъ. Противоборство Революціи съ Россіей исходитъ изъ причинъ несравненно болѣе глубокихъ; вотъ онъ въ двухъ словахъ... Приводимъ это мѣсто вполнѣ:

Россія прежде всего держава христіанская; Русской народъ христіанинъ, не въ силу только православія своихъ вѣрованій (*l'orthodoxie de ses croyances*), но еще въ силу того, чтѣ еще задушевнѣе вѣрованія (*mais encore par quelque chose de plus intime encore que la croyance*). Онъ христіанинъ — по той способности къ самоотверженію и самопожертвованію, которая составляетъ какъ бы основу его нравственной природы. Революція же, прежде всего, врагъ христіанства. Антихристіанскимъ духомъ одушевлена Революція: вотъ ея существенный, ей именно свойственный характеръ. Наружные формы, въ которыхъ она отъ времени до времени облекалась, лозунги, которые поперемѣнно усвоивала, все, даже ея насилия и преступленія, все это придатокъ или случайность. Но чтѣ не придатокъ и не случайность — это антихристіанское начало, ее вдохновляющее; оно-то (изъ яко же этого не признать) и доставило ей такое грозное господство надъ міромъ. Тотъ, кто этого не разумѣеть, не болѣе какъ слѣпецъ, шестьдесятъ ять присутствующій при зрелицѣ, представляемомъ вселенной...

Человѣческое я, хотящее зависѣть только отъ самого себя, не признающее, не

принимающее никакого лица закона, кроме собственного изволения,—человеческое я, одним словом, поставляющее себя выше всего Бога,—явленіе конечно не новое между людьми,—но что было ново—это самовластіе (*absolutisme*) человеческаго я, возведенное на степень политического и социального права, и его притязаніе, въ силу такого права, овладѣть человеческимъ обществомъ. Эта-то попытка и позвалась въ 1789 году Французскою Революціей (°).

Съ тѣхъ поръ, продолжаетъ Тютчевъ, „Революціи, не смотря ни на какія метаморфозы, осталась въ рина своеї природы; но никогда не чувствовала она себѣ въ такой степени самой собою, такъ искренно проникнутою антихристіанскимъ духомъ, какъ именно тогда, когда присвоила себя лозунгъ христіанъ: братство. Если прислушаться къ тѣмъ наивно-богохульнымъ разглагольствованіямъ, которыя сдѣлались, такъ сказать, официальнымъ языкомъ эпохи, можно было бы подумать, что новая Французская республика для того только и явилась въ мірѣ, чтобы выполнить евангельский законъ. Она даже прямо приписываетъ себѣ такою привиліе, только съ небольшимъ измѣненіемъ, оговореннымъ Революціей; именно: на място духа спирія и самоотречения—въ честь самая сущность христіанства—она водворяетъ духъ гордости и преобладанія; на място любви (*charité*) свободной и добровольной — любовь вынужденную; взамѣнь братства, проповѣдуемаго и воспринимаемаго во имя Бога, — братство,

насильственно налагаемое страхомъ къ народу-власти[“]...

Февральскій взрывъ, по словамъ Тютчева, оказалъ великую услугу тѣмъ, что сокрушилъ призраки, окутывавшіе дѣйствительность. Ясно стало всѣмъ, что „исторія Европы за послѣдніе тридцать три года была лишь долгою инсттификаціей.“ Кто же не понимаетъ теперь, продолжаетъ Тютчевъ, „какъ сиѣшины были притязанія этой мудрости вѣка, которая превращено вообразила, что ей уже совсѣмъ удалось смирить Революцію конституціонными заклинаніями (*par l'hexogcisme consititutionnel*), — обуздать ся страшную энергию формулами законности? Кто же можетъ еще сомнѣваться въ томъ, что, какъ скоро принципъ революціонный проникъ въ „кровь и плоть общества,—всѣ эти сдѣлки не что иное какъ наркотическая, средства, способны, пожалуй, на время усыпить большого, но не останавливающія хода самой болезни? Вотъ почему Революція не только поглотила Реставрацію, лично ей пренавистную, но не стерпѣла и другаго правительства, отъ ногъ же исшедшаго, которое она хотя и признала въ 1830 году, взявъ его въ кумовья себѣ предъ Европой (*pour lui servir de compere vis-à-vis de l'Europe*), но которое тотчасъ же сокрушила, какъ скоро оно, выѣсто того чтобы служить ей, возмечтало подъ нею властствовать.“

Только Русская мысль, говорить Тютчевъ, поставленная въ революціонной среды, въ состояніи, судить здраво о совершающихся событияхъ.

Этотъ взглядъ на Революцію, не какъ на случайный взрывъ, объясняемый злоупотребленіями власти, а какъ на правдивый фактъ общественной совѣсти, обличающей внутреннее настроение человеческаго духа и оскудѣніе вѣры въ Западной Европѣ, еще имѣетъ развить у Тютчева въ другой его статьѣ, въ

(°) Приводя эти строки Тютчевъ, въ своей рецензіи въ *Revue des Deux Mondes*, Форкаль, известный Французскій публицистъ, прибавляетъ: *Sans adopter dans tous ses points ce jugement, on ne le trouvera peut-être pas denué de profondeur, et n'était que moi de Maître professait une autre opinion sur l'orthodoxie, il n'eût point autrement parlé. Всѣдѣ, въ своей статьѣ, также вынимаются эти строки, какъ «особенно лживчательны». Очевидно, что Французамъ эта точка зрения казалась совершенствомъ новою.*

связи съ истолкованиемъ попства. Мы еще возвратимся къ этому предмету: здѣсь же замѣтилъ только, что по всей вѣроятности, даже несожиѣнно, сами вожди и дѣятели Революціи въ первое время не сознавали, какое имѣло начало полагалось ими въ основаніе сооружаемаго ими зданія. Они еще пристодушно вѣрили въ энigmательную способность Революціи и думали построить прочныхъ учрежденія изъ элементовъ отрицанія и разрушенія, замѣняя организаційный процессъ жизни деспотическимъ революціоннымъ процессомъ. Только позднѣе сложилось цѣлое революціонное учченіе, исповѣдующее революцію, не какъ средство, а какъ принципъ,—революцію ради революціи, возводящую ее въ догматъ и законное право человѣческой свободы, другими словами: ученіе, разноздѣйывающее личную волю, призывающее ее обоготовить себя самой какъ истину, и решать вопросъ объ истинѣ насилиемъ. Въ настоящее время восторженное поклоненіе Революціи 1789 года начинаетъ проходить и у Французовъ; они подвергаютъ изслѣдованію правственную, духовную сторону этого события, но, какъ Кинц напримѣръ, путаютъ въ противорѣчіяхъ, не доискиваясь или не желая видѣть настоящей причины. Заслуга Тютчева въ томъ, что онъ раинѣ другихъ постигъ Революцію, взглянувъ на нее не какъ на практическій фактъ, а какъ на явленіе человѣческаго духа, разоблачилъ внутреннюю логику ея процесса, безошибочно предсказавъ ея дальнѣйшія превращенія и послѣдствія, и мужественно провозгласилъ свое сужденіе во всеуслышаніе всей Европы, не смущаясь опасениемъ прослыть за человека недиберальныx и ретроградныхъ инавій, поборника деспотизма и т. д. Впрочемъ такое обвиненіе могло бы исходить только изъ рядовъ нашихъ Русскихъ доморощенныхъ

либераловъ: въ Европѣ никому и въ голову не пришло заподозрить автора въ сочувствіи къ деспотизму. Не можемъ также не обратить вниманія на вышеупомянутыя слова Тютчева о христіанствѣ въ Русской народѣ: они служатъ концептариемъ къ его позднѣйшимъ стихамъ о „родномъ краѣ долготерпнѣй“:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иночесенный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной...

Вторая часть статьи Тютчева: „Революція и Россія“ относится къ Нѣмцамъ и къ Западному Славянству. По поводу успѣха революціонныхъ идей въ Германіи, Тютчевъ говоритъ, что „шѣстьдесятъ лѣтъ отрицательной философіи совершенно разрушили въ ней все христіанскія вѣрованія и развили, въ этой пустотѣ безвѣрія (ce n'est pas de toute foi), чувство революціонное по прен臾ществу: чистую гордость,—такъ что эта эпоха времени, въ настоящую минуту, можетъ быть нигдѣ такъ не глубока, такъ не ядовита, какъ въ Германіи.“ Партия революціонная сумѣла воспользоваться такою почвой, и 18 лѣтъ происковъ и подкоповъ достигли своей цѣли. Всльдѣ за Февральской Француузской революціей, явила зреюще революція въ Германіи. „Едва-ли это не безпрѣцедѣтный въ исторіи фактъ, остроумно замѣчаетъ Тютчевъ, видѣть, какъ цѣлый народъ промышляетъ чужими добромъ, заимствованными у другого народа и въ ту самую минуту, какъ этотъ послѣдній предается самыемъ крайнимъ неистовствомъ“ (*).

(*) Подлинникъ въ этомъ мѣстѣ почти непереводимъ: c'est peut-estre un fait sans précédent dans l'histoire, que de voir tout un peuple *se faisant le plagiaire d'un autre*, au moment m me o  il se livre *la violence la plus effr n e e*.

Какое же истинное побуждение и оправдание всѣхъ этихъ очевидно искусственныхъ волненій, низвергшихъ въ настоящую минуту весь строй Германіи? чѣмъ внушены они, спрашивается Тютчевъ. Сошлются конечно на всеобщее, искреннее желаніе *Германского единства*. Но, возражаетъ онъ, не путемъ Революціи можетъ осуществиться это единство. Во первыхъ, „въ современномъ обществѣ нѣтъ такого стремлѣнія, такой потребности (какъ бы искрения и законна она ни была), которую бы Революція не исказила, овладѣвшиаю, не обратила въ ложь, а это именно и случилось съ вопросомъ объ единстве Германіи: всякому зрячemu ясно, что путь, которымъ пошла Германія отыскивая рѣшенія задачи, приведеть не къ единству, а къ страшному раздору, къ какой-нибудь окончательной неисправимой катастрофѣ.“ Тютчевъ указываетъ на господствующую повсюду анархію, и прѣбавляеть: „Нужно обладать тѣмъ особынными родомъ тупоуміемъ (*inéplic*), свойственнымъ Нѣмецкимъ идеологамъ, для того, чтобы недоумѣвать: имѣть ли это скопище журналистовъ, адвокатовъ и профессоровъ во Франкфуртѣ, задавшееся призваніемъ возобновить времена Карла Великаго (*à l'ecomptence de Charlemagne*), какую-либо вѣроятность успѣха въ предпринятомъ ими дѣлѣ,—удастся ли имъ на этой колеблющейся почвѣ возстановить низвергнутую пирамиду, поставивъ ее острымъ концомъ внизъ?“

„Во вторыхъ—продолжаетъ Тютчевъ—вопросъ ужо не въ томъ, сольется ли Германія во едино, а въ томъ: удастся ли ей спасти какую нибудь частицу своего национального существованія. Республикаанская партія одержала уже значительный успѣхъ, и „Нѣмцы не замѣ чаютъ, что она имѣетъ за себя логику, а за собою Францію.“ Нѣмцы не догады-

ваются, что въ глазахъ республиканской Германской партіи „вопросъ о национальности не имѣть ни смысла, ни значенія. Въ интересахъ своей революціонной задачи, она ни па минуту не поколеблется принести въ жертву независимость своей страны и завербовать всю Германію подъ знамя Франціи, хотя бы подъ красное знамя... Она — авангардъ Французской наступствія.“

Не можемъ не остановиться на этихъ строкахъ, написанныхъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, и такъ мѣтко, безъ всякихъ данныхъ, охарактеризовавшихъ впередъ логическій процессъ революціоннаго духа. Въ то время еще не существовало знаменитаго Интернационального Общества, которое такъ тщательно вытравливаетъ теперь въ народахъ чувство национальности. Послѣдняя война Франціи съ Германіей уже явила ослабленіе во Франціи духа народности и патріотизма; Парижская коммуна провозгласила начало денационализации (т. е. совлеченія съ себя народности, *обезнародѣнія*, если можно такъ выражаться). Конечно въ Германіи до этого еще не дошло,—но нѣтъ сомнѣнія, что соціалисты Германскіе, покуда еще бессильные въ парламентѣ, но съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе завладѣвающіе массами рабочаго люда, несравненно ближе по своимъ симпатіямъ къ Французамъ — коммунаромъ и республиканцамъ крайней лѣвой, чѣмъ къ большинству Германскаго народа. Вспыхну во Франції снова соціальная революція, она найдеть себѣ союзниковъ въ Германіи—въ ущербъ пресловутому единству, и оправдаются слова Тютчева, сказанныя въ этой статьѣ: *l'anarchie parlout, l'autorité nulle part, et tout cela sous le coup d'une France, où bout une révolution sociale, qui ne demande qu'à déborder dans la révolution politique qui travaille l'Allemagne,*

Было бы совершенно должно видѣть въ такомъ отношеніи соціальныхъ партій съ надеждой — какое-то прогрессивное движение къ высшему идеалу общечеловеческаго единства. Этотъ духовный идеалъ преподанъ христіанствомъ, и быть къ нему въ христіанствѣ и черезъ христіанство. Для новѣйшихъ же соціалистовъ узы народности также венавистны, какъ и узы семейны, какъ и всякия нравственныя узы: ихъ главный врагъ, по неновости къ которому они всѣ, безъ различія націй, сознаютъ себя братьями—это христіанство. Они всѣ граждане новаго, чаемаго ини міра—антихристіанскаго. Распространеніе такого ученія въ Германіи, во всякомъ случаѣ, не только не содѣйствуетъ упроченію ея политическаго единства, но если только восторжествуетъ, неминуемо приведетъ какъ Германію, такъ и каждую страну, къ утратѣ своей исторической политической индивидуальности.

Тютчевъ и въ этой статьѣ повторяетъ, или вѣрѣ, опредѣлительно высказываетъ убѣжденіе, что единственное возможное единство для Германіи, — для Германіи настоящей, не той, какая изъышла изъ журналовъ, а какою создала ее исторія,—заключалось въ томъ политическомъ устройствѣ, которымъ пользовалась Германія 33 года сряду послѣ войны съ Наполеономъ I-мъ и которое дало ей 33 года мира. Но это устройство и этотъ миръ возможны были только подъ однимъ условіемъ: чтобы Австрія и Германія крѣпко держались за Россію...

Тютчевъ предсказалъ вѣрно. Миръ Германіи и ея политическое устройство были нарушены, какъ скоро Австрія отстала отъ союза съ Россіей,—за что Австрія и поплатилась потерю своего политического первенства въ Германіи, совершеннымъ исключениемъ изъ Германскаго союза и торжествомъ Пруссіи.

Миръ Германіи, ни внѣшній, ни внутренний, не упроченъ. Хотя внѣшній миръ повидимому и обезпечивается тягостнымъ для народа содержаніемъ громадной военной силы, однако какъ Германія, въ лицѣ Пруссіи, такъ и Австрія—настоящимъ обезпечениемъ мира, спова и по прежнему, считаются только союзъ съ Россіей,—что мы и видѣли въ послѣднее время. Намъ могутъ замѣтить, что взглядъ Тютчева на единство Германіи оказался ошибоченъ, что единство ея состоялось и при томъ въ такой политической формѣ, какой Тютчевъ и не предвидѣлъ. Дѣйствительно, въ то время онъ вовсе не предвидѣлъ ни измѣнъ Австріи относительно Россіи, ни ея послѣдствій—возникновенія той Германской Имперіи, которая теперь одицетворяетъ единство, — но это послѣднее событие еще не даетъ права считать взглядъ Тютчева ошибочнымъ. Во всякомъ случаѣ такое заключеніе было бы по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ, въ виду борьбы, завязавшейся между Германскимъ правительствомъ и церковью,—борьбы нарушающей внутренній миръ Германіи, вносящей раздоръ между ея протестантскимъ и католическимъ населеніемъ,—борьбы, которой послѣдствія трудно и обнять мысленными взоромъ. Нарушеніе внутреннаго мира можетъ повести къ нарушению мира внѣшнаго и той формы национального единства, какая создана Бисмаркомъ — съ помощью событій. Съ одной стороны духовный центръ католического населения Германіи по причастеніи интересамъ Германской национальности, лежитъ вѣдь предѣловъ ея единства, и скорѣе таинъ изъ единства, нежели удерживаетъ въ немъ. Съ другой—имперскому правительству, въ своей борьбѣ съ католицизмомъ, приходится опираться на радикальную партію, на радикализмъ господствующей въ умахъ,—однимъ словомъ на начало

антихристіанское—революционное, аморальное и въ сущности антинациональное... Тютчевъ видѣлъ въ современномъ единстве Германіи—только гегемонію Пруссіи, а потому и не отказывался отъ общихъ оснований своего взгляда, хотя, конечно, уже не сталъ бы предлагать Германіи возращеніе къ временамъ Германского Союза. Кстати привести его стихи, обращенные къ Славянамъ, за яѣ сколько лѣтъ до кончины, во время войны Французовъ и Нѣмцевъ:

Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ
чашіи
Кровь льется, черезъ край и Западъ то-
нетъ въ ней.
Но не смущайся сердце наше,—
Славянскій міръ, сомній тѣснѣй.

Единство, возгласилъ оракулъ нашихъ
дней,
Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и
кровью...
А мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ: что прочнѣй....

Посмотримъ же теперь, что говорилъ поэтъ о Славянствѣ въ своей политической бесѣдѣ съ Европой. Доказывая Нѣмцамъ несостоятельность ихъ политическихъ мечтаний объ единстве, Тютчевъ напоминаетъ имъ (въ то время Австрія еще не была исключена изъ Германіи) объ элементѣ Славянскомъ въ предѣлахъ Западной Европы, и такъ объясняетъ имъ его значение:

„Поднимая вопросъ *племенной*, забывають, что въ самомъ центрѣ Германіи, въ Богеміи и Славянскихъ земляхъ ее окружающихъ—живутъ шесть-семь миллионовъ людей, для которыхъ изъ рода въ родъ, въ теченіи вѣковъ, Германецъ былъ и есть хуже чѣмъ чужой, для которыхъ онъ всегда *Нѣмецъ* (*l'Allemand depuis des si鑒es n'a pas cessé d'être un seul instant quelque chose*

de pis qu' un étranger, pour qui l'Allemand est toujours un Némeç)... Если съ утратою Ломбардіи и съ окончательнымъ отдѣленіемъ Венгрии, Австрійская имперія распадется, что сдѣлаетъ тогда Богемія съ окружающими ее народностями—Моравами и Словаками? Согласится ли она включить себя въ неѣльную рамку этого будущаго Германского единства, которое никогданичѣмъ не можетъ стать, какъ лишь единство хаоса? Сомнительно. Но въ такомъ случаѣ, чтобы обрести независимость, на кого опереться Богеміи? Конечно не на Венгрию. Нужно ли указывать ту державу, къ которой неминуемо привлечетъ Богемію самая сила вѣщей,—даже наперекоръ господствующимъ вышѣ понятіямъ и завтрашимъ вновь измышленнымъ учрежденіямъ?... При этомъ Тютчевъ приводитъ слова Гонки, сказанныя ему въ Прагѣ, въ 1841 году: „Богемія будетъ только тогда свободна и независима, только тогда станетъ полноправною хозяйкою у себя дома, когда Россія вступить вновь въ обладаніе Галицией“... Указывая на сочувствие къ Россіи въ кругу поборниковъ Чешской народности въ Прагѣ, Тютчевъ говоритъ: „Всякой Русскій, посѣтившій Прагу въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, можетъ удостовѣрить, что единственныи упрекъ, слышанный имъ, относился лишь къ той осторожности и какъ бы холодности, съ которыми национальная симпатія Богеміи принималась между нами. Высокія, величодушныя соображенія предписывали намъ въ то время подобныхъ образа дѣйствій; теперь же это было бы положительными безсмысліемъ: тѣ эсерты, которыхъ мы тогда приносили дѣлу порядка, наизъ пришло бы открыть совершение въ пользу революціи“...

Но особенно заітчательны тѣ строки, которыми характеризуетъ Тютчевъ па-

циональное движение у Чеховъ, и которыми точнѣе опредѣляется его собственный взглядъ на Западное славянство: взглядъ никакъ еще до него не высказанный, и въ самой Россіи раздѣляемый лишь очень немногими изъ числа ревнителей Славянской независимости. Эти строки не только не потеряли своей важности для нашего времени, хотя были написаны двадцать пять лѣтъ тому назадъ, но теперь только и могутъ быть оценены въ ихъ настоящемъ значеніи, а полное ихъ оправданіе — въ будущемъ. Вотъ онъ:

Дѣло идетъ разумѣется не о литературномъ патріотизѣ нѣкоторыхъ Пражскихъ ученыхъ, какъ бы почтеніемъ оно было. Эти люди уже оказали и еще окажутъ великія услуги своей странѣ; но истинная жизненная сила Богеміи не въ этомъ. Жизненность народа — вовсе не въ книгахъ, для него издаваемыхъ, — исключая развѣ парода Нѣмецкаго; она — въ его инстинктахъ, его вѣрованіяхъ, а книги, надо признаться, скорѣe способны разслаблять и изсушивать ихъ, чѣмъ оживлять и воодушевлять. Все что осталось у Богеміи истинной народной жизни, все заключается въ ея Гусситскіхъ вѣрованіяхъ, въ этомъ постоянно живущемъ протестѣ ея угнетенной Славянской народности противъ захватовъ Римской церкви, также какъ и противъ господства Нѣмцевъ. Вотъ гдѣ ея связь со всѣмъ ея прошлымъ, исполненнымъ борьбы и славы, — вотъ также то звѣньо, которое когда-нибудь свяжетъ Чеховъ Богемію съ ихъ восточными братьями. На это особенно нужно налегать вниманіемъ, потому что именно въ этихъ-то сочувственныхъ воспоминаніяхъ о Восточной церкви, въ этихъ-то попыткахъ возврата къ старой вѣрѣ (которой гусситство въ свое время служило только слабымъ и искаженнымъ выражениемъ) — и заключается глубокое различие между Богеміею и Польшею: между

Богеміею, противъ воли претерпѣвающею яго западнаго церковнаго общенія, — и этой крамольно-католическою Польшею, фанатическою пособницѣю Запада, вѣчною предательницѣю своихъ... Знаю, что до сихъ поръ вопросъ Чешскій еще не поставленъ на свою истинномъ основаніе, и что все настоящее вояженіе и смиреніе на поверхности страны — не болѣе какъ самый дешевый либерализмъ, съ примѣсью коммунизма въ городахъ, и вѣроятно жакеріи по деревнямъ. Но это временное опьяненіе скоро разсѣется, и истинная сущность дѣла не замедлитъ выясниться...

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь же, въ дополненіе къ этимъ строкамъ, отрывокъ изъ одного частнаго письма Тютчева въ Прагу, къ пребывавшей тамъ Русской путешественницѣ, княгинѣ Е. Э. Трубецкой, отъ 6 Дек. 1871 г., благосклонно сообщившей его роднымъ копію съ этого письма, уже послѣ смерти Федора Ивановича. Вотъ что, 23 года спустя послѣ своей статьи, пишетъ Тютчевъ:

«Благодарю васъ за сообщеніе мнѣ письма Ригера. Оно выражаетъ ту же точку зрѣнія, которую онъ уже излагалъ мнѣ во время Славянскаго съѣзда въ Россіи и еще недавно въ самой Прагѣ. Сказать ли вамъ? При всемъ моемъ глубокомъ, сочувственномъ уваженіи къ нему, какъ и ко всемъ вождямъ Чешской национальной партии, — партии Старо-Чешской, какъ они себя называютъ, — этой точкѣ зрѣнія, общей Ригеру со всею его партіей, именно недостаетъ ширины и глубины. Работа, которая имъ предлежитъ, для возстановленія органической связи Богеміи съ міромъ Славянскимъ во всей его полнотѣ, съ Восточною Европою, однимъ словомъ, — такая работа не можетъ быть низведена до размѣровъ исключительно политического движения. У нея корни идутъ поглубже. Чехія истинно национальная — прежде всего Гусситка, а гусситство не что иное какъ

возвратное стремление,—весьма сознательное, весьма решительное, хотя и прерванное насилием,—возвратное стремление, повторяю, Чешского племени къ Церкви Восточной. *Славянская народность Чеховъ требуетъ, чтобы эта попытка возврата была возобновлена и доведена до конца...* Какъ не поймутъ въ Прагѣ, что повсюду политическое движение сводится къ самому нерву Европейского общества, а этотъ нервъ — вопросъ социальный и религиозный. Посмотрите на движение староатодиковъ въ Германии, уже досягающее свою волной до порога Церкви Православной—великой Церкви Вселенской!... Конечно было бы дерзостью предсказывать теперь же окончательный исходъ этого движения: достигнетъ ли оно цѣли или потерпитъ крушеніе, выйдетъ ли изъ него въ самомъ дѣлѣ возстановленіе церковного единства, или же только лишняя протестантская секта?... Но во всякомъ случаѣ, развѣ можно Славянамъ Римско-католического исповѣданія, захваченнымъ въ это столкновеніе, уклониться отъ участія въ самомъ движеніи? Славянамъ, которымъ стоило бы только *стать снова самими собою*, оживить въ себѣ чувство своей племенной индивидуальности, для того чтобы совершить это обращеніе, которое для нихъ такъ необходимо и такъ легко,—тогда какъ это же обращеніе къ Восточной Церкви и таgstno, и почти невозможно для людей иного племени.

Ходъ историческихъ событий подтверждаетъ истину этихъ словъ. Вся будущность Славянской народности у Западныхъ Славянъ, исповѣдующихъ латинство, связана именно съ решениемъ религиозного вопроса. Если эти Славяне не отторгнутся отъ Рима и не возвращатся къ древнему церковному единству, т. е. къ православію, ихъ историческая судьба будетъ общая и одинаковая съ судьбою иностранныхъ народовъ католического исповѣданія; они

подлежать одному съ ними историческому приговору. Славяне-католики, которымъ просвѣтительное начало вѣры дано въ Латинской окраскѣ, у которыхъ церковная стихія заклеймена чуждою национальностью, которымъ духовнымъ центромъ служить Римъ, не могутъ и быть притязаний на духовную самобытность своей народности. Среди Римско-Германскихъ племенъ, тѣсно связанныхъ съ духовными началами Римской цивилизациіи узами родственными, органическими, Славяне, съ своею особеною национальностью, являются въ отношеніи къ латинству какими-то пасынками или незаконнорожденными дѣтьми, не имѣющими съ законными равной части. Они осуждены на вѣчное малолѣтство, и—на похмѣлье въ чужомъ пиру. Славянишъ-латинянишъ—это извращеніе Славянской духовной природы.—Сомнительна возможность политической самостоятельности при утратѣ самостоятельности правственной, при утратѣ *духовной народной личности*. Нельзя ожидать возрожденія для народовъ, принадлежащихъ къ Римскому духовному, отжившему идеалу, исповѣдующихъ догматъ о папской непогрѣшимости—этую послѣднюю, старческую, лебединую пѣснь Латинской церковности. Сѣпота Чешскихъ национальныхъ вождей, узкость ихъ воззрѣй и понятій, поистинѣ, достойца изумленія. Гордясь Чешскимъ просвѣщеніемъ, они не замѣ чаютъ при томъ, что это просвѣщеніе, однородное, тождественное съ германскимъ, лишиено у Чеховъ всякой производительности (потому именно, что Чехи духовно безличны въ смыслѣ народности), тогда какъ Германскій национальный духъ, озаренный тѣмъ же просвѣщеніемъ, явилъ гигантскую силу творчества. Пренебрегая вопросомъ религиознымъ, Ригеръ, Палацкій и прочие Чешскіе корифеи говорятъ: „мы такъ просвѣщены, что

переросли эти заботы, « т. е. имѣя очи — не видать, имѣя уши — не слышать, что весь миръ, весь образованный исторический миръ, просвещенный не менѣе Чехіи, волнуется и мятется въ настоящемъ времени именно по поводу вѣроисповѣдныхъ задачъ, томительно ищетъ иметь рѣшенія, и что вся историческая судьба Европы явно виситъ теперь на вопросѣ не политического, а религіознаго свойства. Чешскіе политики усердно всѣнниваютъ народное чувство къ Гусу, празднуютъ его память при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ тоже время, собственными же руками разрушаютъ свои усилия, потому что Гуса, сожженнаго Римомъ на кострѣ за стремлѣніе къ Славянской национальной церкви, чествуютъ Латинскою обѣдней, Латинскою албукой, и изъ Гусова дѣла изъемлютъ вонъ имѣшо тѣ, въ чёмъ заключался весь его смыслъ и значеніе, т. е. его вѣроисповѣдный подвигъ! Здѣсь кстати замѣтить, что Тютчевъ, въ прекрасныхъ стихахъ по поводу четырехсот-лѣтнаго юбилея Гуса, вновь напоминаетъ „Чешскому роду“ о необходимости скорѣе расплавить

На Гусовомъ кострѣ неугасимъ

звѣно той цѣпи, которая приковываетъ Чеховъ къ Риму.

Послѣдняя часть статьи: „Революція и Россія“ указываетъ на опасность грозящую Славянамъ отъ Мадьяръ, „которые, подбитые Польскою эмиграціей и падуты революціонными вѣтрами, но сохрания грубость Азіатской орды,“ воображаютъ себѣ призванными исторіей держать въ узѣѣ славинство и Россію. Тютчевъ съ замѣтальною вѣрностю, уже въ Апрѣль 1848 года, предсказываетъ неминуемость вооруженной схватки между Мадьярами съ одной стороны,—Хорватами и Сербами-границарями съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрываетъ опасности, угрожающей и Россіи. „Мало вѣроятія — го-

воритъ онъ — чтобы всѣ эти удары землетрясенія, раздающіеся на Западѣ, остановились у порога Восточныхъ странъ... Если всѣ эти крестовый походъ безбожія, предпринятый Революціей, всѣ эти раздирающія пропаганды, въ католическая и революціонная, соединенные въ одномъ общемъ чулѣніи ненависти къ Россіи, и ко всему Славяно-православному Востоку, обрушатся на голову Славянскаго Востока, могутъ ли Славянскія племена быть покинуты единственную властью, которую они призываютъ въ своихъ молитвахъ? Въ какую ужасную смуту изверглись бы эти страхи при схваткѣ съ Революціей, если бы законный монархъ, православный Царь Востока замедлилъ долѣе своимъ появленіемъ... Статья заканчивается следующимъ диэйрамбомъ,—политика смыкаетъ лирическій поэта:

Нѣть, это невозможно! Тысячелѣтнія предчувствія не обманываютъ. Россія, страна вѣры, не оскудѣтъ вѣрою въ верховный мигъ. Она не устрашится величія своихъ судебъ и не отступитъ предъ своимъ призваніемъ.

« И когда же это призваніе было яснѣе и очевиднѣе? Можно сказать, что Богъ начерталъ его огненными словами на этомъ небѣ, черномъ отъ бурь. Западъ отходитъ (*s'en va*), все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ пожарѣ: Европа Карла Великаго, также вѣль и Европа трактатовъ 1815 года, Римское папство и всѣ Западныя царства, католичество и протестантство,—вѣра давно потерянная, разумъ доведенный до незѣности (*à l'absurde*); порядокъ отнынѣ невозможный,—свобода, отнынѣ невозможная, и надъ всѣми этими развалинами, ю же нагроможденными—цивилизациѣ, убивающей себя собственными руками...»

И когда надъ такимъ громаднымъ крушениемъ мы видимъ всплывающее святымъ ковчегомъ эту Державу (*Espire*), еще

больше громадную,—кто дерзнетъ усомнить—
ся въ ея призвани, и наимъ ли ея сыпашъ,
являть себя певѣрющими и малодушны-
ми?... (*)

Тютчевъ никогда и не былъ малодуши-
нныи въ выражениі своихъ политиче-
скихъ мѣнѣй и вѣрованій. Такая откро-
венностъ рѣчей не совсѣмъ въ обычаяхъ
нашихъ писателей. Но никакой ложный
стыдъ или страхъ насмѣши не остав-
навливалъ Тютчева, а между тѣмъ онъ
обращался съ своимъ словомъ къ ауди-
торіи нисколько не благосклонной, ауди-
торіи Европейской. Впрочемъ, при всей
неблагосклонности, эта аудиторія ока-
залась серьезнѣе нашей и отнеслась,
если не съ сочувствіемъ, то съ внима-
ніемъ къ его статьѣ.—Послѣднія, заклю-
чительные строки этой статьи напоми-
наютъ также другіе его стихи, сказанные
нѣсколько поздише:

Не вѣрь въ Святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой!....

Приступимъ теперь къ третьей и пос-
лѣдней напечатанной политической статьѣ
Тютчева, именемъ къ той, которая подъ
заглавиемъ: *La Question Romaine et la
Papauté* (Римскій вопросъ и Папство)
появилась въ Февральской книжкѣ жур-
нала *Revue des deux mondes*, съ пред-
посланнымъ ей возраженіемъ редактора
Laurenſie. Эта статья къ сожалѣнію
вовсе не была перепечатана въ Россіи,
ни въ подлиннике, ни въ переводѣ,—а
между тѣмъ она самая замѣчательная и
самая блестящая по изложнію. Въ ру-
коописи стоитъ подъ нею: 1 Октября
1849 г. Для того, чтобы вполнѣ попять
связь этой статьи съ предыдущею, не-

(*) Несвоевременно приводить на ушь стихи Кошкина, на-
писаныыи впрочемъ гораздо раньше:

Но горе!... Часъ пришелъ, и мертвеными покровами
Подернуть Западъ весь... Тамъ будетъ мракъ глубокъ...
Усыпь же гласъ судьбы, восстань въ сіяніи новогъ,
Прокиня армагоющій Востокъ!

обходимо припомнить, что за два года
передъ тѣмъ, именно въ 1847 году, съ
возшествіемъ на папскій престолъ Пія
IX, введены имъ были въ Римѣ разныя
либеральныя преобразованія; что вспых-
нувшій вслѣдъ за тѣмъ въ Парижѣ
Февральская революція перекинула свое
революціонное пламя и въ Римъ; папа
бѣжалъ, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ
войска Французской республики, по по-
велѣнію президента Людовика Наполеона,
осадили Вѣчный Городъ, чуть-чуть не
разрушили его бомбами, наконецъ послѣ
долгой осады, овладѣли имъ, раздавили
новосозданную Римскую республикку и
водворили папу снова въ Ватиканъ...
Февральская революція послужила Тют-
чеву богатымъ материаломъ для мысли.
Будто вслѣдъ за ударомъ грома, какимъ-
то волшебствомъ, предъ испуганнымъ взо-
ромъ міра, встали, воочію, тѣни прошлаго
и будущаго, высунулись, заслоненные
пошлостью обѣденной жизни, грозные
роковые вопросы.... однимъ словомъ,—
„подъ згромой оболочкой“ исторіи, дано
было людямъ „уэртѣть ее самоѣ“, безъ
покрова. Попятно, что Тютчевъ именно
это событие взялъ за точку отиравленія
своихъ размышленій,—именно въ немъ
какъ въ зеркалѣ наблюдалъ отраженіе
мишущихъ и грядущихъ явлений. Въ
настоящей статьѣ Тютчевъ рассматриваетъ
туже Февральскую революцію, по
съ ея новой стороны. Вотъ содержаніе
статьи.

Изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ,
говорить Тютчевъ, есть одинъ, который,
какъ въ фокусѣ сосредоточивается въ себѣ
всѣ аномалии, всѣ противорѣчія, всѣ не-
возможности, о которыхъ бьется Западная
Европа,—это именно вопросъ Римскій, бла-
годаря той цеутомій логикѣ, которая, какъ
скрытое правосудіе (*une justice cachée*),
впѣдрела Богомъ въ события міра... Глу-
бокій, испримѣримый разрывъ, спѣдающий
Западъ, долженъ быть наконецъ дойти до

высшаго своего выражения, проникнуть до самаго корня дерева... А никто не станет отрицать, что какъ во всѣ времена, такъ еще и донынѣ, Римъ—корень міра Западнаго.... (*) Этотъ вопросъ не то, что другіе вопросы: онъ не только соприкасается со всѣмъ, что есть на Западѣ, по можно сказать, даже переступаетъ его (*elle le déborde*)....»

«Можно безошибочно утверждать, что въ настоящее время все, что на Западѣ осталось еще отъ положительного христіанства (*christianisme positif*), „прямо или косвенно примыкастъ къ Римскому католицизму, которому Папство (какимъ создала его исторія) служитъ какъ бы связью свода (*la clef de voute*) и условиемъ бытія.... Протестантізмъ, котораго едва достало на три вѣка, чахнетъ и вымираетъ,“ а если гдѣ еще и скрывается въ немъ кое-какая жизненная стихія, она стремится къ возседающію сть Римомъ.... Однимъ словомъ, Папство—„вотъ послѣдній столпъ, кое-какъ поддерживающій на Западѣ этотъ край христіанскаго зданія, уцѣльвшій послѣ великаго рушенія XVI вѣка и послѣдовавшихъ обваловъ (*tout ce qui de l'édifice chrétien, resté debout après la grande ruine du XVI siècle et les écroulements successifs, qui ont eu lieu depuis*).... Подъ этотъ столпъ и направленъ теперь подкопъ...“ Наивно ли лицемѣрно обращаются къ Риму съ предложеніемъ разныхъ уступокъ и сдѣлокъ: до папства, какъ до церковнаго учрежденія, касаться и не думаютъ, его сохранять, предъ нимъ благоговѣютъ,—пужны, говорятъ, только пѣкоторыя частныя видозмѣненія, нѣкоторыя вполнѣ законныя реформы въ управлениі Римскими владѣніями, только сокращеніе предѣловъ свѣтской власти, даже не совершенная еп отмена... Но никакое самообольщеніе въ этомъ смыслѣ

(*) C'est un titre de gloire, que personne ne contestera à Rome: elle est encore de nos jours, comme elle l'a toujours été, la racine du monde Occidental.

человолительно для человѣка, кто уразумѣлъ самую сущность борьбы, воянющей Западъ, тѣ что стало, въ теченія вѣковъ, самою его жизнью,—жизнью аномальную, конечно, однако же действительную,—богъзнью не со вчерашняго только дня и все еще возрастающею...“ Требованія, предъявляемые папѣ, большою частью касаются интересовъ, вполнѣ и пекомѣшо справедливыхъ и законныхъ, пуждающихся въ немедленномъ удовлетвореніи, но таково роковое положеніе дѣла, что даже и эти интересы (свойства чисто мѣстнаго и значенія свидѣтельство мелкаго) держать отъ себя въ зависимости громадный вопросъ.... (**) Потому что неотвратимымъ результатомъ всякой серьезной, искренней реформы въ настоящемъ образѣ управления Церковною Областью—будетъ, въ концѣ концовъ, „секуляризациіа папскихъ владѣній, т. е. отмѣна свѣтской власти Римскаго папы.... Въ чью же пользу совершится эта секуляризациіа? Какой власти, какого духа и свойства, передастся отнятая у папы свѣтская власть? Подъ чью опеку поступить Папству?“

«Здѣсь опять туча иллюзій... „Мы знаемъ фетишизмъ людей Запада относительно всякой формы, формулы, политического механизма. Этотъ фетишизмъ—какъ бы послѣднее религиозное вѣрованіе Запада; но только слѣпецъ могъ бы вообразить себѣ, что всѣ эти навязанныя папству либеральные или полулиберальные реформы удержатся во власти среднихъ, умѣрѣнныхъ убѣждений, а не будутъ тотчасъ же захвачены Революціей и обращены въ военные машины,—для сокрушенія не только свѣтской власти папы, но и всего церковнаго учрежденія“... „Какъ бы вы ни наказывали революціонному принципу, какъ Господь Сатанѣ, мучить только плоть вѣрнаго раба

(**) Tutt' s'attendait à ce que ce rapprochement: Ce sont des modestes et inoffensives habitations de particuliers, situées de telle sorte, qu'elles commandent une place de guerre, et malheureusement l'ennemi est aux portes.

лова, не касаясь его души, Революція, менеъ совѣтливая, чѣмъ ангель тьмы, не стапетъ стѣсняться вашимъ наказомъ.»

«Чтдже выходить?..» Что Римскій вопросъ—безъисходный лабиринтъ, что папство дошло до той поры, когда жизнь ощущается только трудностью бытія (*à cette priode d'existence, o la vie ne se fait plus sentir que par une difficulte d'tre*). Здѣсь то выступаетъ, словно солнце, та дивная логика, которая, какъ внутренній законъ, управляетъ событиями міра.... Въ тотъ день, какъ восемь вѣковъ тому назадъ Римъ прервалъ послѣднее эвано, связывавшее его съ православнымъ преданіемъ Вселенской Церкви и создалъ себѣ свою отдѣльную судьбу, онъ рѣшилъ, на долгіе вѣки, и судьбу всего Запада».

Авторъ не входитъ въ разборъ догматического различія, послужившаго Риму предлогомъ къ отдѣленію отъ Вселенской Церкви. Съ точки зрѣнія человѣческаго разума, говорить онъ, это догматическое различіе еще не достаточно объясняетъ, какъ „прорылась та бездна, какую мы видимъ теперь, не между двумя Церквами,—потому что Церковь одна,—а между двумя мірами, двумя человѣчествами, такъ сказать“... Онъ обращается прямо „къ очевидному грѣху Рима,“ къ измѣнѣ завѣту Спасителя:

„Христосъ сказалъ: „Царство мое не отъ міра сего“... Римъ, отторгшись отъ единства, отождествляя свой интересъ съ интересами христіанства, счѣль себѣ въ правѣ организовать Царство Христово какъ царство отъ міра. Не легко объяснить Западу настоящій смыслъ изрѣченія Христова; всякое истолкованіе, несогласное съ Римскимъ, понимается на Западѣ въ смыслѣ протестантскому,—но протестантское возрѣпіе отстоитъ отъ православного, какъ человѣческое отъ божескаго; не ближе православное возрѣпіе и къ возрѣнію Рима, и вотъ почему:

«Если протестантизмъ уничтожилъ центръ христіанскій, который есть Церковь, въ пользу я человѣческаго, я личнаго, то Римъ поглотилъ этотъ христіанскій центръ въ самого себя, въ свое *Rimskoe я* (*elle l'a absorb  dans le Moi toutain*). Римъ не отвергъ преданія, а конфисковалъ его въ свою пользу. Но присвоеніе себѣ божественнаго тоже, чтд отрицаніе, и вотъ на чѣмъ зиждется эта страшная, роковая, но несомнѣнная солидарность протестантизма съ захватами (*usurpations*) Рима. Всякое же самовольное присвоеніе имѣть ту особенность, что оно съ одной стороны непремѣнно соиздѣаетъ, къ своей выгодѣ, цѣлое *подобіе права*; съ другой непремѣнно же вызываетъ бунтъ... Совремешая революціонная школа и це далась въ обманѣ. Революція, которая есть только апоѳозъ человѣческаго я, достигшаго до своего полнѣйшаго разцѣпта (*arriv  à son plein et entier panouissement*), не замедлила причислить къ *своимъ*, и привѣтствовать, какъ своихъ славившихъ двухъ предковъ—Люттера, а равно и Григорія VII. Родственная кровь заговорила ей.... Въ соотношеніи между собою этихъ трехъ терминовъ (Григорій VII, Люттер, Революція), заключается основа исторической жизни Запада,—но первоначальною причиною, точкою отправленія такой логической связи служитъ искаженіе Римомъ христіанскаго основнаго начала.»

Очертивъ вкратцѣ историческую характеристику Римской Церкви, ставшей наконецъ политическою силою, государствомъ въ государствѣ, авторъ уподобляетъ ее, въ Средніе Вѣка, *Римской колоколіи* въдворившейся въ завоеванной земли, и говорить, что „приковавъ себя къ интересамъ земныхъ, конечныхъ, она уготовила себѣ и участъ конечную, смертную: воцлотивъ священное начало въ тѣло немощное и тлѣнное, она привила къ нему всѣ недуги и похоти плоти.“ Отсюда эти притязанія, это содерничество,

этотъ истино-печестивый поединокъ Папскаго Престола съ Империей,—всѣ эти нагромозившіяся вѣками насилия, войны, чудовищныя дѣянія, совершенныя ради укрѣпленія вещественной власти, необходимой, по понятіямъ Рима, для сохраненія единства церковнаго,—и разбившія это инишое единство въ дребезги. Реформа XVI вѣка, была въ основаніи свою законою реакцией оскорбленааго христіанскаго чувства — противъ церкви, которая во многихъ отношеніяхъ была церковью только по имени. „Но такъ какъ уже цѣлые вѣки Римъ тщательно заслонилъ собою па Западъ Церковь Вселенскую, то вожди Реформы, вмѣсто того чтобы обратиться къ суду высшей церковной власти, предпочли обратиться къ суду личной совѣсти, т. е. стали сами судьями въ собственномъ дѣлѣ.“ Такимъ образомъ реформатское движение, совершенно христіанское въ своемъ основаніи, приняло затѣмъ ложное направление, пришло къ отрицанію авторитета Церкви и потомъ къ отрицанію самаго принципа авторитета вообще. „Въ эту-то брешь, пробитую протестантизмомъ, даже безъ его вѣдома такъ сказать,“ но вслѣдствіе грубаго искаженія Римомъ основной идеи Церкви, „вторглось позднѣе, въ самую общественную жизнь Запада, начало уже чисто антихристіанское...“ И не могло быть иначе, говорить Тютчевъ, „потому что человѣческое я, предоставленное самому себѣ, антихристіанское по существу (est antichrétien par essence)...“

Эта часть статьи Тютчева, или вѣрнѣе сказать: тема о соотношеніи католицизма или романізма съ протестантизмомъ, послужила поводомъ и темою для известныхъ Французскихъ брошюръ Хомякова. Хомяковъ вообще съ самыи живымъ сочувствіемъ отнесся къ этой статьѣ. Вотъ, что мы читаемъ въ одномъ письмѣ Хомякова къ А. Н. По-

пову: „Статья Ф. И. Тютчева въ *Revue des deux Mondes* вѣщь превосходная, хотя я и не думаю, чтобъ ее поняли у васъ въ Питерѣ, и въ чужихъ краахъ. Она есть не только лучшее, но единственно дѣльное, сказанное объ Европейскомъ дѣлѣ гдѣ бы то ни было. Скажите ему благодарность весьма многихъ...“ Но въ своей первой брошюрѣ, озаглавленной: „*Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie*“, написанной и напечатанной (въ Парижѣ) въ 1853 г., Хомяковъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку. Приводимъ ее въ переводѣ:

„Статья, напечатанная въ *Revue des deux Mondes* и принадлежащая, какъ кажется, Русскому дипломату г. Тютчеву, привлекла затрудненія религіознаго вопроса на Западѣ духовенству Рима, и въ особенности съмѣшанію интересовъ духовныхъ и мірскихъ въ лицѣ епископа-государя. Эта статья вызвала въ 1852 году печатный отвѣтъ г. Лоранс; этотъ-то отвѣтъ и требуетъ опроверженія. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, высказалъ ли г. Тютчевъ въ своей статьѣ, которой достоинство, впрочемъ, представляется несомнѣннымъ даже его критику, мысль свою во всей си полнотѣ, и не принялъ ли онъ, въ некоторой степени, симптомы зла за его причины. Моя задача — не защита и не критика моего соотечественника, я хочу только оправдать Церковь въ странныхъ обвиненіяхъ, направленныхъ на нее г-нъ Лоранс, и буду держаться единственно религіознаго вопроса“ и пр.

И Хомяковъ, глубоко окунувшись въ самую сущность религіознаго вопроса, специально изслѣдовавъ соотношеніе Римской церкви съ протестантизмомъ, доказываетъ, что обвиненіе въ рационализмѣ, направляемое обыкновенно противъ протестантовъ, прежде всего па-

даетъ на романізмъ, который вносить въ область вѣры чуждую ей стихію формальнааго логического разума, въ немъ ищетъ опору для истины, следовательно впѣ самой истины, и такимъ образомъ самое зданіе церкви энждетъ не па истины, а па виѣшнемъ авторитетъ. Неминуемыъ послѣствіемъ логическоаго рационального отношенія къ истины вѣры является, конечно, совершиенная невозможность для разума удовлетвориться внутреннимъ, уже вовсе не рациональнымъ, не поддающимся никакой логикѣ, свидѣтельствомъ истины о себѣ самой, познаніемъ истины любовью и вѣрой; затѣмъ выступаетъ логическая необходимость опредѣлить виѣшние признаки, по которымъ познается истина, а такъ какъ храненіе истины ввѣreno церкви, то этимъ виѣшнимъ признакомъ, по выводамъ логики, и должна была служить церковь. Слѣдовательно, церковь понята здесь не какъ сама живая истина, не какъ воплощеніе истины въ живомъ организмѣ любви и вѣры, а какъ нѣчто виѣшнее для истины, какъ авторитетъ, ее утверждающій и повѣряющій. Но логическая формальная работа разума на этомъ остановиться не можетъ. Съ понятіемъ о виѣшнемъ авторитетѣ неразлучно представление объ авторитетѣ правильномъ, формальномъ; возникаетъ потребность дать опредѣлительную, осознательную формулу идеи церкви, оградить авторитетъ точными виѣшими примѣтами. Романизмъ, такимъ образомъ, мало по малу съуживаетъ понятіе о церкви все тѣснѣ и тѣснѣ, — и съ перенесеніемъ этого понятія въ область виѣшнихъ формальныхъ представлений, онъ не могъ не придать и церкви атрибутовъ, свойственныхъ этимъ послѣднимъ. Разойдясь со вселенскою церковью въ самыхъ существенныхъ основаніяхъ, именно въ понятіи о церкви, упустивъ изъ виду

самое энжительное начало церкви, — условіе ея бытія: духъ братской любви и единомыслія; — занятый лишь одной задачей — развить и утвердить формальный авторитетъ церкви, Римъ сосредоточилъ въ себѣ самомъ и идею авторитета, и идею церкви, и придалъ церкви государственное устройство съ самодержцемъ-папою во главѣ. Католики и понынѣ спорятъ, т. е. либеральные изъ нихъ полагаютъ, что приличіе было бы дать Римской церкви устройство конституціонное съ аристократическою іерархіею, съ демократическою палатою и т. д. Но это нисколько не измѣняетъ вопроса, т. е. вопросъ состоялъ бы только въ томъ: гдѣ признакъ церковнаго авторитета, по существу своему непогрѣшимъ? другими словами: гдѣ признакъ истины вѣчной, божественной, непогрѣшимой; въ определенномъ ли количествѣ, т. е. большинствѣ голосовъ, означаемомъ баллотировкой или инымъ способомъ, или же въ верховномъ главѣ — папѣ? Въ сущности, это уже все равно: Если уже разъ допущено попытіе о Христовомъ наивѣстничествѣ и главенствѣ церковномъ, то не совсѣмъ прилично подвергать представителя Христова на землѣ ограниченію въ правахъ и держать его подъ контролемъ. Какъ бы то ни было, по представлению объ авторитетѣ неразрывно съ представлениемъ о непогрѣшимости, — иначе, какой же это былъ бы авторитетъ? Слѣдовательно, все что олицетворяетъ въ себѣ этотъ авторитетъ (а въ чёмъ нибудь, по логическому требованію разума, онъ долженъ же быть олицетворяемъ), по существу своему должно быть непогрѣшимо, а потому и провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости есть логический выводъ изъ основнаго рациональнаго положенія, принятаго романізмомъ. Такимъ образомъ самая идея церковнаго авторитета, присущая

Римской церкви я, по словамъ Тютчева, разбитая (*baltue en bréche*) протестантизмомъ, была идею лживою, и создавіе Римскаго „царства Христова“, по образу и подобию земныхъ царствъ, явилось не первоначальною причиной (какъ можно было бы заключить изъ слогъ Тютчева) всего позднѣйшаго ложнаго развитія христіанскаго начала въ исторіи Запада, а лишь *симптомомъ* того рационализма, который выразился въ самой идее авторитета, который таился въ самой глубинѣ Римскаго церковнаго духа и который, породивъ протестантизмъ, отъ искашенія христіанской истины довелъ Западъ до голого ея отрицанія. Конечно Тютчевъ, какъ замѣчаетъ и Хомяковъ, но изложилъ и не имѣлъ намѣренія излагать свою мысль во всей полнотѣ,—да и самая идея Церкви только Хомяковымъ, и въ первый лишь разъ *богословски*, была выяснена для пашего православнаго сознанія. Тѣмъ по менѣо великою является заслуга Тютчева, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, истолковавшаго внутренній судьбы Запада, высказавшаго впорывъ то, что теперь отчасти уже пошло въ оборотъ, стало общіемъ достояніемъ, по чего, по словамъ Хомякова, еще никѣмъ до Тютчева не было сказано. Возвращаемся къ его статьѣ.

„Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Тютчевъ—этотъ бунтъ, эти захваты человѣческаго я—явленіе постарше трехъ послѣдніхъ вѣковъ; по чѣдѣ было тогда ново и впервыя выступило въ исторіи, это возведеніе такихъ захватовъ и бунта въ достоинство принципа, въ право неотъемлемо-присущее человѣческой личности.... Съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ вѣковъ, историческая жизнь Запада была не что иное, какъ непрестанный напискъ на все, что еще было христіанскаго въ составѣ старого западнаго общества. Этотъ трудъ разрушенія былъ дологъ, и прежде чѣмъ свалить учреж-

денія, понадобилось подточить ихъ связующую силу, ихъ цементъ—христіанское вѣрованіе. Тѣмъ и приснопамятна Французская Революція, что она открыла новую эру: восшествіе антихристіанской идеи на степень политической власти, вручила ей управлѣніе гражданскимъ обществомъ (*elle a inauguré l'avénement de l'idée antichrétienne au gouvernement de la société politique*). Что въ этой идее заключался весь смыслъ Революціи, о томъ свидѣтельствуетъ и новый догматъ, пущенный ю въ міръ—догматъ народнаго верховнаго владычества (*souveraineté du peuple*). Что же такое народное верховное владычество, какъ не верховное владычество того же человѣческаго я, только уможенное количественно, следовательно опирающееся на силу (*la souveraineté du moi humain, multipliée par le nombre, c'est à dire appuyée sur la force*)?“

Здѣсь, во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны сдѣлать нѣкоторую оговорку. Въ упомянутомъ уже нами письмѣ Хомякова, по поводу этихъ строкъ Тютчева, встрѣчается такое замѣчаніе: „Въ народѣ дѣйствительно *souveraineté suprême*.... И чѣдѣ дѣлать Мадагаскаръ, если волею Божіею холера унесетъ семью короля Раваны? Я имѣю право это говорить потому именно, что я анти-республиканецъ, анти-конституціоналистъ и пр. Самое човицовеніе народа есть *un acte de souveraineté*.“ Это замѣчаніе, разумѣется, вполнѣ справедливо; но мы имѣемъ поводъ полагать, что Тютчевъ вовсе и не думалъ отрицать верховное эманаціе народа въ смыслѣ, указанномъ Хомяковымъ. Стдитъ только поставить вопросъ: чѣдѣ ради чего существуетъ? власть ради страны или народа, или народъ ради власти? Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ; онъ и рѣшаетъ вопросъ. Здѣсь верховенство народа есть законъ, такъ сказать, естественный. Но великая разница между этимъ закономъ есте-

ственнымъ, „между понятіемъ о народѣ, какъ объ источникѣ власти,“ и между *souveraineté du peuple*, провозглашеннымъ Революціей. Въ политической окраскѣ, приданной этому понятію западною демократіей, чувствуется ложь. Народъ, отправляющій власть, надѣвающій вѣнецъ и порфиру, уже не народъ, уже искажаетъ свой нравственный образъ какъ народа, источника власти, а становится самъ олицетвореніемъ принципа власти. Это не одно и тоже. Не одно и тоже учреждать власть, или отправлять власть,—быть источникомъ власти, или выступовать. Отвлекая отъ себя присущее ему начало власти и перенося это начало на лицо или учрежденіе,—вѣдѣстъ съ тѣмъ добровольно обязывая *самою себѣ повиновеніемъ*—этому, отвлеченному имъ отъ себя, элементу власти,—народъ совершаєтъ безъ сомнінія „un acte de souveraineté,“ по вѣдѣству съ тѣмъ совершающій вслікій нравственный актъ самоограниченія, самообузданія себѣ какъ цѣлаго, и самообузданія личнаго я въ своихъ народныхъ единицахъ. Власть съ своей стороны, не будучи сама въ себѣ источникомъ власти, имѣя *raison d'être*, причину своего бытія *внѣ* себѣ, именно въ странѣ или народѣ, становится, какіе бы ни были ея атрибуты, *служеніемъ* этой странѣ или народу: вотъ идеальное, нравственное и въ тоже время естественное взаимное отношеніе этихъ двухъ элементовъ. ... Но было бы горшеею ложью, если бы народъ, въ смыслѣ западнаго новѣйшаго понятія о народномъ владычествѣ, самъ, такъ сказать, сѣль на

престолъ, въ роли постоянно пребывающаго правителя; онъ при этомъ, во первыхъ, не совершилъ бы великаго нравственнаго акта повиновенія и самообузданія: кому же повиноваться? самому себѣ?! во вторыхъ власть, въ лицѣ народа, утратила бы ту нравственную, ту умѣряющую ее стихію *служенія*, которая присуща власти нормального происхожденія. Будучи самъ источникомъ власти, состоя самъ въ всякомъ контролѣ, служа *самому себѣ*, разнудзанный отъ всѣхъ нравственныхъ узъ, не признавая никакого высшаго надъ собою начала, ни гражданскаго, ни религіознаго,—такой народъ - властитель былъ бы самымъ чудовищымъ, безнравственнымъ явлениемъ въ мірѣ.

Но такая гипотеза никогда и не можетъ осуществиться вполнѣ, и если осуществлялась Революцію, такъ только отчасти, съ помощью самой злой и паглой лжи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ определить, что такое народъ? Какъ придать ему уста, слухъ, очи, однимъ словомъ органы, которые бы давали возможность войти съ ними въ прямое, видимое и осозаемое отношеніе, какъ съ цѣльнымъ организмомъ? Обычныя формы народнаго представительства оказывались не удовлетворительными; онъ недостаточно выражали западно-демократическую идею народнаго верховенства. Какъ бы ни было велико число народныхъ делегатовъ, оно все же было ничтожно въ сравненіи съ народнымъ количествомъ; за стѣнами каждой палаты оставались массы народа, вовсе не расположенные отрекаться отъ власти и слагать съ себя

ихъ настоящихъ отношений къ христианству, выразивъ ихъ въ слѣдующей формулѣ, самой повидимому смягченной, не въ той, какая было появилась во времена Конвента: „государство, какъ государство, не имѣть религіи“:

«Это было совершенюю новостью въ мірѣ... Кто не знаеть, что во всей истории, даже по ту сторону Креста, въ мірѣ языческомъ, который все же жилъ подъ сѣю общаго вселенскаго преданія (язычествомъ, конечно, искаженнаго, но не прерваннаго), вслкое градское или государственное устройство считало себя учрежденiemъ религіознымъ: это были какъ бы обломки общаго преданія, которое, воплощаясь въ отдѣльныя общества, образовывало всюду самостоятельныя центры,—что-то въ родѣ религіи замкнутой мѣстностью и овеществленной (*de la religion, pour ainsи dire, localis  e et m  aterialis  e*). Въ первый разъ предложенъ Революціей образъ государства, совершенно отвергающаго всякое высшее освященіе, всякое отношение къ какому-либо сверхчеловѣческому нравственному началу,—государства объявляющаго себя бездушнымъ, а если и съ душою, такъ не знающею никакой яѣры... «Но это притязаніе на *нейтральность* не есть дѣло серьезное и искреннее со стороны Революціи. Она слишкомъ хорошо знаетъ, что, въ отношеніи къ ея противнику, такая нейтральность невозможна: «Кто не со Мною, тотъ противъ Меня». Уже для того, чтобы обратиться къ христианству съ предложеніемъ нейтральности, падобно было перестать быть христіаниномъ. Для того, чтобы такое безразличное отношение было не ложью и зарадией, нужно бы, чтобъ государство согласилось отнять у себя всякое звначеніе нравственного авторитета, низвело себя на степень простаго полицейскаго учрежденія, простаго материальпаго факта, непспособлага по самой своей природѣ выражать ка-

кую бы то ни было правственную идею.. Но впрочемъ Революція вовсе и не думаетъ довольствоваться для государства, ею созданнаго по своему образу и подобию, такимъ смиреннымъ положеніемъ, ни осуждать его на бездуше. Она изгоняетъ изъ государства призывная господствующая религія (*religions d'Etat*) только потому, что замѣняетъ ихъ своею: Революцію, то есть религію безвѣрія...»

Подъ „господствующей религіей“ въ государствахъ Тютчевъ разумѣетъ преобладающую въ народномъ обществѣ, создавшемъ себѣ государственный организмъ, религіозную стихію,—тѣ вѣроисповѣдное начало, подъ воздействиемъ котораго народъ сложился какъ историческая и политическая личность, и посягать на которое ни въ какомъ смыслѣ государство не имѣть права, не извратить своюхъ отношений къ народу, давшему ему бытіе. Найдутся люди, которые въ приведенныхъ нами строкахъ Тютчева увидятъ, пожалуй, смѣшеніе понятій „божескаго“ и „мірскаго“ и т. д. Но это было бы совершенно ложно: Христосъ, отдѣливши свое Царство отъ міра („Царство мое не отъ міра сего“ и „Божіе Богови, Кесарево Кесареви“), тѣмъ самымъ поставилъ Бога виѣ и превыше Кесаря, и Царство Божіе превыше земнаго. Церковь, обратившаяся въ царство отъ міра, какъ у Римскихъ католиковъ—ложь; государство, присвоивающее себѣ функціи Христовой церкви—такая же ложь. Но не менѣшая, если не горшай ложь и тогда, когда Кесарь забудеть, что надъ нимъ есть Богъ и обоготовить себя самого, когда идея государства возводится въ предметъ вѣроисповѣданія (въ самостоятельный „культъ“). Христіанское общество, для котораго государство служить виѣшимъ покровомъ, средствомъ и формою общежитія, не можетъ допустить со стороны этой формы такого отношения къ высшимъ нравствен-

пымъ цѣлямъ своего общественнаго существованія, которое бы по хотѣло съ ними считаться; не можетъ, въ своемъ общественномъ организмѣ, облеченномъ въ государственную форму, признать другой души, другого нравственного идеала, кроме той души и того идеала которые оно само влагаетъ; не можетъ дозволить, чтобы эта форма, это государство творило бы сама себѣ кумпромѣтъ. Начало государственное должно въ общественномъ сознаніи состоять въ отношении нравственнаго подчиненія къ духовному, высшему для человѣка началу; въ противномъ случаѣ, государство, какъ принципъ вышешей, условной формальной правды и вещественной силы, переступивъ свои границы, задавитъ общество, задавитъ духъ и свободу. Если государство поставитъ сама себѣ высшую истину, не станетъ признавать надъ собою никакого высшаго нравственнаго начала, и въ себя никакой такой области, за предѣлы которой оно не имѣло бы права переходить, напримѣръ религіи и церкви, то оно никогда не ограничится нейтральнымъ къ ihnen отношеніемъ, какъ и говоритъ Тютчевъ, а обнаружить тотчасъ же поподзновеніе сломить ихъ нравственную силу, поработить ихъ себѣ, замѣнить ихъ однимъ собою. Блистательное подтвержденіе предсказаний Тютчева являемъ въ наше время, чрезъ двадцать пять лѣтъ, современная борьба государства и церкви въ Германіи...

Затѣмъ Тютчевъ переходитъ къ положенію Папы въ виду предъявленныхъ ему требований преобразовать свою свѣтскую власть согласно съ началами современного государства. Между этими послѣдними началами и папствомъ не можетъ быть сдѣлки: всякая уступка со стороны Папы, который все таки христіанинъ и священникъ, была бы въ

тоже время вѣроотступничествомъ. Легко и удобнѣе совсѣмъ лишить его этой, въ сущности беззаконной, власти, нежели заставить его подчиниться духу новѣйшей цивилизациі. Тютчевъ осмысливаетъ такъ называемое *ультрапос*, разсудительное мнѣніе многихъ людей на Западѣ, которые полагаютъ, что Папа могъ бы принять учрежденіе, откинувъ принципъ, т. е. саму душу учрежденія. „Если Папа былъ только епископъ,“ говорить Тютчевъ,

„еслибы Папство осталось вѣрнымъ своему происхожденію, Революція, подобно всякому гошенію, въ отношеніи къ нему была бы безсильна. Но именно потому, что Папство приняло въ себя начало чужеродное, начало смерти и тѣла, оно стало доступно ударамъ. Изъ всѣхъ учрежденій, созданныхъ Папствомъ, отторгшимся отъ единства съ Православною Церковью, сильнѣе всѣхъ подвигло къ окончательному разрыву учрежденіе свѣтской власти,— и теперь именно обѣ это учрежденіе и суждено ему претыкаться, обѣ него сломиться. Такова грозная логика исторіи!..

... Конечно давно уже — говорить далѣе Тютчевъ — не видать міръ такого зрѣлища, какое представляла несчастная Италия въ 1847 г., въ годъ восшествія па престолъ папы Пія IX.... Случается иногда, что, наканунѣ великой бѣды, людей охватываетъ внезапно яростный смѣхъ, бѣшеная веселость... Здѣсь цѣлый народъ былъ вдругъ обуянъ подобнымъ припадкомъ. И ловушкомъ такого бѣснующагося ликованія было имя Папы... Сколько разъ, вѣроятно, содрогнулся бѣдный служитель алтаря, уединясь въ своихъ покояхъ, отъ доносившихся до него вликовъ оргії, которой кумиромъ былъ онъ! Сколько разъ эти рычащія любви, эти конвульсіи энтузіазма должны были вносить смятеніе и сомнѣніе въ душу этого несчастнаго христіанина, преданнаго въ добычу ужасающей популарности?... . . . «Впервые еще выстав-

лялось на видъ такое обожаніе Папы, а не Папства. Всѣ эти восхваленія и изъявленія преданности приносились человѣку въ надеждѣ — найти въ немъ сообщника противъ самого учрежденія... Однимъ словомъ хотѣли праздновать Папу, сжигая Папство на погѣшномъ огнѣ... И ни въ чёмъ такъ не выказались ложь и лицемѣрие этого возведенія въ апоеозъ главы католической церкви, какъ въ одновременномъ бѣшеномъ гоненіи на Іезуитовъ...

Не присоединяясь къ хору ватовыхъ ругательствъ и нападокъ на Іезуитскій орденъ, ставшихъ такъ сказать общимъ мѣстомъ, Тютчевъ пытается взглянуть на это учрежденіе со стороны, серьезно и безпристрастно. „Іезуиты—говорить онъ—останутся всегда загадкой для Запада, ключъ отъ которой не у него. Іезуитскій вопросъ такъ тѣсно связанъ съ религіозной совѣстю Запада, что невозможно когда либо ожидать отъ него справедливаго рѣшенія“... Учрежденіе это возбуждаетъ къ себѣ вниманіе наблюдателя уже самою тою страшною, непримиримою ненавистью, которую опоинушила къ себѣ всѣмъ врагамъ христіанской религіи: это могло бы служить ему краснорѣчивѣшюю апологіей. Но еще болѣе замѣчательна, продолжаетъ Тютчевъ, та непреодолимая сила антипатіи, которую питали къ этому ордену многие лучшіе люди католицизма, самые искрѣннѣе, самые преданные Римской церкви, отъ Паскаля до нашихъ днѣй“. Это послѣднєе явленіе, т. е. подобное отношеніе къ іезуитамъ въ значительной части римско-католического міра, по словамъ Тютчева, „едва ли не одно изъ самыхъ поразительныхъ и трагическихъ состояній человѣческой души. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть трагичнѣе той борьбы, которая должна происходить въ сердцѣ человѣка, когда онъ, поставленный между чувствомъ благоговѣйшагоуваженія и отвратительною очевидностью, усили-

вается замиять, заглушить свидѣтельство собственной совѣсти, только чтобы не признать той тѣсной, неоспоримой солидарности, какою связаны предметъ его богопочтеній и предметъ его ненависти!“

А таково именно положеніе всѣхъ вѣрныхъ католиковъ,—прибавляетъ къ этому Тютчевъ; осѣпленные враждою въ Іезуитамъ, они не хотятъ видѣть, какая глубочайшая, внутренняя солидарность связуетъ направление, доктрину, судьбы Іезуитскаго Ордена съ направленіемъ, доктриной, судьбой самой Римской церкви,—и связуетъ такъ, что отдѣлять одно отъ другаго нѣтъ никакой возможности безъ органическаго поврежденія, безъ изувѣченія... Чѣмъ же такое Іезуиты?

Въ самомъ дѣлѣ, что заставляетъ ихъ подвергаться преслѣдованіямъ, гонениемъ, лишеніямъ, трудиться деньно и нощно? Чѣмъ же движетъ ими? Не всѣщественный же грубый интересъ каждого члена лично,—въ этомъ此刻ъ ихъ и не обвиняется,—а идея (ложная или вѣрная, это другой вопросъ), идея, добросовѣстное служеніе которой побуждаетъ ихъ творить нерѣдко саиня безсознательныя дѣла. „Іезуиты, продолжаетъ Тютчевъ:

это люди, одержимые ревностью памяною, неутомимою, нерѣдко героическою, къ дѣлу христіанской религіи. Но въ тоже время они и великие преступники противъ христіанства, потому что духъ личного эгоизма, человѣческаго я обладаетъ ими, не отдѣльными единицами, но ими какъ Орденомъ (*dominés par le moi humain non pas comme individus, шаис сопшне Ordre*); потому что они отождествили дѣло христіанскаго съ своимъ собственнымъ, потому что собственное самоудовлетвореніе возвели въ значеніе побѣды Божіей, и въ стяженіе побѣдъ Господу Богу внесли всю страсть и безразборчивость личного эгоизма... Ихъ грѣхъ—грѣхъ самого Рима, воплотившаго въ себѣ одномъ Вселенскую Церковь... Между іезуитами и Римомъ связы-

истинно органическая, кровная. Орденъ Іезуитовъ концентрированное, но буквально вѣрюс выражение Римскаго католицизма; однимъ словомъ: это самъ Римскій католицизмъ, по на положеніи дѣйствующаго и воинствующаго (*le catholicisme romain lui-mêche, mais à l'état d'action, à l'état militant!*)... «Ta часть западнаго общества, которая совсѣмъ оторвалась отъ христіанства, нападаетъ на Іезуитовъ только для того, чтобы, прикрывшись ихъ цепопулярностью, вѣрнѣе поражать настоящаго своего врага. Но за то католики, оставшіеся вѣрными Риму, поставлены въ такое положеніе, что хотя бы они, какъ христіане, были вполнѣ правы въ своей враждѣ въ Ордену, однако же, нападая на Іезуитовъ, подвергаются опасности поранить глубокого самую Римскую церковь»...

Баронъ Пфеффель въ своей статьѣ, о которой мы уже часто упоминали, приводитъ еще слѣдующее, чрезвычайно мѣткое выражение Тютчева: *En frappant les Jésuites, on espére démolir l'Eglise: supprimer les Jésuites, c'est déboisser le catholicisme* (поражая Іезуитовъ надѣются сломить Римскую церковь: уничтожить Іезуитовъ значитъ обезкостить католицизмъ). Но и стать подъ іезуитское знамя нельзя, не отрекшись отъ христіанской совѣсти и чистоты христіанского нравственнаго ученія... «Таково безвыходное положеніе вѣрныхъ сыновъ Римской церкви!» (*)

Затѣмъ слѣдуетъ уТютчева подробный анализъ разныхъ несбыточныхъ требованій, обращенныхъ къ Папѣ, при восшес-

(*) И такова, прибавимъ, неспособность католиковъ оцѣнить это свое положеніе (истинное его уразумѣніе возможно только православному), что всѣ эти строки Тютчева кажутся барону Пфеффелю *защитою* Іезуитскаго Ордена,— а не смертнымъ приговоромъ, произнесеннымъ романтизму съ Орденомъ включительно!

ствіи его на престолъ, напримѣръ освобожденія Италии отъ иноземного ига, возстановленія единой Италии подъ властью Папы, „чего-то въ родѣ христіанскаго калифата“ и т. п. Двусмыслиность положенія не могла долѣе продолжаться: Пій IX порвалъ паконецъ всѣ связи „съ друзьями своей особы и врагами Папства,“ —вспыхнулъ мятежъ,— Пій IX бѣжалъ,—Революція одѣлась въ образъ Римской республики. Впрочемъ, замѣчаетъ Тютчевъ, революціонная партія не удовлетворилась бы, конечно, никакими уступками со стороны Папы. Собственно говоря, ей нѣтъ никакого дѣла до очищенія церкви отъ чуждыхъ, нехристіанскихъ духовныхъ примѣсей; „ей ненавистенъ самый элементъ христіанскій, заявляемый существованіемъ Папства; по той же причинѣ, этой партіи хотѣлось бы вычеркнуть все прошедшее Италии, всѣ историческія условія ея бытія, какъ выраженные тѣмъ же церковнымъ начальствомъ; ей хотѣлось бы, дѣйствіемъ чистою революціонною абстракта, связать вновь созидаемую республику съ республиканскимъ строемъ древняго Рима!“ Но вотъ теперь эта партія побѣждена, и папская власть восстановлена. Къмъ ж? Къ довершенню роковой сложности и запутанности Римскаго вопроса—Французскою республикою подъ управлешіемъ Людовика-Наполеона...

Въ этомъ дѣйствіи Франціи — разсуждается по этому поводу Тютчевъ (замѣтимъ: всѣдѣ за совершеніемъ дѣйствія, еще въ 1849 г.)—видѣть обыкновено или безрассудно-удалый поступокъ, ou *coup de tête*, или ошибку. Чаще же всего говорятъ: Франція сама не знаетъ, чего хочетъ. Слѣдовало бы прибавить: Франція и не можетъ знать, чего она хочетъ. Для того чтобы знать, надо бы имѣть *единую* волю, а Франція, вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ (*), осуждена имѣть ихъ *две*. Здѣсь

(*) Теперь уже 85.

дѣло не въ разногласіи мѣщій, чѣмъ встрѣчается во всѣхъ обществахъ, управляемыхъ партіями; здѣсь дѣло въ постоянномъ, не-прѣходящемъ и неразрѣшимъ антагонизмѣ, который въ теченіи 60 лѣтъ составляется, такъ сказать, саму основу (*le fond*) народной совѣсти во Франції: *раздвоенна самая душа Франції*... Революціи было возможно перевернуть, видоизмѣнить, исказить эту страшну; но ей было не вмочь, и никогда не будетъ подъ силу усвоить се себѣ вполнѣ (*elle n'a ri, si ne pourra jamais se l'assimiler enti  rement*). Чѣмъ бы Революція ни дѣлала, есть стихія, начала въ правственой жизни Франції, которыи сї не поддаются—долго, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока буде *Франція на селти*: таковы—католическая церковь съ ею вѣролапіемъ и учениемъ; христіанскій бракъ и семейство—и даже собственность. По такъ какъ и Революція вѣролѣтно не согласится отдать захваченное и уже вошла въ кровь и въ самую душу Французскаго общества, и такъ какъ мы не знаемъ въ исторіи міра ни одной формулы заклинанія (*formule d'exorcisme*), приложимой къ цѣлому народу, то слѣдуетъ полагать, что это состояніе безпрерывной, глубоко-внутренней (*intime*) борьбы, раздвоенія непрестаннаго и такъ сказать органическаго, сдѣлалось на долго и очень на долго нормальнымъ состояніемъ Французскаго общества.... И вотъ почему мы, въ теченіи 60 лѣтъ, видимъ въ этой страшѣ: государство, революціонное по принципу, влекущее за собою на букирѣ цѣлое общество, которое однако не болѣе какъ вѣбуновано (*un   t  at r  volutionnaire par principe trainant   la r  volution que une soci  t   qui n'est que r  volutionn  e*). Попытко, что правительство, которое сродни имъ обоямъ, должно непремѣнно обрѣтаться въ положеніи самомъ фальшивомъ, не-прочномъ,—осуждено на безспасіе... Оно можетъ существовать только подъ условіемъ борьбы съ тою самою властью, которой обязано своимъ бытіемъ...

Все это вѣщія слова; они вполнѣ оправданы послѣдующимъ ходомъ исто-рическихъ событій. Въ теченіи послѣдней четверти вѣка душа Франціи по обрѣла цѣльности,—напротивъ этого недостатокъ духовной цѣльности скажался пагубнымъ образомъ даже въ та-кой мѣрѣ народнаго бытія, когда живѣе чѣмъ когда либо дается народу ощутить себя органическимъ цѣльнымъ: мы разу-мѣемъ мѣрѣ виѣшней опасности, войну 1870 г... Казалось бы такой простой, несложный, грубый фактъ, какъ наше-ствіе иноземцевъ, могъ бы хоть на время слить во едино всѣ нравственныи силы Франціи и даже послужить ей къ обновленію духа,—но онъ обличилъ только во Франції упадокъ патріотизма. Слѣдовательно духовная язва раздвоенія проникла въ область самого естествен-наго, непосредственнаго, пистикиви-цѣльного чувства,—такую область, ко-торая новидимому недоступна дѣйствію какихъ бы то ни было отвлеченныхъ принциповъ... Можно, кажется, съ до-стовѣрностью утверждать, что въ слу-чай окончательного торжества револю-ціоннаго начала во Франціи, т. с. при логическомъ развитіи этого начала до его крайняго выраженія, т. е. до ком-муны въ родѣ бывшей Парижской и до Федерации, Франція, вслѣдъ за утратою внутренней, утратитъ и виѣшнюю цѣль-ность, т. е. перестанетъ быть—какъ Франція, какъ историческая индивидуаль-ность.

Обрисовавъ нравственное и внутренне положеніе Франціи, Тютчевъ возвращается къ поступку Французской власти въ 1849 г., т. е. къ ея виѣшательству въ Римское дѣло и къ возстановле-нию ею Папства. Въ этомъ поступкѣ от-ражается, по его мнѣнію, «вся двойствен-ность стремленій и инстинктовъ, скрещивающихся, такъ сказать, въ сердцахъ и мысляхъ каждого Французскаго прави-тельства,—вся глубина противорѣчія, на-

которое оно обречено“... „Правительство революционного происхождения, — говорить оно — являясь посредником между Революциею и Папою, не могло конечно падбъяться примирить то, что по самой природѣ своей непримиримо; въ чью бы пользу изъ двухъ противниковъ оно ни рѣшило тяжбу, оно бы по-премѣнило поражило само себя, отреклось бы отъ цѣлой половины себѣ самого. Этимъ обоюду-острымъ вмѣшательствомъ оно достигнетъ только того, что еще пуще запутаетъ спутанное, еще сильнѣ раздрожитъ и ухудшитъ рану, — въ чемъ оно вполнѣ и успѣло“.. Нужно ли напомнить, что это сужденіе буквально подтвердились событиями? Продержавъ 20 лѣтъ свои войска въ Римѣ, для поддержанія власти Папы, Наполеонъ вынужденъ былъ наконецъ отозвать ихъ, по разрѣшивъ Римскаго вопроса и не упрочивъ Папства; но самъ же Наполеонъ, въ силу той же внутренней двойственности, освободивъ Италию, двинулъ ее на Римъ, и въ концѣ концовъ окончательно испортилъ отношенія Франціи къ Италии и погубилъ себя самого.

Далѣе Тютчевъ снова характеризуетъ уже окончательными чертами состояніе Римскаго вопроса, и въ послѣднемъ выводѣ указываетъ опять: съ одной стороны па исчезненіе секуляризациіи Папства, и вмѣстѣ побѣды антихристіанскаго началъ, — съ другой па провинченную невозможность для Папы согласиться па какую либо сдѣлку съ этии началомъ, совершилъ дѣло вѣроотступничества и предательства. Для всего многомиліоннаго западнаго христіанства Папство продолжаетъ служить единственнымъ оплотомъ вѣры, въ ея борьбѣ съ безвѣріемъ; но безнадежелъ этотъ оплотъ, разшатанный, подточенный въ самой своеи основаціи ложью, выѣдрившееся въ Римскую церковь. Такое роковое, безвыходное положеніе За-

падной церкви внушаетъ Тютчеву не глумлениіе и хулу, а глубокое, искреннее состраданіе. Его обращеніе къ ей звучитъ лирическимъ, возвышеннымъ строеніемъ, согрѣто любовью и вѣрой:

Что можетъ быть ужаснѣе для служителя Христова, какъ быть обреченнымъ на власть, отправлять которую ему нельзя иначе, какъ на погибель душъ, на разореніе церкви?.. Нѣть, по истинѣ, такое ужасное, такое противоестественное положеніе продлиться не можетъ. Наказаніе или испытаніе,—мыслимо ли, чтобы Господь въ Своемъ милосердіи оставилъ еще на долго Римскую церковь охлачашою этимъ огненнымъ врагомъ и не открылъ пути, не указаль исхода,—исхода дивнаго, свѣтозаршаго, чеаемаго,—или лучше сказать чеамаго уже многіе вѣки... Можетъ-быть, еще много превратностей и несчастій отѣляютъ отъ этого мгновенія Папство и подвластную ему церковь. Можетъ, они еще только при самомъ началѣ этихъ бѣдственныхыхъ временъ,—ибо не малое то будетъ пламя, не краткосрочный то будетъ пожаръ, который, пожира, обращая въ пепель цѣлые вѣка сустиныхъ притязаній и противухристіанской вражды, сокрушить наконецъ роковую преграду, заслоняющую желацій исходъ.

И какъ, въ виду того чтѣ творится, въ виду этой новой организаціи зла, самой искусствой, самой грозной, какую когда-либо знали люди,—въ виду цѣлаго міра зла, впощь устроеннаго и вооруженнаго, съ его церковью безвѣрія, съ его правительствующимъ мятежомъ,—какъ возбраните христіанамъ надежду, что Господь со-блудоизволитъ преподать Своей Церкви крѣпость соразмѣрную съ новымъ подвигомъ ей указанымъ, что предъ началомъ готовящагося боя Онъ возвратить ей полноту ея силъ, и Самъ, во время потребно, уврачуетъ Свою благую десницу язву на ея тѣлѣ, напесеншую человѣками, — эту

зіяющую яву, уже восемьсотъ лѣтъ не престающую точить кровь!... (*)

Православная церковь никогда не отчаявалась въ этомъ изцѣлѣніи. Она ждетъ его, она не уповаєтъ только,—она увѣрена въ немъ. Какъ тому, что едино по своему началу, что едино въ вѣчности, не преодолѣть разъединенія во времени? Не смотри на многовѣковую разлуку и всѣ человѣческія предубѣжденія, она не представляла признавать, что христіанское начало никогда не вымирало въ Римской церкви, что оно всегда было въ пей сильнѣе язи и человѣческой страсти,—и вотъ почему она питаетъ внутреннее глубокое убѣжденіе, что оно пересилитъ всѣхъ своихъ враговъ. Православная церковь знаетъ и то, что въ настоящую пору, какъ и въ теченіи столѣтій, христіанскія судьбы Запада все еще въ рукахъ церкви Римской, и вѣритъ, что, въ дни великаго воссоединенія, Римъ возвратить ей испорвежденныи (inflacte) сей священный залогъ...

Затѣмъ въ Тютчевѣ опять вспыхиваетъ поэзъ, и вся его завѣтия дума возвращается имъ въ слѣдующемъ величавомъ образѣ:

Да позволено будетъ намъ, въ заключеніе, напомнить обстоятельства, сопровождавшія посыщеніе Русскимъ Императоромъ Рима въ 1846 г. Вѣроятно еще памятно то всеобще душевное волненіе, съ какимъ встрѣчено было его появленіе въ храмѣ Св. Петра,—появленіе православнаго императора, возвратившагося въ Римъ послѣ столькихъ вѣковъ отсутствія; памятель тотъ электрическій трепетъ, пробѣжавшій по толпѣ, когда она его увидѣла моля-

(*) Et comment à la vue de ce qui se passe, en présence de cette organisation nouvelle du principe du mal la plus savante et la plus formidable, que les hommes nient jamais vue,—en présence de ce monde du mal, tout constitué et tout armé, avec son église d'irreligion et son gouvernement de révolte,—comment, disons-nous, serait-il interdit aux chrétiens d'espérer, que Dieu daignera proportionner les forces de Son église à Lui à la nouvelle tâche, qu'il lui assigne, etc.

щимся у гробницы Апостоловъ. Это волненіе имѣло законную и праведную причину. Колѣнопреклоненный императоръ былъ тамъ не одинъ; вся Россія была тамъ, колѣнопреклоненная съ пятью вѣстѣ... Будемъ надѣяться, что не вотще вознеслась ся молитва предъ святыми останками....

Такова статья Тютчева. Когда вспоминаешь, что эта статья написана четверть вѣка тому назадъ, то она, поистинѣ, представляется цѣлымъ событиемъ въ области мысли, въ области Русскаго и общечеловѣческаго сознанія. Нельзя не повторить съ Хомяковымъ, что „она не только лучшее, но единственное дѣльное (т. е. единственное вѣрное) сказанное о Западѣ «*идь бы то ни было*.“ Нельзя кстати не вспомнить и этихъ словъ Хомякова, что „статья Тютчева заграничной публикѣ не по плечу.“ Дѣло въ томъ, что сознать Западъ вполнѣ возможно, кажется, только Русскому; ибо самому Западу трудно сказать къ себѣ въ свободное, такъ сказать, объективное отношеніе,—найти точку зрѣнія видѣть себя самого и вынѣсъ себя самого. Между тѣмъ Русскій съ одной стороны на столько воспринимаетъ въ себя Западъ, что ему вѣдомы и близки всѣ біснія его сердца, всѣ радости, всѣ бѣды, всѣ чаянія, всѣ недуги Запада, вѣдомы и близки какъ будто свои, родные; съ другой стороны, оставаясь Русскимъ, сохранивъ свою духовную народную самобытность, онъ обладаетъ точкою зрѣнія самою близкою къ Западу и однакоже вѣдѣ его, и можетъ познавать Западъ въ самомъ себѣ, при помощи собственнаго внутренняго опыта. Разумѣются эта точка зрѣнія дается только самостоятельнаю Русскою мыслью, про никшуюся всквозь стихіей Русской народности. Только съ высоты того церковно-исторического созерцанія, которое доступно каждому Русскому какъ православному (ибо Русская народность не-

мыслимо виѣ православной стихії), открывается во всей своей ширинѣ исторической горизонте христіанского Запада, разъясняется весь смыслъ его внутренней борьбы, истинная сила и значеніе вопросовъ, его удручающихъ. Но этой-то высотѣ и стала Тютчевъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, первый освѣтилъ историческую жизнь Запада свѣтомъ Русской, христіанской, православной мысли, — первый заговорилъ съ западныи обществомъ языкомъ Русского и православнаго, и не поколебался предъ лицомъ всего міра указать ему новый міръ мысли и духа — въ Россіи.

Статья о Римскомъ вопросѣ была единственою изъ статей Тютчева, замѣченію и у посѣ, въ томъ небольшомъ кругу общества, гдѣ получался или читался *Revue des deux Mondes*. Но въ этомъ кругу, по преимуществу свѣтскому, всего менѣ могли раздѣлять инѣйшия Тютчева, особенно въ тѣ годы, когда обяніе Европы было еще такъ сильно, и защитники пародной духовной самостоятельности считались по пальцамъ. Всѣ, конечно, отдавали справедливость ея блестящему Французскому изложенію, но большою частью находили ее, какъ водится, исполненою „крайностей“, „чуждою любимой „умѣренности“, и не отваживались въ такихъ Европейскихъ вопросахъ сняться съ буксира Европейского общественнаго мнѣнія. Въ бумагахъ Тютчева найденъ черновой отрывокъ или вѣрище недоконченное письмо къ князю, не сказано какому, письмо чрезвычайно замѣчательное, поясняющее и пополняющее самую статью. Было ли оно когда окончено и послано, мы не знаемъ и воспроизведимъ его вполнѣ:

Мартъ 1850 г.

— Я попробую, князь, отвѣтить вамъ на вѣкоторяя сомнѣнія и возраженія, возв-

бужденныя въ васъ мою статью о Папствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ благодарю васъ за то, что потрудились ихъ написать. Многие, прочитавъ эту статью, говорили мнѣ, какъ и вы: «Но развѣ время теперь думать о соединеніи церквей? Возможно ли это дѣло? А еслибы и было возможно, не представить ли оно для насъ болѣе неудобствъ (*inconvénients*), чѣмъ выгодъ?..» Должно-быть и дурно выразился въ моей статьѣ, — иначе не могло бы прийти и въ голову, чтобы я вѣль рѣчь о возобновленіи Флорентійскаго собора... Нѣтъ, не такъ становится теперь (*pas dans ces temps*) этотъ вопросъ. Разумѣется, въ сущности, это все тотъ же вопросъ, но опѣцшеобразно усложнился съ 15-го вѣка.

«Прежде всего, чтобы совсѣмъ орентироваться въ вопросѣ, нужно дать себѣ ясный отчетъ въ современномъ кризисѣ, переживаемомъ Западомъ: потому что, только попавши — въ какомъ положеніи Западъ относительно самого себя, будемъ мы въ состояніи опредѣлить свойство его настоящихъ и будущихъ къ памъ отношений. Какъ ни трудна эта оценка, но она для насъ трудна менѣе, чѣмъ для другихъ; потому что намъ, для того чтобы орентироваться, достаточно было бы только оставаться тамъ, гдѣ мы поставлены судьбою^{*)}). Но такова роковая участъ, вотъ уже нескользко поколѣній сряду, тяготѣющая надъ нашими умами, что вмѣсто сохраненія за нашою мыслью, относительно Европы, той точки опоры, которая естественно намъ принадлежитъ, мы ее, эту мысль, привязали такъ сказать къ хвосту Занада. Я говорю — мы, — но не Россія. Ибо, — и это нужно твердо понимать, — умы въ Россіи, 60 уже лѣтъ, не переставали двигаться въ направлении совершенно обратномъ въ тому направлению, куда увлекали Россію ея

^{*)} Эдѣсь непереводимая игра словъ: «Car, tout jeu de mots à part, il suffirait pour nous orienter, que nous regissons à la place, où le sort nous a mis... т. . . e. à l'Orient.

судьбы. *Nаше* умственное будущее (notre avenir intellectuel), — собственно для нас,— это былъ Западъ. Россія же, самымъ фактомъ своего существованія, отрицала будущее Запада...

Намъ твердятъ теперь каждый день, что кризисъ, которымъ одержима современная Европа, небывалый, безпримерный въ исторіи обществъ. Чѣмъ тутъ правды, въ этихъувѣрепіяхъ? Политическая катастрофа, сверженія правительства, случались во всѣй эпохи: это принадлежность всѣхъ революцій. Стало быть, еще не въ этомъ отличительный характеръ настоящаго движенья. Другими словами: въ чёмъ имено разница между тѣмъ, чѣмъ въ прежнія времена носило это название революція, и тѣмъ, чѣмъ называется теперь революціей по преимуществу (par excellence)? Вся загадка здѣсь.

Это нечто (чemu, говорять, не было precedenta въ исторіи человѣчества,—и дѣйствительно нѣтъ), это нечто—не что иное, какъ сознательное и рациональное отрицаніе уже не только такой или другой власти, но самаго принципа власти между людьми. Все это, я знаю, было уже сто разъ сказано; но какъ вообще часто, указывая фактъ, не умѣютъ распознать его настоящаго громаднаго значенія! А значение его неизмѣримо важно именно потому, что эта доктрина, отрицающая абсолютно самый принципъ власти, не какая-нибудь доктрина частная, отдѣльная (*isolée*), случайная, произвольная, а послѣднєе слово, крайній терминъ того долгаго умственнаго развитія, которое принято называть «Современною Цивилизаціею». Да, надо имѣть мужество сознаться въ томъ, что литература, философія, все это преданіе современной мысли (*dé la pensée moderne*), псѧ эта умственная среда, въ которой наши умы, такъ сказать, зачаты, выросли и жили,—все это пришло и неизбѣжно должно было прийти къ результату, сейчасъ мною указанному. Поэтому что самая сущность современной мы-

сли такова: человѣкъ зависить только отъ самого себя (*l'homme ne relève que de lui tême*); въ чёмъ самомъ, а не въ чёмъ либо другомъ, источникъ всякой власти. Когда я называю «современною» мысль, которая также стара какъ человѣчество, я хочу сказать, что только въ мірѣ современномъ, только въ виду христіанскаго закона и изъ противодѣйствія ему могла эта мысль получить свое полное развитіе и приобрѣсть свою несобытную практическую важность. Почему же? Полагая за основаніе, что человѣческий разумъ довѣрѣть такъ сказать себѣ самому,—вся философія древности сводится собственно къ одной сущности: къ автономіи человѣческаго разума *). Нѣтъ такого мнѣнія, нѣтъ такой доктрины, исходящей изъ этого начала, которая бы не была проповѣдана въ школахъ философовъ, отъ идеализма самого трансцендентальнаго до матеріализма самого грубаго. И однакоже все это движение умовъ ни разу не произвело па свѣтъ ничего подобнаго тому ученію, той Власти, той Силѣ, которую я называлъ Революціей. Потому что, въ томъ возрастѣ міра и прежде явленія христіанства, философская мысль, добывая себѣ человѣка въ индивидуумѣ, могла завладѣть, такъ сказать, только наименѣшю его частью. Ибо *transcendance*, — этотъ рабъ государства, эта *вещь* государства (но именно только поэтому собственно и человѣкъ,—человѣкъ по преимуществу по поштатіямъ древнихъ), — необходимо ускользнуть изъ ея рукъ. Государству же подлежалъ по праву не только индивидуумъ, но подлежала и сама мысль человѣческая. Только христіанство положило конецъ этой, возведенной въ законъ, неправоспособности человѣческой души, провозвѣстивъ, предъ лицомъ индивидуума, какъ и предъ

*.) Въ подлинникѣ: En principe, la raison humaine se suffisant à elle-même, — l'autonomie de la raison de l'homme—c'était bien là le fond même de toute la philosophie de l'Antiquité.

лицомъ государства, Того, Кто одиша истинный Господинъ имъ обоимъ. Подчинение человѣка Богу сокрушило рабство человѣка человѣку. Или вѣришь, оно преобразило рабство въ добровольное и свободное повиновеніе; ибо таково по существу своему отношение христіанина къ власти, за которую онъ не признаетъ другого авторитета, кроме того, которымъ она облечена отъ Верховнаго Владыки всическихъ. И вотъ почему новѣйшая современная мысль, освобождая человѣка изъ подъ власти Божией, эмансирируя человѣка отъ Бога, отнимаетъ тѣмъ самымъ всякий авторитетъ у власти земной, какая бы она ни была. То есть, другими словами, никакого принципа власти не можетъ въ наши дни существовать для общества, которое было христіанскимъ и перестало имъ быть")...

Таковъ основной тезисъ всего исторического міросозерцанія Тютчева. Онъ не нуждается въ доказательствахъ; но во избѣжаніе недоразумѣній и для того, чтобы устранить возможное, хотя и ошибочное, преположеніе, будто авторъ смысливаетъ или отождествляетъ прин-

ципъ христіанскій съ принципомъ гражданской власти, мы считаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько пояснительныхъ словъ. Миръ древній, не вѣдавшій Откровенія, не знавшій надъ собою и вѣръ себя никакого высшаго, праственного начала, былъ, естественно и такъ сказать de facto, самъ для себя источникомъ всякой власти, самъ своею верховною совѣстю. Но и древній міръ, томясь потребностью опредѣлить и формулировать въ самомъ себѣ свое высшее начало, старался отвлечь его отъ всего случайного и личнаго, и призналъ его въ идеѣ общаго,— а образомъ этого общаго было для него государство. Государство стало для него выраженіемъ высшей истины, совершенно поработило себѣ и, такъ сказать, втянуло въ себя человѣческую личность. Поэтому никогда и не могла идея государства развиться въ такой строгой послѣдовательности и полнотѣ, какъ въ языческомъ мірѣ (въ формѣ ли монархической или республиканской— все равно); до своего же полнаго апогея она дошла въ Римѣ. Такое государство, само въ себѣ имѣющее цѣль, само для себя существующее, алфа и омега человѣческаго бытія, само олицетворенное божество,— такое государство было уже немыслимо въ мірѣ христіанскомъ. Христіанство, указавъ человѣку и человѣчеству высшее призваніе въ государство; ограничивъ государство областью вѣнчанаго, значившемъ только средства и формы, а цѣ цѣди бытія; поставивъ превыше его начальо божественной истины, источникъ всяческой силы и власти,— низведо такимъ образомъ самый принципъ государственный на низшее, подобающее ему место. На такомъ, такъ сказать, подчиненномъ отношеніи къ высшей истинѣ зиждется теперь въ христіанствѣ основаніе государства, основаніе земной власти, повиновеніе которой, въ пре-

*) Считаемъ не ложнымъ привести въ подлинникахъ все эти послѣднія строки, по важности ихъ содержания: C'est qu'à cet âge du monde et avant la venue du Christianisme, la pensée philosophique, en s'attaquant à l'homme dans l'individu, ne réussissait qu'à s'approprier pour ainsi dire la moindre partie de lui-même. Car le citoyen, cet esclave de l'Etat, celle chose de l'Etat, mais qui était l'homme par excellence de l'Antiquité, lui échappait nécessairement. En présence de l'Etat, ce n'est pas seulement l'individu, mais c'est la pensée humaine elle-même qui était son droit. Le christianisme seul mit fin à celle incapacité légale de l'âme humaine, en venant proclamer, en face de l'individu aussi bien que de l'Etat, Celui qui était leur véritable Maître à tous deux. La soumission de l'homme à Dieu brisa la servitude de l'homme à l'homme. Ou plutôt elle la transforma en une obéissance volontaire et libre, car telle est essentiellement l'obéissance du chrétien vis-à-vis du pouvoir, auquel il ne reconnaît d'autre autorité qu'une autorité déléguée par le Souverain Maître de toutes choses. Et voilà pourquoi la pensée moderne en émancipant l'homme de Dieu, enlève du mème coup toute autorité à tout pouvoir quelconque. Ce qui revient à dire en d'autres termes, que nul principe d'autorité ne saurait subsister de nos jours pour une societé qui, après avoir été chrétienne, aurait cessé de l'être...

дѣлахъ высшей истины, благословляетъ и повелѣвается для христіанъ Богомъ (какъ это и объяснилъ Тютчевъ). Но какъ скоро христіанскій міръ отрекся бы Бога, современное основаніе государства, основаніе вселкой земной власти непремѣнно бы поколебалось: ему уже не на чёмъ утвердиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ упразднилось бы единственное начало, обузывающее, сдерживающее въ предѣлахъ развитіе государственности, указующее ей границы. Чтобы утвердить принципъ государства или власти снова на твердомъ фундаментѣ, слѣдовало бы ирку возвратиться къ языческой вѣрѣ въ государство, къ представлению древнихъ о государствахъ, слѣдовательно къ признанію за государствомъ, т. с. за началомъ формальной правды и виѣшней, грубой, пропуздительной силы, значенія высшей истины,—къ признанію полноправности государственной не только надъ гражданиномъ, но и надъ человѣкомъ. Но однажды освобожденная изъ языческаго рабства государству, человѣческая личность, которую христіанство превознесло такъ wysoko, за которую признало такую полноту духовной свободы, уже не можетъ, уже не способна дать поработить себя снова. Что же выходить? Выходитъ сопоставленіе началь несомнѣнныхъ: языческаго представления о государствахъ съ христіанскимъ представлениемъ о человѣческой личности,—ибо если въ мірѣ дохристіанскомъ человѣкъ поглощался гражданиномъ, а идея личности идею государства, то общество христіанское, хотя бы и отрекшееся отъ Христа, не властно уже отречься отъ сознанія человѣческой индивидуальности и ея правъ,—созапилъ, которому нѣтъ места въ языческомъ государствѣ. Такое общество, сдвигая гражданскій порядокъ съ христіанской основы, но въ состояніи уже обрѣсти

для него никакой другой основы: или государство его задушить, задавить,—что едва ли мыслимо,—или же оно обрѣсть себя на состояніе вѣчнаго бунта,—чему мы и видимъ примѣры. Такое общество, отрицающее христіанство, но не отказываясь отъ вложенныхъ въ него христіанствомъ требованій высшей правдивой правды, индивидуальной свободы и другихъ христіанскихъ правдивыхъ идеаловъ, станетъ непремѣнно предъявлять эти требования къ государству, возлагать на государство осуществленіе всѣхъ этихъ неполнимыхъ для государства запросовъ. Другими словами: оно вынуждено будетъ весь строй свободныхъ правдивыхъ отпошепій, созданный христіанствомъ, включить въ букву, въ форму пропуздительного закопа и поставить подъ охрану государственного жезла или дубины; оно будетъ палкой, гильотиной, петролесомъ водворять въ мірѣ любовь, равноправность, уваженіе къ человѣческой личности, къ человѣческой свободѣ. Откинувъ орудіе духовнос., т. е. высшее правдивое побужденіе къ добру, даваемое вѣрою въ высшую подземную истину,—оно уже не можетъ действовать иначе, какъ орудіемъ земныхъ, какъ виѣшніемъ, хотя бы и узаконеніемъ, насилиемъ. Слѣдовательно оно само налагаетъ на себя оковы, само обрекаетъ себя на такое рабство и на такое своеоліе деспотизма, которыхъ не вѣдали даже языческій міръ и которыхъ само общество конечно стерпѣть не будеть въ силахъ; но, продолжая отрицать христіанскую основу, оно осуждено лишь безпрестанно сочинять и безпрестанно разбивать создаляемыя имъ формы гражданскаго порядка,—не миясь на сѣ одною. Къ тому же человѣческая личность, какъ скоро она познала, вкусила однажды данного ей христіанствомъ значенія и свободы, и

затѣмъ совлекда съ себя христіанское освященіе, претворяется почти всегда не во что иное, какъ въ самый дикий, рознудашный эгоизмъ. Христіаніпъ не можетъ просто перестать быть христіаниномъ и на томъ и покончить: онъ то и дѣло будетъ бороться съ своимъ бывшимъ Богомъ и въ себѣ самонъ и вокругъ себя; онъ не перестанетъ вѣчно бунтовать противъ началу, которыи какъ воздухомъ проиникуто все его существо и все бытіе современныхъ историческихъ обществъ, бунтовать — непремѣнно озлобленно, вездѣ и всегда, въ тайникахъ души своей, на площадяхъ и улицахъ, — попирать, въ силу логической послѣдовательности, все *тѣо этии началомъ* освящалось въ мірѣ, что таکъ или иначе примыкаетъ къ этому началу. Такимъ образомъ окончательный удѣль всякого христіанскаго общества, отрекшагося Христа, есть бунтъ или революція. Но бунтъ пячего не творить и не созидаетъ, а лишь отрицаеть и разрушаетъ,—и общество, положившее революціонный принципъ въ основание своего развитія, должно неминуемо, отъ революціи къ революції, дойти до анархіи, до совершишаго самоотрицанія и самозакланія. Все это вполнѣ и буквально подтверждается исторіею Франціи отъ ея первой „великой“ революціи до Парижской коммуны включительно. Такъ первая Французская революція пыталась сповсюдить въ мірѣ именно языческое представление о государствѣ и устроить республику по образу и подобію древнихъ классическихъ, но въ тоже время вводила въ свой республиканскій символъ вѣры, рядомъ съ неязыческими терминами „свобода и равенство“, чисто-христіанскіи термины „братство“. Само собою разумѣется, что при такомъ неизбѣжномъ, роковомъ внутреннемъ противорѣчіи, всѣ усилия революціи создать государство на

прочномъ языческомъ основаніи оказались тщетными; такъ что для дрессировки „брата“ и для закрѣпошенія государства „гражданъ“ (*citoyens*), революція вынуждена была прибегнуть къ средству, невѣдомому въ языческомъ мірѣ — къ террору, и во имя свободы, равенства и братства, явила свѣту такую чудовищность деспотизма, съ которою можетъ только равняться поджогъ Парижа петролеемъ, учищеппий Парижскою коммуню...

Впрочемъ намъ еще придется вернуться къ этому основному тезису Тютчева иѣсколько ниже, по поводу того особеннаго, указываемаго имъ процесса, который начало антихристіанское совершаеть теперь свою работу въ мірѣ протестантскомъ, въ народахъ Германскаго племени.

Нельзя не пожалѣть, что письмо Тютчева не окончено, и что, отправившись отъ вопроса о возсоединеніи церкви, онъ прервалъ цѣль своихъ силлогизмовъ на серединѣ, хотя конечно эта цѣль уже достаточно видна изъ самой его статьи о Папствѣ. Мы полагаемъ, что, собственно въ письмѣ, ходъ его мысли былъ бы таковъ:

Папство, разумѣется, не отрицаеть зависимости человѣка отъ Бога; оно исповѣдуетъ христіанское ученіе о Богѣ, какъ Превысшей Истинѣ и Силѣ, отъ которой лишь одной принципъ земной власти получаетъ свое освященіе. Но наслѣдовавъ всѣ властолюбивыя похоти и духъ раціонализма древняго Рима, оно ввело въ христіанское міро созерцаніе понятіе о вѣнчанемъ церковномъ авторитетѣ и устроило церковь какъ царство отъ міра, какъ государство. Въ противоположность Революціи, низводившей такъ сказать Бога съ престола, Папство само себѣ, какъ церковь - государство, возвело на высоту Божьяго престола, отождествило себя съ Богомъ, признавъ себя въ лицѣ го-

сударемъ непогрѣшилою истину и истиной всякой власти, отъ кото-
рого ~~одного~~ исходить и зависеть
всѣ ~~истини~~ земныи. Но въ борбѣ съ
~~направленіемъ~~ стремлениемъ, олицетворяе-
мъ Революціей и несущимъ на сво-
емъ знамени: „Ивѣсть Богъ“, Папство
представляется единственнымъ убѣжи-
щемъ, единственнымъ церковнымъ зна-
менемъ для устрашеныхъ Революціей
христіанъ Запада. Тогда какъ обще-
ству, заразившему плоть и кровь свою
революціоннымъ принципомъ, мысль че-
ловѣческая отказывается предугадать
исходъ, — для Папства, но сколько жива
еще въ немъ христіанская стихія, каза-
лось бы есть еще исходъ, и именно
тотъ, о которомъ говорить Тютчевъ. Но
само собой разумѣется, при современ-
номъ положеніи дѣла, вопросъ о воз-
соединеніи церквей, какъ и упоминается
въ письмѣ Тютчева, получаетъ иѣсколько
иное значеніе, чѣмъ соглашеніе догма-
тическихъ различій, хотя и опо копеч-
но необходимо. Возвращеніе къ древне-
церковному вселенскому единству воз-
можно для Рима лишь подъ условiemъ:
развѣнчанія себя какъ высшаго земнаго
авторитета, смиренія предъ вселенскимъ
единствомъ, отрѣшенія отъ всѣхъ мір-
скихъ атрибутовъ власти, возрожденія
въ духѣ братской любви и свободы
Христовой. Другаго спасительнаго ис-
хода для Рима и для западнаго хрис-
тиянства, безъ сомнѣнія; пѣтъ, но не
подлежитъ также никакому сомнѣнію
(какъ Тютчевъ и выразился вполнѣ опре-
дѣленно въ своей статьѣ), что этому
исходу долженъ предшествовать цѣлый
ужасающій рядъ потрясеній, превратно-
стей, бѣдствій...

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ статья
Тютчева мало кого убѣдила: Римскій во-
просъ ни западній, ни Русскій полити-
камъ вовсе не казался неразрѣшимымъ,
недоступнымъ какои либо сдѣлкѣ. Двад-

цать пять лѣтъ спустя, тѣ же политики уже
собирались было признать этотъ самый
вопросъ почти вполнѣ разрѣшеннымъ и
сдать его въ архивъ. Но, къ изумленію
ихъ, оказалось иное. Оказалось, что
противникъ, считавшійся пораженнымъ
на смерть, живучъ. Мы видимъ, что, за-
ключенный подъ стражею Италийскаго
единства, онъ потрясаѣтъ однимъ сво-
имъ бытіемъ могущественнѣйшую импе-
рию міра,—и потрясаѣтъ именно потому,
что папское знамя есть единое христі-
анскоѣ знамя на Западѣ... Тютчевъ
стъ страстнымъ вниманіемъ следилъ за
всѣми явленіями борьбы, за всѣми видо-
измѣненіями въ судьбѣ Рима. Двадцати-
пятилѣтній историческій періодъ, насту-
пившій по написаніи имъ своей статьи,
столь богатый событиями, былъ только
подтвержденіемъ основныхъ, разъяснен-
ныхъ Тютчевымъ, положеній Римскаго
вопроса. Не смотря на закоснѣлость
Папы и ультрамонтановъ въ заблуж-
деніяхъ Римской церкви, и даже бла-
годаря этой закоснѣлости, благодаря
тому, что Римская ложь обличила себя
собственными своими устами посред-
ствомъ Силлабуса и провозглашенія дог-
матовъ о непогрѣшиности, христіанская
совѣсть дрогнула у многихъ искренно-
вѣрующихъ католиковъ. Гонепія, на-
правленная теперь въ Германіи на като-
лическую церковь,—не па лживыя толь-
ко ся притязанія, но па саму ея прав-
ду, т. е. па неотъемлемыя и священныя
ея права, па ея свободу,—эти гоненія
будуть вѣроятно также способствовать
очищенію христіанскаго сознанія. Если
теперь западные католики, даже па
вѣрующіе въ догматъ о непогрѣши-
ности, считаются нужными становиться подъ
папское знамя, то тѣмъ па менѣ, въ
совѣсти этихъ самыхъ католиковъ, па
первомъ планѣ стоить интересъ вѣры,
угрожаемой опасностью,—а не вопросъ
о притязаніяхъ Папы. Поднимаются не

во имя угнетенного папы; а во имя угнетенной вѣры. А эта внутренняя, да- же не вполнѣ сознаваемая, происходя- щая въ совѣсти порестановка будеть имѣть послѣдствія нескончаемыя...

Почти на всѣ эти явленія Тютчевъ отозвался стихами и письмами. Мы счи- таемъ умѣстнымъ указать на нихъ здѣсь же; для того, чтобы читатель могъ видѣть весь кругъ пройденный его мыслью и обнять его церковно-историческое, христіанско міросозерцаніе во всей пол- нотѣ.

Вотъ какіе стихи вишила ему зна- менитая папская энциклика 1864 года:

Былъ день, когда Господней правды молотъ Громилъ, дробилъ ветхозавѣтныи храмъ, И собственнымъ мечемъ своимъ заколотъ, Въ немъ изыхалъ первосвященникъ самъ.

Еще страшнѣй, еще неумолимѣй
И въ наши дни, дни Божіяго суда,
Свершился казнь въ отступническомъ Римѣ
Надъ лженамѣстникомъ Христа.

Столѣтья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темпылъ дѣла;
По пе простится правдой Бога
Его послѣдняя хула.

Не отъ меча погибетъ онъ земнаго,
Мечемъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ;
Его погубить роковое слово:
«Свобода совѣсти есть бредъ».

А вотъ другіе, писанные въ 1867 г.,
едвали не по поводу кровавой схватки
Французскихъ и папскихъ солдатъ съ
Гарибальдійцами...

Свершается заслуженная кара,
За тяжкій грѣхъ, тысячелѣтній грѣхъ...
Не отвратить, не избѣжать удара,
И правда Божья видима для всѣхъ.

То Божіей правды праведная кара,
И ей въ отпоръ чью помошь ни зови,
Свершится судъ... и папская тіара
Въ послѣдній разъ купается въ крови.

Ф. И. Тютчевъ. 8.

А ты—ея носитель неповинный,
Спаси, тебя Господь и отрезви—
Молись ему, чтобы твои сѣдины
Не осиперились въ пролитой крови...

Созваніе и рѣшеніе Римскаго собора въ 1870 г. вызвало въ Русскомъ об- ществѣ, какъ извѣстно, сильные толки. Многіе признавали нужнымъ, чтобы Рус- ская церковь подала офиціально свой голосъ, или по крайней мѣре, чтобы было заявлено предъ западнымъ като- лическимъ міромъ Русское православ- ное мнѣніе. На приглашеніе изъ Моск- вы взяться за перо снова и выступить на эпакомое уже ему поприще, Тют- чевъ отвѣчалъ (по-русски) слѣдующимъ письмомъ отъ 13 Марта 1870 г.

Хотѣлось бы откликнуться на вашъ призывъ, но что-то не чертится... Силъ не хватить, а можетъ быть и то, что среди пѣтъ, той животворной, воодушевляющей среды, вѣтъ которой ничто невозможнo. Къ тому же мнѣ сдается, что было бы теперь не совсѣмъ своевременно для насъ, въ данную минуту, выступить на сцену... Слишкомъ рапо... Надобно дать развиться всѣмъ логически-неминуемымъ послѣдствіямъ того самоубийственнаго акта, который у насъ во очи совершается. Надобно дать полемикѣ въ католической средѣ ожесточиться до зарѣзу, т. е. до расколу... Я знаю, что явного официального раскола все таки не будетъ... Но вотъ что будетъ... Созывшая себя оппозиція, въ полночь сознаніи своего права, уже не будетъ пас- сивно, какъ прежде, относиться къ Рим- ской курії. Многое, до собора еще сущес- твовавшее, фактически уничтожено собо- ромъ. Никакое самообольщеніе теперь не- возможно,—и вмѣстѣ съ тѣмъ то прит- ворное, афектированное смиреніе предъ папскимъ авторитетомъ, котораго доселе придерживались самые исключительные, самые убѣжденные противники ультрамон- танскаго ученія... Полемика вступить въ

РУССКІЙ АРХІВЪ 1874 ГОДА.

новую фазу, но тутъ-то окажется вся юридическая несостоятельность оппозиції. Подъ нею вдругъ не станетъ почвы, и она очутится на краю лжы... Тутъ другаго для нея выбора быть не можетъ: или она отступится, т. с. покорится, чтѣ нѣвѣроятно: нельзѧ же предположить, чтобы въ нашъ именно вѣкъ изсякла въ католической средѣ та духовная струя, которая пронизала всѣ наслоенія романизма;— а если она не уступить, то въ очепь скромъ времени раздадутся, съ разныхъ сторонъ, голоса, которые заговорятъ о необходимости созванія настоящаго *вселенскаго собора...* Исходъ въ протестантство можетъ быть дѣломъ частныхъ, дѣломъ личностей; но нельзѧ же предположить, чтобы такой запачтительный церковный элементъ, со всѣми своими задатками и преданіями, вдругъ бы разсыпался и разлетѣлся на вѣтеръ... Это невозможно, — и предположеніе, что въ послѣднюю минуту вся эта западная церковная оппозиція ухватится за идею вселенской церкви, по моему, правдоподобнѣ... Вотъ эту-то минуту мы и должны выждать, чтобы вступить съ ними въ прямыхъ отношеніяхъ... Но все-таки стоять сложа руки не слѣдуетъ. Въ насъ самихъ, прежде всего, должно созрѣть и окрѣпнуть уразумѣніе вопроса, вполнѣ сознательное...

Можетъ быть, замѣтятъ, что Тютчевъ ошибся, не предвидѣвъ явнаго раскола тогда, какъ въ слѣдующемъ же году явились старо-католики съ своею программой. Но о старо-католичествѣ еще и теперь нельзѧ произнести рѣшительнаго сужденія: это скорѣе симптомъ начинавшагося разложенія, нежели самостоятельное, крѣпкое впутреннею силою явленіе, знаменующее новую церковную эру. Впрочемъ ипътию Тютчева о старо-католикахъ видно изъ вышеупомянутаго его письма къ Русской путешественницѣ въ Прагу... Гораздо замѣчательнѣе письмо, помѣщаемое нами ниже и диктованное Тютчевымъ въ Февралѣ 1873 года, ког-

да онъ лежалъ разбитый параличей, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины. Оно вызвано еще только извѣстіемъ о новыхъ церковныхъ законахъ, составленныхъ Прусскимъ министерствомъ и утвержденныхъ палатами, — стало-быть еще до начала тѣхъ преслѣдованій, которыми, съ такою смѣюю послѣдовательностью и Нѣмецкою добросовѣстностью, подвергли потомъ католическихъ епископовъ Прусскіе прѣтестантскіе чиновники. Еще до исхода войны 1870 года, предвидя торжество Пруссіи, Тютчевъ, по свидѣтельству барона Пфефеля, писалъ слѣдующее:

Торжество Пруссіи значитъ торжество прѣтестантізма, ставшаго синонимомъ раціонализма,— паденіе папства, угнетеніе совѣстей въ интересѣ безвѣрія, религіозное преслѣдоваше во имя цивилизації *)...

Вотъ письмо Тютчева отъ Февраля 1873 года, о которомъ мы сейчасъ упомянули,—этотъ почти уже замогильный голосъ. Приводимъ его въ подлинникѣ:

Ce qui me paraît le plus frappant dans l'état actuel des esprits en Europe, c'est le manque d'appréciation intelligente à l'endroit de quelques uns des faits les plus importants de l'époque contemporaine. Ainsi par exemple, à l'endroit de ce qui se passe en Allemagne: c'est pour la première fois depuis bien longtemps que le pouvoir se met si avant en guerre ouverte avec le principe chrétien ou avec l'Eglise. Sous prétexte de combattre une de ces tendances, telle que l'ultramontanisme ou le jésuitisme, on sent au fond de cette lutte la présence d'un élément antichrétien, et on se demande avec stupeur: d'où il vient? Rien

*) Прѣвоянан де bonne heure le triomphe de la Prusse, il ajoutait: «Ce sera le triomphe du protestantisme devenu synonyme du rationalisme, la chute de la Papauté, l'oppression des croyances au profit de l'incredibilité, et la persécution religieuse au nom de la civilisation.»

любивыхъ домогательствъ народовъ и королей, хотя никто не умѣлъ бы определить: какое количество квадратныхъ миль земли, какая цифра населенія и какая числительность войска даютъ право на имперскій титулъ. Тютчевъ, въ своихъ статьяхъ, ищетъ возвратить слову „Имперія“ его законный и реальный историческій смыслъ. „Имперія едина по своему существу“ говоритъ онъ далѣе, въ одной изъ своихъ замѣтокъ: это название, со всѣми своими атрибутами, по его мнѣнію, можетъ принадлежать законно только одной державѣ — Россіи.

Мы сочли нужнымъ теперь же, во избѣжаніе недоразумѣній, определить то значеніе, какое придается Тютчевымъ слову: l'Empire, и для этого забѣжали нѣсколько впередъ, предваряя постепенное разясненіе мысли автора въ послѣдующемъ рядѣ его черновыхъ замѣтокъ. Русское слово „царство“ шире смысломъ иностранныго слова слова „имперія“ въ Русскомъ употребленіи; царствами называетъ Библія древнія всемирныя монархіи, предшествовавшія Римской (Ассирийское, Македонское и пр.); царями именовала древняя Русь и Византійскихъ императоровъ; но это слово лишено обще европейскаго значенія, и сама Россія, при Петре Великомъ, перевела для Европы свое название „Царство“, допускающее всевозможное разширеніе смысла, словомъ „Имперія“, какъ назнаніемъ, выражаютимъ, по понятіямъ Европы, наивысшее государственное могущество. — Мы будемъ переводить встрѣчающееся у Тютчева слово: l'Empire, словомъ: „Имперія“ придавая ему установленный, объясненный нами смыслъ. Возвращаемся къ черновому наброску Тютчева обѣ Италии:

Чтѣ такое Имперія? Это уполномоченіе (*c'est une délégation*). — Права имъ сощаляемы. Эти права утрачиваются вмѣстѣ съ Имперіей. Это и произошло съ Римомъ....

Но такъ какъ престолъ Имперіи уже болѣе не въ Италии, то нѣтъ дозвѣ и повода для ея искусственного единства. Бѣней, съ полнымъ правомъ, возвращаются и ея независимость и ея мѣстная преданія.

Удаленіе Имперіи изъ Рима и перенесеніе ся на Востокъ, — это та христіанская данная, которую языческая данная старается отрицать (*c'est la donnée chrétienne, que la donnée païenne cherche à nier*). И вотъ почему эта послѣдняя и не разумѣеть истины въ положеніи Италии.

Италия возвращенная внутренней свободѣ, то лишенная Имперіи (*dépossée de l'Empire*), — Италия, лишенная Имперіи, но не способная обойтись безъ имперской власти. Имперская власть — это связка пуга (*c'est le lien du faisceau*). Отчего эта власть никогда не получила того объема, на который имѣла право?

Она была парализована Папствомъ.

Борьба Папства съ Имперіей, ея послѣдствія для Италии.

«Римское Папство и Германская Имперія. Оба — покорители власти, узурпаторы относительно Востока: сначала сообщники, потомъ враги. Италия — ихъ спорная добыча. Оттуда вся ея бѣдствія. Быстрый взглядъ на всю эту печальную исторію... Оба призываютъ въ Италию чужеземца, который въ ней и поселяется. — Папство, хотя и умаленное, все еще удерживаетъ Римъ — центръ мира. Имперія, обрушилась, завѣщаетъ Италию Австрійскому владычеству. Послѣдняя борьба. Австрія болѣе чужая, чѣмъ когда либо (*plus étrangère que jamais*). Италия раздираемая сильнѣе, чѣмъ когда либо.

По мѣрѣ сближенія Папства съ Австріей, дѣло (*la cause*) Итальянской независимости отождествляется все болѣе и болѣе съ дѣломъ Революціи. Величайшая опасность положенія.

Французское вмѣшательство въ интересъ Революціи способно лишь еще болѣе усилить эту опасность. Раздоръ, — внутренний

междоусобная борьба всѣхъ элементовъ.
Положеніе безвыходное.

«Единственный возможный выходъ:

«Возстановленіе Имперіи. Секуляризация Папства».

Могутъ возразить, что выходъ нашелъся, и не тотъ, какой указанъ Тютчевымъ, что свѣтская власть у Папы отнята, Италия объединена и наслаждается миромъ безъ возстановленія той имперіи, которую разумѣеть авторъ. Но даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о вѣрности выводовъ Тютчева, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что свѣтская власть Папы уничтожена только на фактѣ, путемъ насилия, а не въ принципѣ и не въ сознаніи католического міра; что единство Италии едва ли кто согласится признать дѣломъ рѣшеннаго. Италия съ споюмъ населеніемъ, совершенно равнымъ населенію Пруссіи, могла освободиться отъ чужеземца и объединиться только *благодаря Франціи и потомъ Пруссіи*,—благодаря ихъ побѣдамъ и пролитой ими крови: предоставленная сама себѣ, Италия ознаменовала себя пораженіемъ при Кустоццѣ. Она не въ состояніи создать никакой грозной военной силы и, не предъявляя никакихъ задатковъ серьезной политической жизни. Не усматривается никакой причины, никакого *raison d'être* быть ей единицою Монархіей. Но при отсутствіи элементовъ, способныхъ создать изъ нея крупный, исполненный значенія политическій организмъ, въ ней неизбѣжно гнѣздится элементовъ внутреннаго раздора, разрушительныхъ и революціонныхъ. Нельзя не вспомнить словъ Тютчева, что „Италия не можетъ обойтись безъ имперской власти, хотя сама лишена Имперіи,“ по тому поводу, что Имперія Французская дала ей настоящее бытіе, а Имперія Германская его довершила и доселъ поддерживаетъ: пошатнувшись Германская Имперія, и положеніе

Италии становится снова ненадежнымъ: собственными силами и средствами она жить не можетъ.

Въ отдельныхъ замѣткахъ Тютчева мы находимъ еще слѣдующія строки относительно Италии:

Есть дѣлъ вещи одинаково вообще ненавидимы въ Италии: *Tedeschi* и *Pretri* (Нѣмцы и Попы). Какая же держава была бы въ состояніи освободить Италию отъ тѣхъ и другихъ, не доставляя прибыли Революціи и не разрушая Церкви? Эта держава, если только она существуетъ, естественная покровительница Италии.

Не нужно, кажется, и объяснять, какую державу понимаетъ здѣсь Тютчевъ. Франція и Пруссія если и освободили Италию отъ *Tedeschi* и *Pretri*, то вмѣстѣ съ тѣмъ и усилили стихію революціонную,—не только антиклерикальную, но и антихристіанскую, или по крайней мѣрѣ антицерковную.

Другая замѣтка, имѣющая связь съ статьею о Римскомъ вопросѣ:

Есть только одна свѣтская власть (*rouvoir temporel*), опирающаяся па Вселенскую Церковь, которая могла бы преобразовать Папство, не разрушая Церкви. Такой власти никогда не существовало и не могло существовать на Западѣ. Вотъ почему всѣ свѣтскія власти Запада, отъ Гогенштауфеновъ до Наполеона, во всѣхъ своихъ распрахъ съ Папою, кончили тѣмъ, что пришли къ себѣ въ союзники принципъ антихристіанскій, какъ поступили и такъ называемые реформаторы, и по такой же причинѣ...

Это замѣченіе поразительно вѣрно: въ борьбѣ съ Папою, свѣтскимъ власть Запада не достаетъ настоящей точки опоры: противъ искаженного церковного принципа должно быть выставлено знамя высшаго истиннаго церковнаго начала, а его-то и недостаетъ... Но перейдемъ къ главѣ IV-ой: „Единство Германіи.“ Она также написана въ

формѣ программы, которую и приводимъ вполнѣ:

«Что такое Франкфуртскій парламентъ? Възрывъ Германіи идеологъ (l'Allemand-pensé idéologue). Германия идеологъ; ея исторія.—Военная идея (l'idée militaire),—это ея собственное твореніе. Она исходить не отъ массы, не изъ исторіи. Это доказывается уточнѣемъ, отсутствиемъ чувства дѣйствительности, въ которомъ никогда нѣть недостатка у массы, и всегда недостатокъ у книжниковъ.»

Это мнѣніе, можетъ быть и справедливое относительно затѣй Франкфуртскаго парламента 1848 года, которыми оно и вызвано, не представляетъ особыхъ интереса; но за то слѣдующія строки касаются самаго животрепещущаго изъ современныхъ вопросовъ:

Единство Германіи... Европейское обладаніе... Но гдѣ же условія для этого? Чѣмъ была старая Германская Имперія во времена своего могущества? Имперію, у которой душа была Римская, а тѣло Славянское (завоеванное у Славянъ, conquis sur les Slaves). Въ томъ, что было Нѣмецкаго, не содержалось материала необходимаго для Имперіи.

Междуду Франціей, которая повисла надъ Рейномъ, и Восточной Европой тяготѣющей къ Россіи, есть мѣсто для независимости, но нѣть мѣста для первенства... А такое политическое условіе бытія, почетное, но не дающее преобладанія, требуетъ федераціи и несомнѣнно сть единствомъ. Ибо единство, система объединяющая, предполагаетъ призваніе, а у Германии его уже нѣть! (car l'Unité, le système unitaire, suppose une mission, et l'Allemagne n'en a plus!)...

Но даже и въ этихъ тѣспыхъ предѣлахъ возможно ли для Германиіи органическое единство?

Дуализмъ присущій Германиіи. Имперія была заклипательною формулой, для него пред назначенію; но эта формула оказалась

недостаточною. Имперія осуществилась, но раздѣлившись между двумя: дуализмъ устоялъ и сквозь Имперію (l'Empire réalisé à deux: le dualisme persistant à travers l'Empire).

Имперія. То, что было ея душою, разбито Реформацией, и на оборотъ Реформацией освященъ дуализмъ. Тридцатилѣтня война дала ему организацію. Дуализмъ—ставшій нормальнымъ состоящемъ Германіи. Австрія—Пруссія. Такъ продолжалось и до нашихъ дней.—Россія, истина Имперія, присоюзивъ ихъ къ себѣ, усыпила антагонизмъ, но не упраздила его.—Съ устраненіемъ Россіи, возобновляется и война. Единство невозможно по принципу, потому что: съ Австріей—нѣть единства; безъ Австріи—нѣть Германиіи. Германиія не можетъ стать Пруссіей, потому что Пруссія не можетъ стать Имперіей. Имперія предполагаетъ законность: Пруссія же незаконна (avec l'Autriche point d'unité; sans l'Autriche—point d'Allemagne. L'Allemagne ne peut pas devenir Prusse, parceque la Prusse ne peut pas devenir Empire. Empire suppose légitimité: la Prusse est illégitime).

Имперія—инѣ (l'Empire est ailleurs). Покамѣстъ будутъ двѣ Германиіи. Это ихъ природное состояніе. Единство придется имъ извѣнѣ.

Въ числѣ отдѣльныхъ замѣтокъ есть слѣдующая замѣтка подъ заглавіемъ: «Единство Германиіи,» писанная также въ 1849 году.

Весь вопросъ объ единствѣ Германиіи сводится теперь къ тому: рѣшился ли Германиія стать Пруссіей... Само собою разумѣется, падобно, чтобы Германиія захотѣла этого добровольно. Потому что принудить ее силою Пруссія не въ состоянії. Чтобы принудить силою—имѣются только два средства: революція—средство невозможное для законнаго правительства; завоеваніе—невозможно по причинѣ сосѣдей.

Съ другой стороны Прусскій король, по самому свойству своего происхожденія,

никогда не можетъ быть императоромъ Германскимъ. Почему же это? По той же причинѣ, почему Лютеръ никогда бы не могъ сдѣлаться папой...

Слѣдуетъ ли, въ виду совершившихся фактовъ, признать соображенія и выводы Тютчева ошибочными?... По видимому сбылось именно то, что ему казалось несбыточнымъ: вопреки его словамъ, Германское единство состоялось, и состоялось именно безъ Австріи и посредствомъ Пруссіи, и императоромъ Германскимъ сталъ никто другой, какъ Прусскій король... Дѣйствительно Тютчевъ въ 1848 году, не предвидѣвъ сбытій ни 1866 г. ни 1870 года: „состѣди“ не помѣшили „завоеваніемъ“ Пруссіи. Онъ упустилъ, можетъ быть, изъ виду логическую необходимость для протестантскаго рационализма дойти, въ послѣдовательности своеи развитіи, до *реальної* своего выраженія въ государственной формѣ, — проявить паружу всю свою зиждительную силу, сколько ся у него имѣется. Взоръ Тютчева былъ очевидно устремленъ только на конечные результаты, не останавливаясь на возможныхъ промежуточныхъ случайностяхъ, способныхъ, по его мнѣнію, только задержать, но не отвратить развязку. Да и самое смѣлое воображеніе едва ли въ то время отважилось бы даже предположить картину тѣхъ ужасовъ, какихъ мы были зрителями въ 1866 году. Можно ли было ожидать, во второй половинѣ XIX вѣка, такого беззастыдничаго нарушенія трактатовъ, договоровъ, связей, однимъ словомъ всѣхъ гарантій общественнаго бытія, какія придуманы пресловutoю Европейскою цивилизаціей? Мыслила ли была внутренняя междуусобная, кровавая война въ мирной, просвѣщенной, многоученой и книжной Средней Германіи, гдѣ, казалось, каждая пушка упирается лифтомъ въ какой нибудь университетъ, а

дуломъ въ музей, библіотеку, академію?

Германия новидному объединилась и славить свое единство. Но на такое объединеніе не было того *добровольного согласія*, которое считалъ Тютчевъ необходимымъ. Она объединилась, выкинувъ за бортъ Австрію, но вмѣстѣ съ Австріей и Нѣмецкій элементъ Австрійской монархіи, сплыны не столько численностью, сколько историческими предпосылками и своимъ значеніемъ исторического политического центра для католического населения Германіи. Германская новѣйшая Имперія возникла не организки, но чрезъ завоеваніе. Она скрѣплена не нравственными узами, не тяготѣніемъ, свободнымъ и естественнымъ, частей къ центру, а „кровью и желѣзомъ“. „Кровь и желѣзо“ возведены ею въ принципъ, оправданы теоріею, поставлены на рациональныя основы. Ею не только проявлено па фактѣ, но и провозглашено какъ руководящее начало: право сильнаго. Наконецъ, по роковому закону логики, Германская Имперія объявляетъ сама себя несомнѣнною съ свободою вѣрующей совѣсти и съ церковною стихіей христіанского общества, и пытается снова закрѣпостить освобожденную христіанствомъ человѣческую личность, снова поработить христіанскій міръ языческому государственному принципу. На такомъ отрицанії всѣхъ нравственныхъ организическихъ началъ не можетъ быть созиждено ничего прочнаго, — но смотря и на какую грозную вещественную силу, и на какую бесподобную послѣдовательность рационализма. Напротивъ, именно въ силу этой послѣдовательности, — непримѣнного свойства рационализма, — результаты внутренняго противорѣчія, которымъ проникнуто насквозь насилиственное Германское единство, не замедлятъ оказаться наружу. „Антагонизъ — повторимъ слова Тютчева —

только былъ усыпленъ, но не упраздненъ"...

Можетъ быть пройдетъ и не мало времени, прежде чѣмъ протестантскій рабоціонізмъ докажетъ и въ мірѣ политическомъ такую же свою энцикліческую несостоітельность, какую проявилъ въ мірѣ духовномъ,—но настоящая историческая полоса, въ которую встушила Германія, по нашему мнѣнію, нисколько не колеблеть чи основныхъ положеній, ни выводовъ Тютчева относительно будущности имперскаго единства Германіи.

Набросокъ V главы заключаетъ въ себѣ слѣдующую программу статьи объ Австріи:

Какое было значеніе Австріи въ прошломъ? Она выражала фактъ преобладанія одного племени надъ другимъ (*le fait de la prédominance d'une race sur une autre*): племени Нѣмецкаго надъ Славянскими. Какъ было возможно такое явленіе? При какомъ условіи?... Объясненіе этого явленія—объясненіе историческое—только династическое (*son explication historique, seulement dynastique*).

Фактъ Нѣмецкаго преобладанія надъ Славянами — ослабленный (*infirme*) Россіей — уничтоженный послѣдними событиями....

Тютчевъ писалъ это въ 1849 году, и по свойству своей мысли переносялся, чрезъ времена и лѣта, къ крайнему исходу опознанного его анализа положенія дѣла. Начало уничтоженія Нѣмецкаго господства надъ Славянами онъ видѣлъ, какъ мы знаемъ изъ одной отдаленной замѣтки и изъ напечатанныхъ его статей, въ событиї Венгерской войны, во вмѣшательствѣ Россіи во внутреннія дѣла Австріи, въ помощи окованной Россіей Хорватамъ и Сербамъ, возставшимъ противъ готовившагося имъ Мадьярскаго ига.

Что такое Австрія теперь и чѣмъ она думаетъ быть?.. Ставши конституціонною,

Австрія провозгласила *Gleichberechtigung*, равноправность для различныхъ народностей... Какое же ся значеніе? Система ли это общаго нейтралитета? Или чистое отрицаніе? Но существованіе большой державы, основанное на отрицаніи, возможно ли? Законъ конституціонный—законъ большинства, а такъ какъ большинство лѣ Австріи Славянское, то стало быть Австрія—Славянское Будущее (*l'Avenir slave*)? Правдоподобно ли это, возможно ли даже?

Можетъ ли Австрія перестать быть Нѣмецкою, не переставъ быть вообще?... Отношенія между обоими племенами—политическая и физиологическая. — Нѣмецкій гнетъ не только гнетъ политической, но во сто разъ хуже, ибо истекасть изъ той мысли, что преобладаніе Нѣмца надъ Славяниномъ—право естественное. Отсюда неразрѣшимое недоразумѣніе и вѣчная неспавнистъ. Слѣдовательно — невозможность искречной равноправности... Такимъ образомъ провозглашенное *Gleichberechtigung* только обманъ.

Австрія — держава Нѣмецкая и остается Нѣмецкою. Что изъ этого выйдетъ? Непрестанная междуусобная брань различныхъ не-Нѣмецкихъ народностей съ Нѣмецкими Вѣнами, также какъ и самихъ этихъ национальностей другъ съ другомъ, при посредствѣ конституціонной законности. И такимъ образомъ Австрійское господство, вместо того чтобы быть гарантіею порядка, послужить только закваскою для революціи.—Славянскія населенія — вынужденныя стать *революціонными*, ради охраненія своей национальности противъ Нѣмецкой власти....

Венгрия. Въ кругу Имперіи Славянской, она бы, вполне естественно, удольствовалась тѣмъ подщачальнымъ мѣстомъ, которое ся указывается самимъ ся положеніемъ,—но согласится ли она отъ Австріи принять тѣ условия бытія, въ которыхъ послѣдняя замышляетъ ее поставить?...

Важныя затрудненія,—опасности про-

истекающій отсюда для Россіи,—наконецъ совершился для нея нестерпимость такого положенія (finalement impossibilité résultant de tout ceci pour la Russie).

Послѣ этого возможна ли Австрія? и для чего бы ей существовать?

Послѣднее размышленіе.

Австрія въ глазахъ Запада не имѣть другой цѣли, какъ быть *антирусскою* идею, — противодѣйствіемъ Россіи («*a d'autre valeur qu'une conception anti-russe*»), а между тѣмъ ей и существовать нельзя безъ помощи Россіи...

Въ отдельныхъ замѣткахъ Тютчевъ говорить въ томъ же смыслѣ:

Австрія не имѣть болѣе причины для бытія (taison d'être). Было сказано: «Еслибы Австрія не существовала, нужно было бы ее выдумать», — а за чѣмъ? Затѣмъ, чтобы создать изъ нея орудіе противъ Россіи? Но событія только что доказали, что сопротивление, дружба, покровительство Россіи — условіе жизни для Австріи...

Событія не перестаютъ доказывать эту истину и теперь. Внутренній миръ Австріи зависитъ вполнѣ отъ Россіи. Нѣть силы способной заклясть эту зависимость, кроме доброй воли самой Россіи; потому что такое положеніе дѣлъ искажаетъ изъ естественныхъ ея свойствъ, какъ единой Славянской державы. Отдались отъ Россіи, Австрія потеряла Италию и свое мѣсто въ Германіи. Она вновь ищетъ сближенія съ Россіею, т. е. ищетъ ограды противъ нового раздробленія извѣнѣ и домашнихъ междуусобій. Весь внутренній строй бытія этого государства характеризованъ Тютчевымъ еще въ 1849 году такъ вѣрно, что къ этой характеристикѣ и въ наше время прибавить рѣшительно нечего, кроме того, что положеніе Австріи ухудшилось, и что вопросъ Славянскій и вообще вопросъ о національностяхъ въ этой несчастной монархіи еще ярче явилъ

свою неразрѣшимость, несмотря на всю отчаянную эквилибристіку государственныхъ правителей. Австрія перестаетъ или уже перестала сама въ себя вѣрить. Вопросъ о существованіи Австріи, той Австріи, какую мы знаемъ, есть очевидно только вопросъ времени. Ея жизнь, если не спасти, то по крайней мѣрѣ продлить могло бы еще только открытое и искреннее признаніе себя христіанскимъ центромъ для Запада, оплотомъ церковной стихіи въ Европѣ, — но она упускаетъ изъ рукъ и эту единственную точку опору, увлекаемой антихристіанскимъ и революціоннымъ элементомъ Европейской цивилизациі. Какая же судьба ея Славянскихъ племенъ?... Свое „послѣднее размышленіе“ объ Австріи Тютчевъ заканчиваетъ слѣдующими словами:

Такое положеніе пытаетъ ли задатки жизни (т. с. служить, по мысли Запада, противодѣйствіемъ Россіи и жить только при помощи Россіи)? Вопросъ для Австрійскихъ Славянъ сводится къ слѣдующему: или остаться Славянами, стать Русскими, — или же стать Нѣмцами, оставаясь Австрійцами (*ou rester Slaves en devenant Russes, — ou devenir Allemands en restant Autrichiens*).

Послѣдняя фраза вызоветъ, мы знаемъ заранѣе, цѣлую тучу недоразумѣній, возражений и возгласовъ, преисполненныхъ либерального негодованія. Автора обвинять заднимъ числомъ въ панславизмѣ старой руки, въ узкости взгляда, въ завоевательныхъ замыслахъ, въ желаніи прикрѣпить къ Россіи всѣхъ Славянъ Австрійской имперіи. Такое обвиненіе будетъ совершенно ошибочно, — хотя конечно Тютчевъ никогда не раздѣлилъ тѣхъ воззрѣй на Славянскую политическую будущность, которыхъ въ такомъ ходу у вождей Чешской национальной партіи и у такъ называемой „интелигенціи“ прочихъ Славянскихъ народ-

постей... Мы уже приводили выше одно письмо Тютчева къ Русской дамѣ въ Прагу, по поводу Славянъ. На основании этого письма и на основаніи другихъ данныхъ, мы можемъ удостовѣрить, что Тютчевъ подъ словомъ „стать Русскимъ“ вовсе не разумѣеть ни государственного закреѣщенія, ни обрученія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Употребивъ это выраженіе, въ чернотой замѣткѣ, для краткости, онъ дасть ему тотъ смыслъ, что Славяне или должны стать гражданами Греко-Славянскаго міра, котораго душою, безъ сомнѣнія, можетъ быть и есть только Россія,—или же погибнуть прежде всего духовно, т. е. утратить свою нравственную народную самостоятельность. Мы впрочемъ уже и выше излагали сущность мышленія Тютчева, состоящую въ томъ, что Славяне неправославные могутъ счастли в себѣ Славянскую народность только подъ условіемъ возвращенія къ православію: то есть возстановленія единства и общенія церковного со всѣмъ православнымъ Востокомъ или, собственно говоря, съ Россіей. Только *тогда*, а не иначе, могутъ они надѣяться пріобщиться и къ судьбѣ Россіи, — а вѣдь только Россіи, по сознанію самого Запада, принадлежитъ будущность... Въ противномъ случаѣ, упорствуя въ сохраненіи латинства или протестантства, они естественно *обрекаютъ* себя судьблѣ Западной Европы, съ которой они и безъ того связаны своею исторіею и цивилизаціей,—судьблѣ народовъ католическихъ и протестантскихъ, въ которой только слѣпецъ можетъ не видѣть логическое развиціе двухъ міровыхъ факторовъ, двухъ пра-
вительственныхъ началь: церковно-Римскаго и Нѣмецко-протестантскаго. Слѣдовательно, отказываясь отъ объединенія съ Россіею въ вѣрѣ, Западные Славяне сами *отказываютъ* себѣ участія, подготовленную Западу принципомъ Римскаго церковного

авторитета и принципомъ Реформаціи,—т. е. рационализмомъ съ его крайнимъ выражениемъ въ Революціи и въ новѣйшей Германской имперіи. Эту ли участіе жаждутъ раздѣлить съ западными виноплеменниками Австрійские Славяне? Если же яѣтъ, то на какую иную участіе могутъ они надѣяться, съ такою гордостью отчурась Россіи? Не могутъ же они вообразить, что, допустивъ въ свою жизнь причины *общія* со всѣмъ Западомъ, они однакоже застрахованы отъ *общихъ* послѣдствій; что ииъ одниимъ удастся спастись среди исторического стремительного потока, охватывающаго Западную Европу, и создать себѣ свою особенную политическую будущность,—создать притомъ съ помощью не какихъ либо новыхъ, а старыхъ же, Европейскихъ же, элементовъ, и не во имя какого либо высшаго духовнаго начала, а только во имя виѣшней пламенной индивидуальности и филологического различія? Если даже Славяне и мечтаютъ о какой либо федераціи могущей возникнуть на развалинахъ Австріи, то мыслимо ли, чтобы эта федерація могла существовать ея собственными средствами виѣ объединяющаго центра—Россії? Однимъ словомъ, вопросъ для Западныхъ Славянъ ставится просто и прямо: или объединеніе съ Россіею, или объединеніе полное и окончательное съ Западною Европою, т. е. утрата Славянской национальности. При этомъ „объединеніе съ Россіею“ вовсе не означаетъ ни бунта, ни другаго какого либо насилиястического дѣйствія относительно Австрійскаго правительства; оно предлагаются Тютчевымъ вовсе не въ видѣ настоящей практической иѣры: оно требуетъ только въ области Славянскаго самосознанія,—къ тому же прежде всего какъ объединеніе духовное, или точнѣе церковное. Вотъ что писалъ Тютчевъ въ письмѣ къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой отъ 6 Декабря 1871 года въ Прагу.

Шопатно, что въ Прагѣ не очень удовлетворены нашимъ политическимъ образомъ дѣйствій относительно Славянъ. Даже и здѣсь на мѣстѣ онъ возбуждаетъ въ насъ, и во мнѣ не изъ послѣднихъ, истерпѣніе и досаду. Конечно было бы очень желательно, чтобы въ официальныхъ сферахъ нашей политики существовало разумѣніе нашихъ отношений къ Славянамъ болѣе истинное, болѣе сознательное, болѣе национальное. А между тѣмъ, вѣрьте, позади всего этого невѣжества и всего этого проявленія слабости, есть, даже почти и скрытое, Провидѣніе. Въ виду послѣднихъ совершившихся обстоятельствъ, наше официальное воздержаніе всего лучше служить великому дѣлу, дѣлу Славянъ столько же, сколько и нашему. Болѣе прямое вмѣшательство съ нашей стороны ускорило бы столкновеніе, и это столкновеніе, въ случаѣ схватки, мало теперь вѣроятной, привело бы не то что къ преждевременнымъ родамъ, а къ положительному выгидышу... Въ настоящій часъ Россія, по отношенію къ Западу, по отношенію особенно къ Германіи, оказываетъ большую услугу Славянскимъ интересамъ своимъ всемогущес-ственнымъ бездѣйствіемъ, чѣмъ какую могла бы оказать рѣшительнымъ дѣйствіемъ, которое теперь только бы прервало существенное дѣло Россіи, дѣло только еще начатое, объединенія и ассимиляціи. Помимо всякой дѣятельности официальной, самому Русскому обществу, той его сторонѣ, которая всего болѣе независима и патриотична, слѣдуетъ теперь способствовать довершению этого важнаго дѣла, умножая всѣми возможными мѣрами взаимныя съ Славянами спошения: въ области церковной, въ искусствахъ, художествахъ, — однимъ словомъ всякого рода общеніе: оно только одно можетъ принять къ Россіи разсѣянныхъ членовъ великой семьи. То, что я говорю, совсѣмъ не ново; но если оно поймется широко и приложится къ дѣлу разумно и съ убѣж-

деніемъ,—то въ немъ вся сущность задачи. Великанъ, огромная служба, которую мы, своимъ образомъ дѣйствій, служимъ теперь Славянамъ, заключается въ предохраненіи ихъ отъ всякого вмѣшательства извнѣ, отъ всякого чужеземного пащест-вія,—въ обеспеченіи имъ всѣхъ шансовъ fair-play, какъ говорятъ Англичане. Цашъ договоръ, по лхъ поводу, напоминаетъ нѣсколько договоръ Господа съ дьяволомъ по поводу вѣрнаго раба Іова: дьяволу хоть и дозволено было тѣснить и мучить Іова всичскія, но подъ условіемъ не взы-ваться его души... А такъ какъ Россія, будучи тѣмъ что она есть, самою сдержанностью свою налагаетъ всѣмъ другимъ уваженіе къ международному праву, то будьте увѣрены: ни одна частичка Славян-скаго племени, въ Турціи ли или въ Австріи, не можетъ уже отнынѣ политически погибнуть, т. е. лишиться своей народности (*se dénationaliser*), *только чтобъ умѣла и хотѣла бороться...* Это положительно...

Кажется это письмо служить достаточнымъ комментаріемъ къ вышеприведеннымъ строкамъ V главы, и выставляетъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ. Намъ думается, что данная Тютчевымъ постановка вопроса не допускаетъ даже и возраженія,—потому что вопросъ сводится собственно къ тому: хотѣть ли Славяне остаться Славянами или иѣть? Здѣсь кстати привести слѣдующія строфы изъ его прекрасного стихотворенія къ Славянамъ по случаю Славянскаго съзыва въ Россіи въ 1867 году.

Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здѣсь не гости, вы—*свои!*

Вы дома здѣсь, и больше дома,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей,—
Здѣсь, где господство не знакомо
Иноязыческихъ властей!

Здѣсь, гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ, одинъ для всѣхъ,
И не считается Славянство
За тяжкій первородный грѣхъ...

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы — пародъ единыи,
Единої матери сыны!

Но все же братья мы родные...
Вотъ, вотъ чтѣ ненавидятъ въ часъ:
Вамъ — не прощается Россія,
Россіи — не прощаютъ васъ....

Давно на почвѣ Европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась.

Для цихъ — законъ и равноправность,
Для настъ — насилие и обманъ,
И закрѣпила стародавность
Ихъ какъ наслѣдіе Славянъ...

Опалью-мировое племя,
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розы и невзгодъ,

И гряшетъ кличъ къ объединеню
И рухнетъ то, что дѣлить настъ?..
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему известны день и часъ...

И эта вѣра въ правду Бога

Ужъ въ нашѣй ис умретъ груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди...

Онъ живъ — Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ,
И слово — царь-освободитель —
За Русскій выступитъ предъ мною!

Въ этихъ строфахъ выражена задушевная дума всей жизни Тютчева,— также самая, чтѣ и въ черновой его рукописи, — съ тою разницею, что въ послѣдней онъ чертилъ себѣ самые отдаленные, конечные логические выводы

изъ основныхъ положеній. Въ томъ же 1867 г., по случаю того же съѣзда, онъ сдѣлалъ слѣдующую приписку въ посланіи къ Ганкѣ, писанной еще за границей:

Такъ взыпалъ я, такъ гласилъ я.
Тридцать штвѣтъ съ тѣхъ поръ ушло:
Все упориѣ насилие,
Все назойливѣе зло.

Ты, стоящий днѣсь предъ Богомъ,
Мужъ добра, святая тѣшь —
Будь вся жизнъ твоя залогомъ,
Что придетъ желанный день,

За твое же постоянство
Въ нескощаемой борьбѣ,
Первый праздникъ *всеславянства*
Приошеньемъ будь тебѣ!

Возвращаемся снова къ предположенному Тютчевымъ сочинѣнію: „Россія и Западъ,” — именно къ главѣ: „Россія и Наполеонъ”, т. е. Наполеонъ I. Хотя она въ рукописи поставлена VII-ю, а не VI-ю, однако мы считаемъ удобнѣе, при нашемъ изложеніи, измѣнить этотъ порядокъ, руководясь общимъ ходомъ его мысли, который состоитъ, кажется, въ томъ, чтобы сначала раскрыть истинное политическое положеніе западныхъ странъ и неизбѣжную, роковую связь ихъ судебъ съ судбою Россіи, — за тѣмъ уже опредѣлить значеніе и призваніе Россіи, самой въ себѣ. Къ наброску о Наполеонѣ мы присоединяемъ и отдѣльные замѣтки.

Реторика по поводу Наполеона — говорить Тютчевъ — заслонила историческую дѣйствительность, смысла которой не поняла и поэзія. Это центавръ, который одною половиной свою тѣла — Революція... Исторія его помазанія на царство (*l'histoire de son sacre*) — символъ всей его исторіи. Онъ хотѣлъ въ своемъ лицѣ миропомазать (*sacer*) Революцію, чтѣ и претворило его царствованіе въ *пародію* серьезного свойства, въ пародію Карла Великаго. Ему

недоставало сознанія своего права, и вотъ отчего онъ всегда игралъ роль: именно эта прымѣсь сутиности (*ce quelque chose de mondain*) и отнимаетъ всякое величие у его величія. Попытка возобновить Карла Великаго была не только анахронизмомъ, какимъ она была и для Людовика XIV и для Карла V,— но сама въ себѣ зазорнымъ противорѣчіемъ (*un scandaleux contre-sens*), ибо она производилась во имя власти—Революції—которая самое существенное свое призваніе поставила именно въ томъ, чтобы стереть всякой слѣдъ, до послѣдняго, отъ творенія Карла Великаго.— Революція убила Карла Великаго; Наполеонъ хотѣлъ его передѣлать. Но со времени появленія Россіи, Карлъ Великій уже сталъ невозможенъ. Отсюда неизбѣжное столкновеніе между Россіею и Наполеономъ.

Противорѣчія въ его чувствахъ относительно Россіи. Влечеіе и отвращеніе. Если бы онъ и хотѣлъ раздѣлить съ нею Имперію, онъ не могъ бы этого сдѣлать. Имперія—принципъ, она недѣлима (*L'Empire est un principe, il ne se partage pas*).... (Если исторія Эрфуртскаго свиданія вѣрна—то это была минута величайшаго уклоненія путей Россіи). Замѣчательно: личнымъ врагомъ Наполеона была Англія, а сокрушился онъ объ Россію: потому что истиннымъ его противникомъ была она. Борьба между нимъ и ею была борьба между вѣнчанною Революціею и законной Имперіей.

Революція 1789 года—была разложениемъ Запада. Она разрушила его политическую автономію (*l'autonomie de l'Occident*). Она убила на Западѣ власть внутреннюю, туземную, и вслѣдствіе этого преклонила его подъ власть чужую, вѣнчанную. Ибо никакое общество не можетъ обойтись безъ власти; вотъ почему всякое общество, не способное извлечь ее изъ собственныхъ нѣдѣй, осуждено, инстинктомъ самосохраненія, заимствовать ее извѣй.— Наполеонъ выражаетъ послѣднюю отчаянную попытку Запада создать себѣ тузем-

ную власть (*rouvoir indigène*); эта попытка рушилась неизбѣжно, ибо невозможно извлечь принципъ власти изъ принципа революціоннаго. А Наполеонъ былъ самъ вощающіемъ этого принципа и не могъ быть ничѣмъ инымъ.

Хотя Тютчевъ въ началѣ 1849 года и не предвидѣлъ еще другаго Наполеона, но и 18-лѣтнее существованіе во Франціи второй Имперіи нисколько не измѣнило постановки вопроса, которая относительно народовъ Романскаго происхожденія и Римско-католическаго исповѣданія намъ кажется безусловно правильпою. Франція и Испанія истощаются въ попыткахъ создать у себя прочную власть и являются міру свою совершенную несостоятельность въ разрешеніи этой задачи. Да впрочемъ, такая задача—найти въ революціонномъ элементѣ основу для неизыблемаго авторитета власти—помудренѣе, чѣмъ задача о квадратурѣ круга. Могутъ явиться и новые Наполеоны,—на короткій срокъ цезаризмъ будетъ сильнѣться республикой и обратно—республика цезаризмомъ, король Амедей Альфонсомъ или республиканскими формами той или другой литературной системы: не измѣнится только, въ своемъ существѣ, единое державствующее въ этихъ странахъ начало,—революціонное; оно и дойдетъ неминуемо до крайняго предѣла своего развитія. О судьбѣ Италии мы уже говорили выше: она и теперь въ существѣ, а въ будущемъ и подавно, лишена самостоятелія политического значенія. Призовутъ ли эти страны власть извѣй, или же просто будутъ покорены Германскому племени, увлекаемому въ своихъ судьбахъ роковою послѣдовательностью своего нового политического девиза (потому что „Имперія“ не просто титулъ, а принципъ и преданіе, невольно и безсознательно усвоиваемыи съ титуломъ)—объ этомъ гадать теперь труд-

но. Несомнѣнно одно: совершенное оскудѣніе въ политическихъ тѣлахъ Романского племени внутренней зиждительной, политической силы.—Вопросъ можетъ еще считаться, такъ сказать, открытымъ относительно одной Германіи. Повидлиму, есть поводъ замѣтить, что Тютчевъ недостаточно взвѣсилъ внутрешию зиждительную силу племени Германскаго, не на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы предвидѣть заранѣе возможность той исторической фазы, въ которую вступила теперь Германія съ созданіемъ новой Германской Имперіи. Но эта историческая фаза не въ силахъ измѣнить ни основнаго положенія Тютчева, ни логическихъ изъ него выводовъ относительно конечной судьбы протестантскаго рационализма, духомъ котораго порождена и движется эта Имперія,—какъ это уже и было объяснено.

Главу о Наполеонѣ и Россіи Тютчевъ заканчиваетъ слѣдующими строками.

Онъ самъ, на подобіе древнімъ (*à la manière antique*) пророчествовалъ о ней: «она увлекаема рокомъ; да свершатся же ей судьбы...» *).

Онъ самъ на рубежѣ Россіи,
Проникнуть весь предчувствіемъ борьбы,
Слова промолвилъ роковыя:
«Да сбудутся ея судьбы!!!»

И не напрасно было заклинанье:

Судьба откликнулась на голосъ твой;
И самъ же ты, потомъ, въ твоемъ из-

гнаніи,

Ты пояснилъ отвѣтъ имъ роковой...

Здѣсь Тютчевъ приводить свои собственныя стихи о Наполеонѣ, написанные, кажется, еще въ 1841 году, но приводить ихъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они были известны и напечатаны. Въ печати читаемъ:

* Слова о Россіи, приписываемыя Наполеону при переправѣ чрезъ Нѣманъ.

И ты стоялъ,—передъ тобой Россія,
И вѣцій волхвъ, въ предчувствіи борьбы.
Ты самъ слова промолвилъ роковыя,
и проч.

Здѣсь измѣненія совершеншо цезианчиціи и вѣцій,—по измѣненію существенное въ слѣдующихъ двухъ стихахъ. Напечатано:

Но новую загадкою въ изгнаніи
Ты возразилъ на отзывъ роковой...

Эта загадка разрѣшилась для Тютчева въ положительный „отвѣтъ“: двою идетъ обѣ извѣстныхъ словахъ Наполеона, сказанныхъ на островѣ Св. Елены: *dans cinquante ans l'Europe sera révolutionnaire ou cosaque*,—чрезъ 50 лѣтъ (счетъ годовъ здѣсь не важенъ) Европа будетъ или революціонною, или окозачедною, т. е. подъ рукою Россія...

Перейдемъ къ главѣ: „Россія“. Вотъ она вся:

Люди Запада судящіе о Россіи — это что-то въ родѣ Китайцевъ судящихъ обѣ Европѣ, или скорѣе Грековъ судящихъ о Римѣ.

Таковъ, кажется, законъ историческій: никогда никакое общество, никакая цивилизациѣ не понимали того общества, той цивилизациѣ, которымъ должны были ихъ замѣстить. Чѣдѣ еще болѣе вводить въ заблужденіе — это западная колонія образованыхъ Русскихъ, въ которыхъ отдастъ Западу его собственный голосъ. Это насмѣшка эхо... (*c'est la colonie occidentale des Russes civilisés, qui leur (aux Occidentaux) renvoient leur propre voix... La moquerie de l'écho*).

Для Запада, который до сихъ поръ видѣтъ въ Россіи только материальный фактъ, только вещественную силу,—Россія есть дѣйствіе безъ причины (*un effet sans cause*). То есть идеалисты — они не узнаютъ идеи; учёные и философы — они въ своихъ историческихъ возврѣніяхъ упустили цѣлую половину Европейскаго

міра. Однакоже откуда явлењется въ нихъ, предъ лицомъ этой чисто вещественной будто бы силы, какое-то особенное ощущеніе, нечто—среднее между уваженіемъ и страхомъ, чувство называемое поанглійски *awe*, которое испытываютъ только относительно верховной авторитетной власти (*le sentiment de l'awe, qu'on n'a que pour l'Autorité?*)? Здѣсь опять инстинктъ разумнѣе науки. Чѣмъ такое Россія? Чѣмъ представляеть собою она? Дѣвѣ вещи: Славянское племя—Православную Имперію.

1) *Шлемъ...* Панславизмъ, ставшій до-
стоењемъ революціонной фразеологии. Употребленіе во зло понятія о национально-
сти,—маскарадный костюмъ для Револю-
ціи. Панслависты литературные такие же
точно Нѣмецкіе идеологи. Настоящій пан-
славизмъ (*le panslavisme r  el*) въ массахъ.
Онъ проявляется при встрѣчѣ Русскаго солдата съ первымъ попавшимся Славя-
ниномъ изъ простонародья, Словакомъ,
Сербомъ, Болгариномъ,—и даже Мадья-
ромъ: они всѣ солидарны между собою по
отношенію къ Нѣмцу.

Панславизмъ также и въ этомъ:

Не можетъ быть никакой для Славянъ политической национальности вѣдь Россіи.

Здѣсь самъ собою ставится вопросъ *Польскія*.

Польскій вопросъ рѣшался для Тютчева степенью вѣрности Польскаго на-
рода Славянской народности и Славян-
скимъ церковнымъ, т. е. восточнымъ
или вселенскимъ преданіямъ. Но изо
всѣхъ вѣтвей Славянского племени,
Польская сильнѣе всѣхъ отторглась отъ
Славянскаго братства,—отрекшись отъ
существеннѣйшихъ стихій Славянства,
измѣнивъ духу Славянскому, предав-
шись на сторону Запада, принявъ въ
душу, въ кровь и плоть своей нацио-
нальности, латинство и такимъ образомъ
связавъ свою судьбу съ судьбою всего
латинствующаго западнаго міра. Като-

ники вирочемъ не одни Поляки, а также и Чехи, и Хорваты; по у Чеховъ былъ Гусъ; гусситствомъ только и сбереглась и опредѣлилась Чехія, какъ Славянская земля; у Хорватовъ же до сихъ поръ, особенно въ простомъ народѣ, чрезвычайно живы преданія православія. Во сколько Славяне искренніе католики, во столько они, иногда сами того не понимая, отступники Славянскаго духа: отъ Славянства имъ остается только одно: племенное кровное чувство—но на такомъ скучномъ, грубомъ, *физиоло-
гическомъ* основателіи ничего не соз-
дается, ничего и не можетъ быть создано.
Вопросъ о Польшѣ сводится къ вопросу:
въ какой степени способна она стать
снова Славянскою и православною? Это
для менѣ вопросъ жизни и смерти.

Продолжаемъ изложеніе программы Тютчева.

2) *Имперія.* Вопросъ племенной (*la question de race*), только второстепенный, или вѣрнѣе: это не прищишъ, а стихія (*  lement*). Прищишъ: православное преданіе.

Россія еще болѣе православная, чѣмъ Славянская земля. Собственно какъ *православная*, и является она залогохрани-
тельницею *Имперіи* (*la Russie est orthodoxe plus encore que slave. C'est comme orthodoxe qu'elle est d茅positaire de l'Empire*).

Чѣмъ же такое *Имперія?* Ученіе объ Имперіи (*doctrine de l'Empire*).

Имперія не умираетъ; она передается. Дѣйствительность этой передачи.—Четыре Имперіи—были; пятая—окончательная (*d茅finitive*). Такое преданіе отрицаются революціонною школою на томъ же основації, какъ отрицаются преданіе въ Церкви: это Индивидуализмъ отрицающей Исторію, а между тѣмъ идея Имперіи была душою всей исторіи Запада: Карлъ Великій, Карлъ V, Людовикъ XIV, Наполеонъ. Революція убила ее, чѣмъ въ начало разложе-
ни

Запада. Но Империя на Западѣ никогда не была иначеъ инымъ, какъ похищениемъ власти, *узурпацией...* (*Mais l'Empire en Occident n'a jamais été qu'une usurpation*). Это добыча (*une dépoille*), которую Папы подѣлили съ Кесарями Германіи; оттуда всѣхъ распри.—Законная Имперія осталась прикованною къ паслѣдію Константина. Показать и доказать историческую реальность всѣхъ этихъ положеній.

Чѣмъ была Имперія Восточная, передаванная Россіи (фальшивые взгляды западной науки на Восточную Имперію)?

Только въ качествѣ Императора Восточного Царь есть Императоръ Россіи. «*Волимъ за Царя Восточного Православію*» говорили Малороссы *) и говорятъ всѣ православные Востока, Славяне и другие.

Чтѣмъ въасается Турокъ, то они заняли православный Востокъ для того, чтобы прикрыть его отъ Западныхъ, пока организуется законная Имперія.

Имперія Едина.

Душою ей—Православная Церковь; тѣломъ—Славянское племя. Если бы Россія не дошла до Имперіи, она бы лопнула. Восточная Имперія—это Россія въ окончательномъ видѣ....

Присоединимъ сюда же и остальные отдѣльныя замѣтки: ихъ двѣ. Первая носить заглавіе: „*Другая программа*“.

1) Въ чёмъ состоитъ *общее место* о Всемирной Монархіи? (*qu'est-ce que le lieu commun sur la Monarchie Universelle?*) Откуда опо?

2) Политическое равновѣсие въ Исторіи отвѣтчаетъ раздѣленію властей въ правѣ государственномъ. То и другое—послѣдствіе съ точки зрѣнія *революціонной*,—отрицаніе съ точки зрѣнія *органической*.

3) Всемирная Монархія—это *Имперія*.

*) Такъ отвѣчали Малороссы на вопросъ предложенія Богдановъ Хмельницкому, тому хотѣть они отиться въ поддѣлство. См. Собр. Госуд. Грам. и Догов.

Имперія же существовала всегда, только менѣяла властителей.

4) Четыре Имперіи: Ассирийская, Персидская, Македонская, Римская. Съ Константина начинаяется пятая... Имперія окончательная (*définitif*) — Имперія Христіанская.

5) Нельзя отвергать Имперію Христіанскую, не отвергая Христіанскую Церковь. Обѣ между собою въ соотношениі (*sont corrélatifs*); въ обоихъ случаяхъ это значило бы отвергать Преданіе.

6) Церковь, освящающая Имперію, ее себѣ пріобщила (*se l'est associé*); слѣдовательно сдѣлала ее окончательною (*par conséquent l'a rendu définitif*). Отсюда и выходитъ, что все, отрицающее христіанство, часто очень могуче какъ разрушение, но ничтоже какъ *созиданіе*, потому что это въ тоже время бунтъ противъ Имперіи.

7) Но эта Имперія, которая по принципу непреходима, въ действительности способна испытывать ослабленія, затѣнія, перерывы.

8) Чѣмъ такое исторія Запада, начинаящаяся съ Карла Великаго и заканчивающаяся предъ нашими глазами? Это исторія Имперіи захватченной, *узурпованной* (*c'est l'histoire de l'Empire usurpé*).

9) Папа, возмутясь противъ Всемирной Церкви, похитилъ права Имперіи, которые и подѣлилъ какъ добычу между собою и такъ называемымъ Императоромъ Запада.

10) Отсюда и вышло то, что обыкновенно случается между сообщниками.

Долгая борьба схизматического Римскаго Папства съ узурпованною Западною Имперіей заканчивается для первого *Реформацией*,—то есть: отрицаніемъ Церкви; для второй—*Революціей*, то есть отрицаніемъ Имперіи...

Другая замѣтка.

... Съ 1815 года Имперія Запада уже не на Западѣ. Имперія вся перешла и сосредоточилась туда, гдѣ во всѣ времена

шило преданіе объ Имперіи... Возстановленію Имперіи должны содѣйствовать два великихъ дѣла, которыхъ совершилъ уже началось. Въ области свѣтской: образованіе Греко-Славянской Имперіи; въ области духовной: возсоединеніе обѣихъ церквей.

Первое изъ этихъ дѣлъ началось фактически въ день, когда Австрія, чтобы сохранить себѣ подобіе бытія, приѣгала къ помощи Россіи *). Ибо Австрія, спасенная Россіей, по силѣ вещей, есть Австрія поглощенная (absorbée) Россіей (немнога ранѣе, чѣмнога позднѣе). Поглощеніе же Австріи есть не только необходимое восполненіе Россіи, какъ Славянской Имперіи, но и подключеніе подъ ея руку Германіи и Италии, этихъ двухъ Имперскихъ земель.

Другое дѣло, начало возсоединенія церквей — это дешеніе Папы свѣтской власти.

Мы передали читателямъ рукопись Тютчева вполнѣ. Эти бѣглые замѣтки, набросанные для себя и про себя, вводятъ чѣль-бы въ самую лабораторію его исторической думы,—раскрываютъ намъ внутреннюю, черновую работу его мысли, си первоначальный очеркъ и размахъ; мы видимъ, какія широкія задачи осаждали этотъ умъ, какіе величавые образы будущаго, и именно будущаго Россіи, возставали предъ мыслителемъ-поэтомъ. Но мы должны помнить, что не имѣть никакого права относиться къ этой рукописи строгокритически, какъ отнеслись бы къ труду вполнѣ законченному, удостоенному одобрения, признанному самими авторомъ. Этого авторскаго признания ей именно и недостаетъ. На противъ, есть основаніе полагать, какъ мы уже и высказались, что Тютчевъ не даромъ оставилъ

начатую имъ работу вчернѣ, и не перевелъ ее на бѣло; что онъ не случайно и не напрасно, передавая не задолго до своей послѣдней болезни рукописи своихъ статей издателю „Русского Архива“, не только не включилъ этой рукописи въ число тѣхъ своихъ произведений, появленіе которыхъ въ Русской печати, даже и чрезъ 30 лѣтъ по написанію, онъ считалъ неизлишнимъ,—но даже ни словомъ не помянулъ о ней,—точно также какъ не разсказывалъ о ней никогда ни близкій, ни знакомый. Однакоже мы лишены возможности съ точностью опредѣлить, какія именно, изъ существеннѣйшихъ положеній программы замысленного имъ въ 1949 году труда, были бы имъ отвергнуты или въ какомъ видѣ были бы измѣнены. Достовѣрно одно, что мысль объ освобожденіи Славянъ, о призваніи Россіи стать цѣльнымъ особымъ Греко-славянскимъ міромъ, о будущемъ историческомъ значеніи въ лицѣ Россіи просвѣтительного начала православной церкви,— эта мысль находитъ себѣ отголосокъ и въ самыхъ позднѣйшихъ его стихотвореніяхъ и письмахъ; онъ остался ей вѣренъ до смерти. Но нельзѧ того же сказать про другія, не менѣе существенные положенія его программы, именно объ его „единой Христіанской Вселенской Имперіи“, состоящей въ сооткосновіи (corrélatif) съ Христіанской Вселенской Церковью,—„Имперіи окончательной (définitif)“.... Въ его письмахъ къ женѣ во время послѣдней восточной войны, письмахъ совершенно частнаго, домашняго свойства, помѣщенныхъ ниже, въ VII отдѣлѣ, встречаются иѣста, какъ бы повторяющія именно эти черновыя замѣтки, и почти въ тѣхъ же словахъ; но по окончаніи войны, со вступленіемъ Россіи въ новую историческую fazу, уже ни въ стихахъ, ни въ письмахъ не попадается даже и намека на „Всес-

* Тютчевъ разумѣеть здѣсь Венгерскую войну 1849 года.

лемскую Имперію, подручніцу Вселенской церкви⁴... Тютчевъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ мыслителей, которые, установивъ себѣ однажды кругъ взорѣй, не въ состояніи уже отъ него отрѣшиться или раздвинуть его въ виду новыхъ явлений. Опь не переставалъ вглядываться въ смыслъ совершившихся предъ имъ событий,—а надобно признаться, что события послѣднихъ 15-ти лѣтъ были богаты историческими откровеніемъ, что многое нежданное и негаданное повѣдалъ намъ ихъ краснорѣчивый языкъ. Если въ программѣ Тютчева прописаны въ соображеніе и послужили, какъ дашыя, многимъ политической обстоятельства того времени, сравнительно и не очень важны, какъ напримѣръ Венгерская кампания 1849 года и т. п., — то тѣмъ болѣе должны были имѣть значеніе для его исторического миросозерцанія (и стало быть для его исторической программы) такие громадные факты, какъ объединеніе Германіи, паденіе Австріи, паденіе Франціи, возникновеніе Германской Имперіи, уничтоженіе системы политического равновѣсія. Съ такими фактами нельзя было не считаться и нельзя было, конечно, довольствоваться умозаключеніемъ, построеннымъ на одинхъ *прежняхъ* дашыхъ. Мы уже привели одно письмо Тютчева, 1872 года, въ Парижъ, где онъ говорить, что еслі Тьера удастся устроить во Франціи республику, то опь этиятъ однѣмъ возстановить прежнеое преобладаніе Франціи, потому что — прибавляеть Тютчевъ — нечего отъ себя скрывать: при современному состояніи умовъ въ Европѣ, то изъ правительствъ, которое бы смѣло взять на себя починъ великаго преобразованія, открытиемъ республиканской эры въ Европейскомъ мірѣ, далеко бы опередило (*augait une grande avance*) всѣхъ своихъ сосѣдей, друговъ или

педруговъ. Ибо чувство династическое, безъ котораго немыслима монархія, повсюду въ упадкѣ (*en baissc*). Перспектива такой *республиканской* эры въ Западно-Европейскомъ мірѣ,— которую Тютчевъ, какъ должно полагать, отличаетъ отъ явлений чисто-революціонного духа,— эта перспектива хотя и не состоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ его программою 1849 года, однакоже съ трудомъ находить себѣ въ пей место,— очевидно не представляясь его уму, когда опь чертилъ свои замѣтки о Вселенской *Монархіи*, и уже во вслкому случаѣ измѣнила бы ихъ терминологію...

По если положительно нельзѣ видѣть въ упомянутой рукописи Тютчева окончательное, послѣднее слово его историко-политической теоріи, то едва ли вполнѣ справедливо возлагать за эту рукопись полную отвѣтственность на автора, такъ сказать, заднить числомъ, какъ за выраженіе взорѣй и мнѣній, которыхъ онъ держался когда-то, лѣтъ 25 или 20 тому назадъ. Отнестиась такимъ образомъ позволительно лишь къ его напечатаннымъ статьямъ, а никакъ не къ рукописи: эти замѣтки не болѣе какъ намеки, алгебраическая формулы или гіероглифы, ключъ отъ которыхъ остался у автора, точный, несомнѣнныій смыслъ которыхъ извѣстенъ только ему одному, и касательно которыхъ возможно для читателя только болѣе или менѣе гадательное истолкованіе. Конечно, есть немало замѣтокъ вполнѣ отчетливыхъ и бросающихся лучи блестящаго свѣта; кроме того, при постепенномъ изложеніи программы предположеннаго Тютчевымъ сочиненія, мы по возможности обставляли многіе его частные выводы подробными примѣчаніями и разъясненіями, съ помощью которыхъ, смѣемъ думать, правда этихъ частныхъ выводовъ выставилась

довольно ярко. Но что касается до общаго вывода, то для подробнаго его обсуждения и разбора мы не находимъ ни достаточныхъ данныхъ, ни достаточнаго повода — при совершенной неизвѣстности, быть ли этотъ выводъ вполнѣ признанъ идержанъ самимъ авторомъ, послѣ зѣлыхъ размышлений послѣдовавшихъ двадцати лѣтъ. Тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ оговорить тѣ нѣкоторыя термины, которые способны возбудить наисильнѣйшія недоразумѣнія.

Было бы ошибочно, кажется намъ, соединять съ терминомъ Тютчева: „Вселенская Имперія“ представление о какомъ-то воплощенномъ завоевательномъ принципѣ, ищущемъ поработить себѣ всѣ народы и страны, и проч. Такое представленис есть именно то *общее мѣсто* о Всемирной Монархіи, которому Тютчевъ, по программѣ, долженъ быть дать точное объясненіе (*qu'est-ce que le lieu commun sur la monarchie universelle?*). Къ сожалѣнію, этого объясненія имъ не дано. Но его будущая Имперія характеризуется тою особенностью, что духовное начало, которымъ она имѣеть жить и двигаться, есть начало православное, т. е. христіанское церковное преданіе, сохранившееся теперь на Востокѣ, — однимъ словомъ начало, исключающее понятіе о завоеваніи и порабощеніи. Напротивъ, судя по программѣ, Россія, по мнѣнію Тютчева, призвана поставить всѣ народы и страны въ правильныя нормальныя условія бытія, освободить и объединить миръ Славянскій, миръ Восточный, вообще явить на землѣ силу земную, государственную, просветленную или опредѣленную началомъ Вѣры, служащую только дѣлу самозащиты, освобожденія и добровольнаго объединенія: вспомнимъ его стихи, где онъ, обращаясь къ Славянамъ, говоритъ, что въ противоположность Бисмарку, спаявшему единство Германіи

et igne, „желѣзомъ и кровью,“ — мы, т. е. Славяне, „попробуемъ спаять единство любовью,

А тамъ увидимъ — что прочтѣй.

Въ такомъ собственно смыслѣ слѣдуетъ, кажется, разумѣть и его выраженіе о будущемъ вселенскомъ государствѣ, „опирающемся (арриуѣ) на Вселенскую Церковь“, или „пріобщенномъ къ Церкви (associѣ),“ а никакъ не въ смыслѣ какой-то солидарности или тождественности судебъ Россіи или этой будущей „Имперіи“ и Вселенской Церкви. Точно такоже и выраженіе, что эта „Христіанская Имперія будетъ окончательно (l'Empire définitif)“, нужно, думаемъ мы, понимать такимъ образомъ, что этою „Имперіею“ завершится историческое преданіе обѣ Имперій, заключится рядъ пресмыкнѣнныхъ политическихъ формаций во образѣ и съ притязаніями имперскими, и вообще во образѣ *государства*, и что затѣмъ, послѣ извѣстнаго періода существованія, міръ, износивъ вѣсъ существующія вѣдомыя памъ историческія формы общежитія, начнетъ новое бытіе, въ формахъ новыхъ, невѣдомыхъ.... Мы не входимъ въ разсмотрѣніе, въ какой мѣрѣ состоятельнѣ такой предносившійся предъ воображеніемъ Тютчева идеалъ, ни въ какой мѣрѣ и въ какомъ видѣ допускаль описано возможность сосуществованія церкви и государства въ тѣпомъ союзѣ между собою и безъ взаимнаго внутренняго противорѣчія, — другими словами: какая степень развитія собственно *государственного* элемента представлялась ему въ его „Имперіи“. Мы припоминаемъ себѣ его строки въ письмѣ, диктованномъ за три мѣсяца до кончины, по поводу новѣйшихъ Пруссійскихъ законовъ объ отношеніи государства къ церкви: „*c'est là le César qui sera énergiquement en guerre avec le Christ*“ — и не думаюъ,

вопреки какимъ-то намѣкамъ въ программѣ, чтобы соглашеніе, установившееся въ IV вѣкѣ между Имперію Кесаря Константина и церковною іерархіею, или офиціальную, выѣшнюю, историческою Церковью, служило для Тютчева прототипомъ для отношеній его „Имперіи“ къ христіанской Церкви въ будущемъ... Но, впрочемъ, мы не можемъ не признать, что Тютчевъ, ставя на первомъ планѣ нравственную миссію Славянскаго племени и вообще Православнаго Востока, тѣмъ не менѣе, уже просто какъ поэтъ, невольно увлекался подчасъ величавынъ образомъ традиціонной Имперіи, государства и могущества, добровольно само себя смиряющаго предъ Церковью — исполинской державной силы, хотя и реальной, однако же преисполненной идеальныхъ стремленій... Невольно увлекалась онъ и обаяніемъ исторического титула, и мыслию о преемственности переданія въ исторіи. Точно также нельзя не замигать, — да мы это и замѣтили выше, — что съ его представлѣніемъ о Церкви въ тѣ годы, то крайней мѣрѣ до появленія извѣстныхъ брошюръ Хомякова, еще соединялось понятіе о какомъ-то высшемъ, пребывающемъ на землѣ, *вильнемъ* авторитетѣ въ формулѣ исторического традиціоннаго учрежденія.

Но если въ идеалѣ будущаго у Тютчева входитъ болѣе выѣшнаго, такъ сказать политического элемента, чѣмъ въ идеаль будущаго Россіи у Хомякова, все же сближеніе, встрѣча между собою этихъ обоихъ нашихъ поэтовъ въ областї идеала, — поэтовъ совершенно различныхъ между собою по своей личной внутренней судьбѣ, — является поразительной чертою въ исторіи Русскаго общественнаго самосознанія. „Будущая Имперія“ Тютчева, не смотря на свой грозный титулъ, несетъ, по его словамъ, „глаголь, жизнь и просвѣщеніе лучшимъ будущимъ пре-

менамъ.“ Ниже, въ VII отдѣлѣ, мы приводимъ письмо его отъ 1855 года, где онъ разсказываетъ своей женѣ, какъ, взобравшись на платформу Ивана Великаго, онъ былъ словно охваченъ видѣніемъ будущаго: ему почудилось, что „долгая борьба Востока и Запада пакоціѣ прекратилась, что возникъ міръ новый, будущность народовъ опредѣлилась на многіе вѣки (pour des si鑒es), Судъ Божій совершился, Великая Имперія основана, и новая поколѣнія, съ понятіями, убѣжденіями совершенно инными, вступили въ обладаніе міромъ и, довольныя пріобрѣтеніемъ, почти не помпили о горестяхъ, мукахъ и тѣсной тьмѣ, въ которой мы пребываемъ въ настоящую минуту.“ Однимъ словомъ, эта новая эра представлялась поэту чуть ли не пришествіемъ Божія Царствія на земль... Хомяковъ, съ своей стороны, мечтая объ освобожденіи и объ объединенії Славянъ, призываю Россію снять „цѣль насилия“ съ своихъ братьевъ, рисуя въ стихахъ общее паренье всѣхъ свободныхъ Славянскихъ орловъ, склоняющихся однако же „мощную главу предъ старшимъ сѣвернымъ орломъ“, вотъ какъ воображаетъ себѣ будущее міре:

Ихъ твердъ союзъ, горячъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землѣю,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой...

Онъ же говорить въ своихъ стихахъ, уже однажды приведенныхъ нами:

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенкѡв....

Но эта судьба вселенной отдается Россіи съ тѣмъ, чтобы опа

...всѣ народы
Обнявъ любовию своей,

сказала имъ „тайство свободы и пролила имъ сіяніе вѣры“, а въ заключеніе, въ томъ же стихотвореніи, такъ изображается эта будущая историческая эра, напоминающая отчасти видѣніе Тютчева въ Кремль:

И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтлыни вышны,
И осіянѣ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины...

Какъ бы мы ни были далеки отъ подобныхъ мечтаній въ настоящее время, но нельзя же однако не призадуматься надъ тѣмъ—какіе идеалы предносимы, лѣтъ сорокъ и даже еще двадцать тому назадъ, предъ передовыми, замѣчательными умами Русского общества,—нельзя же не принять ихъ къ свѣдѣнію и соображенію какъ знаменіе времени, какъ выраженіе чаяній и вѣрованій—самыхъ искреннихъ и завѣтныхъ; нельзя не поискать отвѣта на невольно возникающій вопросъ: откуда же и зачѣмъ они взялись?.. чѣмъ порождены?.. чѣмъ навѣяны? Отстрания рѣчь о состоятельности этихъ чаяній и вѣрованій, обратимъ вниманіе читателя только на ту особенность, что подобной чистоты народныхъ идеаловъ, такихъ мужественныхъ идеаловъ вѣры, любви, свободы и тишины, не отыщется у поэтовъ западнаго Европейскаго міра, что шаго духа печатью они запечатлены... При всемъ томъ было бы совершенно несправедливо относиться къ этимъ поэтическимъ образамъ какъ къ какой либо строго проverifiedной и установленной доктринѣ, какъ къ кодексу положительныхъ решений,—несправедливо уже потому, что такъ не отпосились къ нимъ и сами поэты. Не слѣдуетъ забывать, что, мечтая о высшемъ христіанскомъ призваніи Россіи, Хомяковъ нисколько никакоже не обольщалъ себя на счетъ нашей современной дѣятельности; что въ своихъ извѣстныхъ стихахъ, называя Россію, хотя

и призванною, но „недостойною призванья“, онъ требовалъ отъ нея строгаго, очистительнаго покаянія; что Тютчевъ не переставалъ горькимъ и иѣткимъ словомъ изобличать скудость духа и самосознанія въ официальной Россіи,—что писалъ онъ между прочимъ и съдующіе стихи:

Ты долголъ будешъ за туманомъ
Скрываться Русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты разлетишъся навсегда?
Ужель на встрѣчу жаднымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и жалкимъ метеоромъ
Твои разсыплятся лучи?
Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемый бѣда....

VII.

Можно себѣ представить, какое волненіе овладѣло душою Тютчева при наступлении военной грозы 1853 года. Всѣ завѣтныя его думы, всѣ дорогія его сердцу мечты, всѣ историческія основы міра, всѣ задачи исторического бытія Россіи, тысячелѣтній сперъ Востока и Запада, все казалось обрѣло себѣ образъ, плоть и языки въ одномъ данномъ игновеніи, въ одномъ событии. Какъ жалоны уязвлены были Русскіе люди внезапнымъ свѣтомъ обличившейся правды: пашею воочію явившеюся несостоятельностью — административною, военною, дипломатическою, однимъ словомъ массою тѣхъ праственныхъ, внутреннихъ, гражданскихъ долговъ всяко-го рода, которыми оказалась обремененна Россія, которые всѣ разомъ потребовали расплаты, и которыхъ уплатить, въ тотъ критическій мигъ, было и некогда и нечѣмъ. Надобно впрочемъ сознаться, что Россія приняла посланное ей испытаніе со смиреніемъ, не покупилась на самоосужденіе, и пораженіе свое обратила себѣ не только во

благо, но и во славу. Защита Севастополя стала назидательною героическою легендой для всего Запада, и не прошло десяти лѣтъ послѣ окончанія борьбы, какъ значеніе Россіи возрасло съ новой, небывалой силой... Но такого рода оборотъ дѣль совершился благодаря особенно нравственнымъ свойствамъ Русскаго народа, но никакъ не вслѣдствіе сознательнаго расчета или вѣрныхъ, дальновидныхъ соображеній, — напротивъ, вопреки недостоинству, вопреки слѣпотѣ людской, заправлявшей дѣлами Россіи и постоянно сбивавшейся съ пути... Кстати припомнить здѣсь одно слово Тютчева, сказанное именно во время войны, по поводу слишкомъ извѣстныхъ упомянѣй на „Русскаго Бога“: „il faut bien avouer que l'emploi du Dieu russe n'est pas une sinécurie“...

Восторженныя падежды Тютчева на скорое исполненіе его завѣтныхъ мечтаній смыслились, какъ и следовало ожидать, съ теченіемъ войны, горькимъ чувствомъ скорби, погодовашія, даже унынія. Онъ многое понялъ и увидѣлъ ясно и прежде другихъ, но не переставалъ однакоже вѣрить въ окончательное торжество Россіи. Такъ какъ вся эта война тѣсно связана съ существеннѣшими задачами, занимавшими Тютчева въ теченіи всей его жизни, то мы считаемъ необходимымъ, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, раскрыть ближе его отношеніе къ этой исторической эпохѣ. Еще въ самомъ началѣ, какъ только что стала заниматься заря грядущихъ событий и государь Николай Павлович обратился мыслью къ положенію дѣль на Востокѣ, Тютчевъ уже писалъ:

РАЗСВѢТЬ.

Не въ первый разъ кричать пѣтухъ,—
Кричать онъ живо, бодро, смѣло;

Е. И. Тютчевъ. 10.

Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ застыла.

Еще молчатъ колокола,
А ужъ Востокъ заря румянитъ:
Ночь безконечная прошла,
И скоро спѣтый часъ настанетъ.

Вставай же Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора лѣ, перекрестясь,
Ударить въ колоколь въ Царьградѣ?

Раздайся благовѣтный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветъ и будитъ онъ;
Вставай, мужайся, ополчиш!

Въ доспѣхъ вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполнѣнъ державный!
О Русь, велика грядущій день—
Всеменская день и православный!...

Возникшая дипломатическая распри съ Наполеономъ, лицемѣрно убѣждавшимъ Россію не возбуждать страшилица „Восточного вопроса“, вызвала у Тютчева новые стихи:

Иль всѣ святыхъ упованья,
Всѣ убѣденья истребя,
Она (т. е. Россія) отъ своего призванья
Вдругъ отречется для тебя?

Тѣ что обѣщано судьбами
Ужъ въ колыбели было сѣ,
Что ей завѣщано вѣкамъ
И вѣрой всѣхъ ея царей,

Тѣ что Олеговы дружины
Ходили добывать мечомъ,
Тѣ что орелъ Екатерины
Ужъ прикрывалъ своимъ щитомъ,—

Вѣнца и скіптра Византіи
Вамъ не удастся насть лишить;
Всемирную судьбу Россіи—
Нѣтъ—вамъ ея це заградить!

Гроза росла, — вѣроятность успеха
была на сторонѣ Россіи, и онъ обра-
щался къ Русскому царю съ такими
привѣтствіями:

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ —
То древній гласъ, то свыше гласъ:
«Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ;
«Свершится онъ, и грянетъ часъ!
«И своды древніе Софіи
«Въ возобновленной Византіи
«Вновь освѣнть Христовъ алтары!..»
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань какъ всеславянскій царь!

Мы уже приводили выше стихи, написанные имъ въ это же время, когда

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомазакіе народы
Со дна звѣздыглисы царства тьмы
Во имя свѣта и свободы!

Ложь воплотилася въ булатъ,
Банимъ-то Божиимъ попущенемъ,
Не цѣлый міръ, но цѣлый адъ,
Тебѣ (т. е. Россіи) грозитъ ниспровер-
женіемъ....
Тебѣ они готовятъ плѣнъ,
Тебѣ готовятъ посрамленье....

Это тѣ стихи, въ которыхъ выска-
зыывается его вѣра въ духовное просвѣ-
тительное призваніе Россіи, и которые
заканчиваются такъ:

О, въ этомъ испытаны строгомъ,
Въ послѣдней роковой борьбѣ,
Не изжьни лишь ты себѣ
И дѣлайся передъ Богомъ!

Они относятся къ Декабрю 1854 года;
а начинъ 1855 года, за полтора мѣ-

сяца до кончины государя Николая, онъ встрѣтилъ слѣдующими пророческими стихами:

На новый 1855 годъ (*).

Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою,
Не намъ сорвать съ нея покровъ...
Я не свое тебѣ открою,
А бредъ пророческій духовъ.

Еще намъ далеко до цѣли,
Гроза реветь, гроза растеть,
И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ рождается новый годъ.

Черты его ужасно строги,
Кровь на рукахъ и на челѣ;
Но не однѣ войны тревоги
Принесъ онъ людямъ на земль.

Не проста будетъ опъ воитель,
Но исполнитель Божіихъ каръ,
Опъ совершилъ, какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.

Для битвъ онъ посланъ къ расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ — сраженій мечъ кровавый,
Другой — сѣкира палача.

Но па кого?... Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обреченъ?...
Слова не ясны роковыя
И смутенъ замогильный сонъ.

Немалый интересъ представляютъ и письма Тютчева за это время. Замѣтимъ кстати, что письма Тютчева, собранные вмѣстѣ, стояли бы любого, серьезнаго, многотомнаго литературнаго произведе-

*) Напечатаны были въ Русскомъ Архивѣ 1867 года, стр. 1638. П. Б.

пія. Ему вообще не приходилось въ жизни обмолвиться какимънибудь общимъ мѣстомъ или пошлюю фразою, — и во всѣхъ его письмахъ, сколько мы ихъ ни знаемъ, даже въ письмахъ къ роднымъ, трактующихъ о самыхъ обыденныхъ предметахъ: погодѣ, здоровье, хозяйствѣ, — во всѣхъ есть или оригинальная мысль, или оригинальный оборотъ рѣчи, или изящный образъ. Мы воспользуемся перепиской Тютчева, во время войны, съ его супругою и приведемъ изъ нея нѣсколько отрывковъ (вся переписка составила бы цѣлую книгу), — приведемъ въ подлинникѣ, потому именно, что при штихионѣ характеръ переписки получаетъ особенное значеніе и самая вѣнчальная форма этой интимной бесѣды.

Зиму 1853—1854 года Э. Ф. Тютчева, по совѣту врачей, провела за границей въ Германіи, и Федоръ Ивановичъ писалъ ей изъ Петербурга въ Октябрѣ 1853 г.: „Je suis tout honteux de ne pouvoir dire écrivant d'ici, si nous sommes en guerre, oui ou non... Ah, le singulier milieu, que celui où je vis! Je parie que le jour du jugement dernier il y aura des gens à Petersbourg, qui feront semblant de ne pas s'en douter. Voilà pourtant ce qui paraît certain..“ (*). Затѣмъ слѣдуютъ новости, а потомъ чрезъ нѣсколько дней Тютчевъ продолжалъ письмо такими строками: „Je ne suis pas étonné de la malveillance intime et bien essentiellement allemande, avec laquelle nos meilleurs amis d'Allemagne n'ont pas man-

*) Мне совсѣмъ стыдно, что въ письмѣ отсюда не могу тебѣ сказать, война ли у насъ или нѣтъ. Ахъ, странная среда, где мы приходится жить! Бьюсь обѣ закладъ, что въ день Страшного Суда найдутся люди въ Петербургѣ, которые станутъ прикидываться, что ничего о немъ и не знаютъ. Но вотъ что, кажется, вѣрно...

qu  d'accueillir la nouvelle d'un de nos d sastres. Braves gens, je les reconnais bien l ! C'est l'accent du pays, et je me sentirais d orient  en Allemagne, si je ne le retrouvais dans toutes leurs manifestations  notre  gard. Quant  celle autre Europe, plus occidentale encore, quant  l'Angleterre et  la France, quant  cette presse — organe de la conscience publique, qui s'est faite turque avec rage et mensonge, il y a dans cette vocation de turpitude, dans ce *labarum* de boue que des soci t s soi-disant chr tiennes ont dress  contre la Croix, il y a dans tout ceci quelque chose de terriblement providentiel. Ce scandale devait avoir lieu, mais malheur  l'auteur du scandale! Quant  nous autres ici, contre qui toute cette rage se d chaine, nous aussi nous aurons nos comptes  r gler avec la Providence, et ils pourraient  tre lourds  solder... J'ai  t , je crois, un des premiers  voir venir la crise actuelle; eh bien, j'ai la conviction intime, que cette crise si lente  venir sera bien plus terrible et bien plus longue encore que je ne l'avais cru. Ce qui reste du si cle suffira  peine pour l'apaiser. La Russie en sortira triomphante, je le sais; mais bien des choses de la Russie actuelle y p riront. Ce qui vient de commencer, ce n'est pas la guerre, ce n'est pas de la politique, c'est un monde qui se constitue et qui, pour cela, doit avant toute chose retrouver sa conscience perdue.. (*)“

*) Ни мало не дивлюсь тому задушевному и, конечно, чисто-немецкому злорадству, съ которымъ наши друзья въ Германіи не преминули встрѣтить вѣсть о нашемъ пораженіи. Молодцы, какъ и ихъ узнаю въ этомъ! Это туземный акцентъ, и я сбываю бы съ толку ца счетъ Германіи, еслибы онъ не звучалъ мы во всѣхъ ихъ манифестаціяхъ по нашему поводу.

23 Ноября 1853 г. „Les préoccupations croissantes politiques dissipent visiblement la torpeur générale, où l'on était plongé jusqu'ici. Le réveil se fait, et l'on commence à comprendre... C'est au fond l'année 1812 qui recommence pour la Russie, et peut-être l'agression actuelle, dirigée contre elle, n'est-elle pas moins redoutable pour n'être pas résumée dans un seul homme, et dans un grand homme, comme était le premier Napoléon. Quant à l'ennemi, il est toujours le même—*c'est l'Occident*. Car je ne connais pas d'autre mot pour résumer tout cet ensemble d'influences, de passions et d'ententes hostiles conjurées

Чтò же касается до этой другой Европы, болеë западной, до Англии и Франции,— чтò касается до печати—этого органа общественной совëсти, которая вдругъ такъ лживо и бъшено себя потуречила,—то въ этомъ влечениï къ срамотѣ, въ этой грязи, которую общества такъ пазываемы хри-
стиянскія выставили хоругвью противъ Креста,—во всемъ этомъ есть что-то страшно прориденциальное. Этому соблазну подобало быть, но горе вишовнику соблазна! Чтò же до наась здѣсь, противъ которыхъ разнуддалась вся эта ярость, начь также придется сводить счеты съ Провидѣніемъ и, очень можетъ статься, тужела будетъ расплата... Я одинъ изъ первыхъ предвидѣть наступление на-
стоящаго кризиса, и я глубоко убѣж-
денъ, что этотъ кризисъ, такъ медленно наступавшій, будетъ несравненно ужаснѣе и продолжительнѣе, чмъ я думалъ. Всего осталаго вѣка едва достанеть, чтобы утишить этотъ кризисъ. Россія, я знаю, выйдетъ изъ него торжествующею, но многое отъ настоящей Россіи сгibнетъ. То что теперь началось, это не война, это не политика, это цѣлый міръ слагающійся, и которому для этой цѣли, прежде всего другаго, нужно обрѣсти вновь—свою утраченную совѣсть...

contre nous. Et ce qui fait la faiblesse de notre position, c'est cette incroyable infatuation de la Russie officielle, qui avait si bien et si complètement perdu le sens et le sentiment de sa tradition historique, que loin de voir dans l'Occident son adversaire naturel et nécessaire, elle ne travaillait qu'à être sa doublure..“ (*)

11 Декабря. „Eh bien, es-tu satisfaite de la mani re dont nous avons r  pliqu  par nos derniers bulletins   toute cette rage de d  raison et de mensonge de nos chers adversaires?.. Mais que nos ennemis se rassurent. Nos derniers succ es ont pu  tre tr  s mortifants pour eux, mais ils seront tout aussi st  riles pour nous. Il y a tant de gens ici qui ne demandent pas mieux que de leur donner toute satisfaction   cel  gard, et

*) Возрастающія политическія заботы видимо разгоняютъ общее остољбенїе, въ которое до сихъ поръ всѣ были здѣсь по-
гружены... Пробужденіе сопертасты, и пача-
ютъ понимать... Въ сущности, вѣдь это для
Россіи возобновленіе 1812 года, и нападеніе
на нее направлennое будетъ можетъ-быть
также грозно, даромъ, что оно не вопло-
щается въ одномъ человѣкѣ, и такомъ вели-
комъ человѣкѣ, каковъ былъ первый Напо-
леонъ. Чтò же до врага,—то онъ все тотъ
же, Западъ. Потому что я не знаю дру-
гаго слова, которое бы разомъ выразило
всю эту совокупность пліяний, страстей, со-
глашеній враждебныхъ, замышленийъ про-
тивъ наась. И въ чемъ слабал сторона наше-
го положенія, это въ невѣроятномъ предъ-
убѣжденіи официальной Россіи, которая до
того утратила всякій смыслъ чувствство сво-
его исторического преданія, что не только
не примѣчала до сихъ поръ въ Западѣ
своего естественнаго, позабѣжнаго врага,
но только о тѣмъ и трудилась, какъ бы
сдѣлаться его подкладкой...

qui 'sans avoir peut-être autant de haine,'^{*)} qu'ils n'en ont contre la Russie,^{**} sont bien mieux placés pour lui faire du mal. Hélas, hélas, tout cela encore une fois ira aboutir à quelque ignoble et stupide replatrage. Il est impossible que cela se passe autrement, tant il y a d'inéptie, d'intelligence intime et générale de la situation donnée... Il y a comme un cercle magique, où depuis deux générations nous avons emprisonné la conscience nationale de la Russie, et il faudrait vraiment que le bon Dieu daignât en personne nous détacher un violent coup de pied pour faire briser le cercle et nous laisser entrer dans notre voie...“ (*)

19 Декабря. „Il y a quelque chose qui cet hiver donne un peu plus de physio-

“*) Цу что, довольно ли ты тъмъ, какъ мы отвѣчали, въ нашихъ послѣднихъ бюллетьнѣахъ, на все это бѣшенство лжи и безумія нашихъ милыхъ враговъ?.. Но пусть они успокоятся. Наші успѣхи могли показаться имъ очень обидными,—но они будутъ очень бесплодны и для насъ. Здѣсь столько людей, которымъ ничего такъ не хочется, какъ оказать имъ по этой части всяческое удовольствіе, и которые, даже не питая къ Россіи ихъ ненависти, лучше ихъ, по своему положенію, могутъ навредить ей. Увы, увы, за всѣми этими успѣхами послѣдуетъ еще разъ какое-нибудь шедестойное, нелѣпое сглаживанье и смазыванье... Да-и невозможно, чтобы было иначе: столько тупоумія, столько непониманія какъ внутреппей сущности, такъ и всей общности дашаго положенія. Есть слово волшебный кругъ, въ который, вотъ уже два поколѣнія сряду, заключено царіональное самосозапіе Россіи, и право нужно бы, чтобы Господь соблаговолилъ дать намъ Самъ крѣпкаго подзатыльника, для того чтобы разбился кругъ и вступили мы на нашъ истинный путь...»

nomie à la société, et certes ce quelque chose n'est pas peu de chose. C'est la préoccupation de la situation politique donnée, le sentiment de cette lutte longtemps conjurée et qui en dépit de tous les efforts brise l'un après l'autre tous les liens qui l'enchaînaient... Rien ne donne mieux la mesure de la haine que l'on porte à la Russie, comme toute cette rage burlesque des journaux français et surtout anglais depuis nos derniers succès. C'est le plus sérieusement du monde, qu'ils les lui imputent à crime et qu'ils lui font l'application de ce mot si connu à propos de je ne sais quel animal: qu'il était si féroce, qu'il se défendait quant on l'attaquait. Quant à l'issue probable de la lutte, toute la question se réduit pour moi à ceci: la haine que l'Occident nous porte, l'Occident catholique, aussi bien que l'Occident révolutionnaire, serait-elle plus forte, oui ou non, que celle qui les divise entre eux? Toute la question est-là...“ (*)

“*) Есть что-то, чтò мышьшею зімою придаетъ обществу болѣе жизни и краски, — и конечно это что-то вещь немаловажная. Это озабоченность политическимъ положеніемъ, это чувство борьбы, долго заклинаемой, но наконецъ, паче скорѣ всѣмъ усиливаемъ, порвавшей, одни за другими, всѣ узы се опутывавшія... Ничѣмъ лучше не опредѣляется мѣра ненависти къ Россіи, какъ этимъ грубымъ несостовствомъ журналовъ Французскихъ и особенно Англійскихъ, со временемъ нашихъ послѣднихъ успѣховъ. Нансерьезнѣшимъ образомъ они вмѣняютъ Россіи эти успѣхи въ преступлѣи и прилагаютъ къ ней это извѣстное изрѣченіе по поводу какого-то животнаго: «оно такъ свирѣпо, что защищается, когда на него нападаютъ...» Чѣмъ касается до исхода борьбы, то весь вопросъ сводится для меня вотъ къ чemu: ненависть, которую питаетъ къ намъ Западъ, Западъ католический,

1854 г. 16 Февраля... Ce qui me faisait toujours attacher une si grande valeur, à cette question d'Orient, c'est la conviction que j'avais, qu'une fois soulevée, elle amènerait par contre-coup une grande crise morale à l'intérieur, et cette crise a commencé, Dieu soit loué. Et bientôt, Dieu et nos ennemis aidant, chacun à sa manière, le mouvement sera assez fort pour que rien ne puisse l'entraver ou l'interrompre. Sous ce rapport il est difficile de dire, ce qui a le mieux servi ce mouvement, de la haine furieuse de l'Angleterre remorquant la France, ou de la demi-trahison des puissances allemandes... Cette altitude de l'Autriche et de la Prusse et surtout les sentiments qui l'inspirent, sont un véritable triomphe pour le parti national, et puisqu'elles devaient en arriver là, la seule chose à regretter, c'est de n'en avoir pas assez fait pour elles... Quant à moi, qui par nature suis condamné à l'impartialité, ce n'est certes pas au point de vue de l'animosité nationale que je trouve la politique allemande misérable. Elle est misérable, parcequ'elle est un mensonge et une sottise. Ces puissances allemandes ont beau dire qu'unies entre elles, elles sont assez fortes pour sauvegarder leur neutralité... Mais c'est là qu'est le mensonge, parcequ'elles savent très bien qu'elles ne sont pas *unies*, et qu'en déhors de la Russie elles ne peuvent pas l'être, et qu'au fond du cœur l'une d'elles au moins, la Prusse ne tenait à secouer le contrôle de la Russie que pour recommencer toutes ses petites trahisons, qui lui ont toujours si bien réussi... Quant à cette pauvre Autriche, dont tout

столько же, сколько и революционный, сильнее ли она ненависти, которая ихъ смихъ между собою дѣлить? Весь вопросъ въ этомъ...

le corps n'est qu'un talon d'Achille, il est clair que ne pouvant se passer d'appui, soit à l'Orient, soit à l'Occident, elle avait à choisir pour s'asseoir entre un bon fauteuil à dossier, bien solide et bien rembourré, et un pal, solide aussi et très proprement aiguisé. Eh bien, je ne désespére pas que c'est en faveur du pal, qu'elle se décidera." (*)

*) Что всегда заставляло меня придавать такое значение Восточному вопросу; это именно убеждение, что, разъ поднятый, онъ отдастся и у насъ, впутри, великимъ нравственнымъ переломомъ,— и этотъ переломъ уже начался, слава Богу. И скоро, съ помощью Бога и нашихъ враговъ (Богъ по своему, и враги по своему), движение станетъ настолько сильно, что ничто не сможетъ его задержать или прервать. Въ этомъ отношении трудно даже сказать, что наиболѣе послужило этому движению: бѣщая ли ненависть Англіи, ведущей на бусиръ Францію, или полуизмѣпа Нѣмецкихъ державъ?... Положеніе принятное относительно часъ Австріей и Пруссіей, и особенно чувства его впышшія—истинное торжество для Русской народной партии, и такъ какъ ужъ огъ, эти державы, должны были въ тому прийти, то остается только жалѣть, что не болѣе было для нихъ сдѣлано... Чѣдже касается меня, который, по самой природѣ своей обречеъ на беспристрастіе, то я, ужъ конечно не съ точкою зреїнія национальной вражды, нахожу Нѣмецкую политику самою жалкою. Она жалка потому, что ложь и глупость. Эти Нѣмецкія державы какъ бы тамъ ниувѣрили, что онѣ, въ согласіи другъ съ другомъ, достаточно силы для охраны своего централитета, — но въ этомъ-то самомъ и кроется ложь: онѣ хорошо знаютъ, что никакъ не въ согласіи другъ съ другомъ, и ис могутъ быть въ согласіи помимо Россіи, а въ глубинѣ души одна изъ нихъ по крайней мѣрѣ, Пруссія, только для того и добивалась выsvoboditъся

24 Февраля. „J'ai assurément été un des premiers à voir venir et grandir cette effroyable crise, et maintenant qu'elle va saisir le monde pour le broyer et le transformer, je ne puis me persuader que tout ceci est bien réel, et que nous ne sommes pas tous tant que nous sommes en proie à quelque horrible hallucination. Car enfin il n'y a plus à se donner le change, la Russie selon toute probabilité va se trouver aux prises avec l'Europe toute entière. Comment les choses en sont-elles venues à ce point? Comment se fait-il qu'un Empire, qui depuis 40 ans et plus n'a fait que reculer et trahir ses propres intérêts pour servir et sauvegarder ceux d'autrui, se trouve tout à coup en butte à cette immense conspiration?... Et pendant c'était inévitable... En dépit de tout, raison, morale, intérêt, en dépit même de l'instinct de sa conservation, ce terrible conflit devait éclater... Et ce que l'amene, ce n'est pas seulement la sordide personnalité de l'Angleterre, ce n'est pas l'abjection de la France s'incarnant dans son aventurier, ce ne sont pas même les Allemands, c'est quelque chose de plus général et de plus fatal. C'est l'éternel antagonisme de ce, qu'à défaut d'autres expressions, il faut bien appeler l'Occident et l'Orient... Maintenant si l'Occident était *up*, nous

изъ подъ контроля Россіи, чтобы приняться снова за свои мелкие, вѣроломные прописки, которые сй всегда удавались... Чтд же до бѣдной Австріи, у которой все тѣльо—Ахиллесова пятка, то ясно, что, при невозможности для нея обойтись безъ опоры либо Востока, либо Запада, ей приходилось, чтобы сѣсть, выбирать между хорошимъ кресломъ со спинкой, прочнымъ и мягко набитымъ,—и коломъ, тоже прочнымъ и очень гладко обвостреннымъ. Ну что же, я не теряю надежды, что она выбереть именно—*колз*...

serions, je crois, perdus. Mais il y en a deux: le Rouge et celui qu'il doit dévorer. Nous le lui avons disputé pendant 40 ans, et nous voici sur le bord de l'abîme,—et c'est maintenant le Rouge qui va nous sauver à notre tour“ (*).

1 Апрѣля... „Il y aura des trêves,

*) Конечно я одинъ изъ первыхъ видѣлъ, какъ шелъ и росъ этотъ ужасный кризисъ, а теперь, когда онъ насталъ, когда онъ готовится перемолоть и перебразовать міръ, мнѣ трудно себѣ уверить, что все это въ правду такъ, въ самомъ дѣлѣ, что это не какая-нибудь страшная галлюцинація, которая завладѣла всѣми, всѣми пами безъ исключения. Потому что—долгъ себѣ обманывать нечего: Россія, по всей вѣроатности, скоро схватится со всему Европою. Какимъ образомъ дѣло дошло до этого, какимъ образомъ держава, которая болѣе 40 лѣтъ только и дѣлала, что устраивала и предавала свои собственные интересы, ради пользы и охраны чужихъ интересовъ,—она-то вдругъ и очутилась предметомъ обширнѣйшаго заговора?.. И однакожъ это было неизбѣжно. На перекоръ всему—разсудку, нравственности, выгодѣ, даже инстинкту самосохраненія,—этому грозному столкновенію надобно было совершилось. И причиною этого столкновенія—не скаредный эгоизмъ Англіи, не гнусная низость Россіи, предавшейся авантюристу,—даже и не Нѣмцы,—а иѣчто болѣе общее и ровное. Это—вѣчное противоборство другъ съ другомъ того, что, за недостаткомъ другихъ выражений, приходится называть Западомъ и Востокомъ. Затѣмъ: если бы Западъ былъ единъ, мы бы кажется погибли. Но ихъ два: *Красный*—и тотъ, кого Красный имѣеть поглотить. Сорокъ лѣтъ мы отбивали у Краснаго эту добычу,—но вотъ мы на краю бездны, и теперь-то именно *Красный* спасетъ насъ въ свою очередь...

des haltes, des points d'arrêt dans le chaos où nous entrons maintenant et où nous allons nous enfoncer de plus en plus. Mais la paix n'en sortira qu'avec une Europe complètement transformée. Je sais bien que ce que je dis là a été mille fois dit et qu'à moins d'y attacher un sens précis, cette phrase n'est qu'une nauséabonde banalité. Or ce sens précis—le voici... La question d'Orient, telle qu'elle doit se poser, n'est pas moins qu'une question de vie et de mort pour trois choses, qui toutes trois ont jusqu'à présent fait voir au monde, qu'elles avaient la vie dure. Ces trois choses: c'est l'Eglise d'Orient, la race Slave, la Russie. Car la Russie, elle entraîne nécessairement les deux choses dans sa ruine. Les ennemis de ces trois choses le savent bien, et de là leur rage contre la Russie. Mais qui sont ces ennemis et quel est leur nom propre? Est-il l'Occident? Peut-être—mais c'est surtout la Révolution, qui s'est incarnée dans l'Occident. Maintenant y a-t-il un seul élément de vie, qui ne soit plus ou moins saturé et pénétré de Révolution? Est-ce l'Eglise? Mais elle est représentée par un clergé qui en 1848 après avoir bénit les arbres de la liberté vient en 1854 de bénir le drapeau turc. Est-ce l'Ordre? Mais il est représenté par Louis N. Bonaparte, frère de tous les souverains de l'Occident. Est-ce la Liberté? Mais c'est la Révolution même donnant une main à Mazzini et l'autre aux Turcs à la satisfaction générale du public Européen. Maintenant ce qui n'est pas Révolution en Occident peut-il se déclarer l'adversaire politique de la Russie sans être de toute nécessité l'allié, c'est à dire la proie de la Révolution? J'ai la conviction qu'il ne le peut plus et même qu'il ne le veut plus. Et voilà pourquoi c'est bien d'une lutte suprême entre l'Occident tout entier et la Russie

qu'il s'agit. Il est très possible que celle-ci y succombe. Mais si par hazard ce n'était pas *elle*, ce qui sortirait vainqueur de la lutte ne serait plus la Russie—ce serait le *Grand Empire* (Великая Греко-Российская Восточная Империя). Tel est le dilemme où l'Europe vient de s'engager.⁴ (*)

*) ... «Будутъ перемія, роздыхи, пристановки въ томъ хаосѣ, въ который мы теперь вступаемъ и въ который будемъ забираться все глубже и глубже. Но миръ получится только вмѣстѣ съ Европою, вполнѣ преобразованою. Знаю, что все это было тысячу разъ сказано, и что если не приложить къ этимъ словамъ смысла самого опредѣленного,—они не болѣе какъ пошлость, возбуждающая даже тошноту. А опредѣленный, точный смыслъ таковъ:

Восточный вопросъ — въ томъ видѣ, какъ онъ долженъ быть поставленъ, не болѣе не менѣе какъ вопросъ жизни и смерти для трехъ существъ, которыя всѣ трое показали миру, что крѣко-живучи. Эти трое вотъ кто: Восточная церковь, Славянское племя, Россія. Паденіе же Россіи влечетъ неминуемо паденіе и остальныхъ. Это хорошо знаютъ общіе ихъ враги, и вотъ откуда этотъ ихъ бѣшеный напоръ на Россію... Но кто же эти враги, какое ихъ настоящее имя? Западъ ли? Можетъ быть, — и особенно Революція, воплотившаяся въ Западѣ. Теперь спрашивается: есть ли на Западѣ хоть одна жизненная стихія, которая бы, болѣе или менѣе, не была насыщена и пронита насквозь Революціе? Церковь ли? Но ее представлять духовенство, то духовенство, которое въ 1848 году благословляло деревья свободы, а въ 1854 г. благословило Турецкое знамя. Порядокъ ли? Но его представитель Лудовикъ Наполеонъ Бонапартъ, братъ всѣхъ Западныхъ государей. Свобода ли? Но чтѣ же она, какъ не сама Революція, подающая одну руку Мадзини, а

8 Апрѣля. „Eh bien, nous voilà donc aux prises avec toute l'Europe coalisée contre nous. Coalition n'est pas le mot, c'est *conspiration*, qu'il faut dire... Il n'y a rien de nouveau sous le soleil, et cependant il est peut-être vrai qu'il n'y pas eu dans l'histoire d'antécédents d'une indignité tramée et commise dans de pareilles proportions. C'est tout un monde déshonoré... Le roi de Prusse vient d'écrire ici qu'en dépit du protocole, qu'il a signé et du traité qu'il a conclu, il n'en reste pas moins fidèle à ses sympathies pour notre alliance, tandis que son collègue d'Autriche, le prenant sur

другую Туркамъ, ко всеобщему удовольствію Европейской публики. Затѣмъ-то, чтѣ еще не есть Революція на Западѣ, можетъ ли оно стать политическимъ врагомъ Россіи, не ставши союзникомъ, то есть добычею Революції? Я убѣжденъ, что не можетъ и даже этого уже и не домогается. Вотъ почему дѣло идетъ именно о верховной, послѣдней борьбѣ всего Запада съ Россіею. Очень можетъ быть, что Россія при этомъ погибнетъ. Но если бы случилось, что погибнетъ не она, то уже это будетъ не просто Россія, которая явится торжествующею победительницею: это будетъ Великая Греко-Российская Восточная Имперія. Такова дилемма, въ которую вдвинулась теперь Европа...»

Мы должны здѣсь оговорить выраженіе, что «паденіе Россія влечетъ за собою паденіе церкви». Очевидно Тютчевъ разумѣть здѣсь вѣшнее положеніе церкви, какъ вѣшнаго учрежденія, а не церковь въ ея внутренней непреходящей жизни. Нѣть сомнѣнія, напримѣръ, что взятие Константина Поля Туркамъ имѣло значительное вліяніе на земную судьбу Восточной церкви, — и въ этомъ смыслѣ выраженіе Тютчева вѣрно.

un ton plus pathétique, nous déclare que c'est le *cœur saignant* qu'il passe du côté de nos ennemis. C'est comme le pamphlétaire, qui pour s'excuser d'avoir publié un libelle contre son bienfaiteur, disait: „il faut bien vivre...“ и проч. (*).

21 Апрѣля. „J'ai lu l'article de Forcade dans la Revue de Deux Mondes, où il est question de moi et que personne ici me semble avoir remarqué. Certes, ce n'est pas l'envie de parler qui me manque, mais elle est constamment refoulée par la conviction de plus en plus intime de l'impuissance, de l'inutilité radicale de la parole... plus vain, plus impuissante que jamais dans le moment actuel. A ceux d'ici c'est superflu, même si c'était possible. Pour

(*) «Ну вотъ, мы въ схваткѣ со всемъ Европой, соединившейся противъ насъ общимъ союзомъ. Союзъ — впрочемъ не вѣрное выраженіе, настоящее слово: *за-вогръ*. Нѣть ничего нового подъ солнцемъ, однако же едва ли не справедливо, что въ исторіи не бывало прѣмъровъ гнусности замышленной и совершиенной въ такомъ объемѣ. Это цѣлый міръ обесщещенный... Отъ Пруссакого короля получено писанье, что, несмотря на протоколъ имъ подписанный, па трактать имъ заключенный, онъ-де тѣмъ не менѣе пребываетъ вѣренъ своимъ симпатіямъ къ Русскому союзу. А коллега его, Австрія, тономъ болѣе патетическому, объясняетъ наше, что лишь съ *сердцемъ, облизывающимся кровью*, переходить она на сторону нашихъ враговъ. Это какъ тотъ пифастичъ, который, выпустивъ въ свѣтъ книжонку противъ своего благодѣтеля, говорилъ въ извиненіе: «вѣдь надо же мнѣ жить...» и проч.

ceux du déhors c'est autrement impossible. Car la parole, la pensée, la réflexion, tout cela suppose un *terrain neutre*, et il n'y a rien plus de neutre entre eux et nous... Il y a longtemps que l'on pouvait pressentir, que cette haine furieuse, cette haine de dogue à la chaîne, qui depuis trente ans s'irritait de plus en plus dans l'Occident contre la Russie, que cette haine un jour ou l'autre devait nécessairement rompre la chaîne. Ce jour est arrivé... Ce qui s'appelait la Russie en langage officiel a eu beau faire pour conjurer ce destin, elle a eu beau biaiser, transiger, cacher le drapeau, se renier enfin, rien n'y a fait. Est venu un moment, où pour la mettre en démeure de prouver sa modération d'une manière encore plus éclatante, on lui a tout honnêtement proposé de se suicider, d'abdiquer sa raison d'être, de reconnaître qu'elle n'était autre chose dans ce monde, qu'un fait brutal et absurde, rien qu'un abus demandant correction. Je ne sais trop ce qu'aurait fait la Russie officielle livrée à elle-même, et au delà de quelle arrière-limite des limites elle aurait poussé son désintéressement et sa longanimité. Mais heureusement cette fois, de derrière le simulacre, qui ne simulait plus rien du tout, on a entendu une voix très réelle prononcer très définitivement: Non. Et ce non, cette négation, si brutalement, si témérairement provoquée, c'est l'affirmation de quelque chose dont on n'a qu'une idée bien confuse en Europe. Ce quelque chose qui s'appelait la Russie en langage occidental, ce compromis entre des prétentions surannées, mais toujours flagrantes et cet Avenir constamment ajourné, ce compromis où il y avait autant de niaiserie et d'imbecilité d'une part que de mauvaise foi et d'iniquité de l'autre, cette combinaison là est bien décidément épuisée et ne

renaîtra plus... C'est cet avenir réservé, cet avenir de l'Europe d'Orient, dont la Russie n'était que le dépositaire, qu'on a redemandé à elle, en lui mettant le couteau à la gorge... La bataille maintenant, qu'elle en sera l'issue? Pour la pressentir il faudrait savoir à quelle heure de la journée nous sommes sur le cadran de la chrétienté. Mais si ce n'est pas encore la nuit, nous pourrons encore discerner de grandes et belles choses. Seulement la lutte finie, ce n'est plus à la Russie qu'on aura à faire dans l'Occident, c'est à ce quelque chose de formidable et de définitif, qui n'a pas de nom encore dans l'Histoire, mais qui existe déjà et qui grandit à vue d'œil dans toutes les consciences contemporaines, amies ou ennemis n'importe... Ainsi soit-il.⁴ (*)

(*) «Я прочелъ статью Форкада въ Revue des Deux Mondes, гдѣ идетъ рѣчь обо мнѣ и которую кажется здѣсь никто не замѣтилъ. Конечно, не въ желаніи говорить у меня недостатокъ, по желаніе это постоянно сдавливается убѣждениемъ, съ каждымъ днемъ укоряющимъся, въ безсиліи, въ совершенной бесполезности слова... Тщетно и немощно слово въ настоящую минуту, какъ никогда не бывало. Къ тому же, — съ кѣмъ говорить? Съ здѣшними — изящие, еслибы бы и было возможно. Съ вѣшними — невозможно по другой причинѣ. Слово, мысль, разсужденіе, все это предполагаетъ какую нибудь *нейтральную почву*, а между нами и ими нѣть уже ничего нейтрального... Давно уже можно было предугадывать, что эта бѣшепая ненависть, — словно пепависть пса къ привязи, — ненависть, которая тридцать лѣтъ, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе, разжигалась на Западѣ противъ

Статья Форкада, о которой говорить Тютчевъ, не только упоминала объ немъ, объ его брошюре, извѣстной намъ подъ заглавиемъ „La Russie et la Révolution“ и напечатанной въ 1849 году въ Парижѣ, но, пе называя его имени, содержала въ себѣ искаженія выписки изъ только-что приведенныхъ памъ, и другихъ, не помѣщаемыхъ здѣсь, писемъ Тютчева къ его супругѣ. Ея братъ, баронъ Пфеффель, постоянно проживавшій въ Мюнхенѣ, гдѣ въ то время лѣчилась и Э. О. Тютчева, сообщалъ, безъ вѣдома автора, эти письма въ извлеченіяхъ своимъ знакомымъ въ Парижѣ, и между прочимъ Форкаду. Конечно Тютчевъ былъ вовсе не прочь

Россіи, сорвется же когданибудь съ цѣли. Этотъ мигъ и насталъ... То что на официальномъ языке называлось Россіею—чего уже оно ни дѣлало, чтобы отвратить роковую судьбу: и вилляло, и торговалось, и прятало знамя, и отрицало даже самое себя,—ничто не помогло. Пришелъ таки день, когда отъ нея потребовали еще болѣе яркаго доказательства ея умѣренности, просто на просто предложили самоубийство, отреченіе отъ самой основы своего бытія, торжественнаго признания, что она не что иное въ мірѣ, какъ дикое и безобразное явленіе, какъ зло, требующее исправленія... Я не знаю навѣрное, чтѣ сдѣлала бы официальная Россія, предоставляемая самой себѣ, и до какого бы крайняго предѣла предѣловъ довела бы она свое безкорыстіе и долготерпѣніе. Но къ счастію на сей разъ, изъ-за этого *подобія*, которое уже и подобитъся чему либо перестало, раздался голосъ—живой, настоящій, и произнесъ рѣшительное: «Нѣтъ»... Это «нѣть», это *отрицаніе*, вызванное такъ грубо, такъ дерзко—есть, въ тоже время, *положительное утвержденіе* чего-то такого, о чёмъ въ Европѣ имѣется самое смутное понятіе. То, что называлось Рос-

сіею до слуха Французовъ—сужденія объ ихъ политикѣ и образѣ дѣйствій съ точки зрѣнія Русской. Такія же выписки помѣщены и въ другой статьѣ Форкада, въ томъ же журналѣ и въ томъ же году. Онъ любуется и талантъ, и силой внутренняго убѣженія, которыя ярко выступаютъ въ письмахъ, но въ тоже время указываетъ на нихъ, какъ на обращѣкъ—какіе опасные для Европейской цивилизациії гиѣздятся въ Русскихъ умахъ исполненіе помыслы,—какъ много въ нихъ страстного и варварскаго пыла, и проч.—Въ письмахъ отъ Августа мѣсяца 1854 года, мы встрѣчаемъ у Тютчева, между прочимъ, следующія строки: „J'ai sur ma table

сію на языкѣ западнаго, эта сдѣлка, этотъ компромисъ между притязаніями устарѣлыми, по все еще живущими, и между Будущимъ постоянно отсрочиваемымъ, этотъ компромисъ, въ которомъ съ одной стороны было столько простодушной глупости и безмыслицы, съ другой; столько небросовѣтности и неправды,—такая сочиненная система, конечно, теперь уже издержалась вся и больше не возобновится. Вотъ эту-то особенную будущность (будущность Европейскаго Востока, которой Россія только залогоохранительница) и хотятъ отъ нея исхитить, приставивъ ножъ къ горлу.... Какой же будетъ исходъ битвы? Чтобы предугадать его, надо бы знать—какой часъ дня стоитъ теперь на часовомъ вругѣ христіанства? Если еще не ночь, то намъ еще удастся увидѣть немало крупнаго и величаваго... Только когда окончается борьба, уже не съ Россіей собственно придется имѣть дѣло Западу, а съ чѣмъ-то исполненнымъ и окончательнымъ, чему еще нѣтъ имени въ Исторіи, но чтѣ уже живеть и ростеть не по днямъ, а по часамъ, въ сознаніи всѣхъ современниковъ—друзей и недруговъ.... Да будетъ такъ!...

le № du 1 Juillet de la Revue des Deux Mondes, où je trouve toute ma correspondance. C'était assurément l'unique chance, qu'eussent mes lettres d'être relues par moi... L'autre jour chez la comtesse Bobrinsky on m'a régalé sans savoir qu'elles étaient de moi, de la lecture des extraits de mes lettres, qui se trouvent reproduits tout au long dans un article de la Revue de Deux Mondes. Et ceci m'aurait presque donné envie d'écrire quelque chose de développé et de suivi sur l'ensemble de la question. Mais...“^(*)

Но и пламенныя упования Тютчева на высокое призвание России не избавили его отъ принадковъ тоски и унынія въ виду постоянныхъ нашихъ неудачъ, ошибокъ и всей страшной впутренней неурядицы, всплывшей на поверхность казеншаго нашего порядка и „благополучшаго обстоянія.“ Вотъ что читаемъ въ его письмахъ того же года: „Quand on se trouve en face d'une réalité qui blesse et brise tout votre être moral, quel est l'homme assez fort pour ne pas détourner la tête par moments et ne pas se voiler la tête d'illusions? Mais la terrible réalité se soucie fort peu d'être crue ou non, il lui suffit d'être... Elle est—elle marche —elle arrive... Il y aurait une solte affectation de ma part à essayer de

(*) У меня на столѣ лежитъ № отъ 1 Іюля R. des Deux M., где помѣщена вся моя переписка. Конечно—это была единственная возможная случайность, чтобы мои письма были прочитаны самимъ мною... На дняхъ у графини Бобринской меня угощали, не подозрѣвая во мнѣ автора, моими собственными письмами, воспроизведенными въ извлеченияхъ, въ одной статьѣ R. des Deux Mondes. И это почти возбудило во мнѣ желаніе написать что нибудь, послѣдовательное и болѣе полное о всей общности вопроса. Но....

dissimuler mon profond, mon entier décuoragement. Tout n'est pas perdu peut-être, mais tout a été gaché, abîmé et pour longtemps compromis... Intelligence opprimée, comme tu te venges!...“^(*)

Замѣчательно и слѣдующее его письмо изъ Москвы отъ 30 Ноября 1854 года:

„A l'exception de quelques individus qui voient clair parcequ'ils ont toujours vu clair, ce qu'on appelle le public, ce faux peuple, cette contrefaçon du vrai pays, ici comme ailleurs n'a qu'un profond sentiment de malaise et de d茅ception sans nulle intelligence vraie de la situation. On comprend qu'on a fait fausse route parcequ'on se trouve embourb茅. Mais où a commencé la déviation? Depuis quand? Comment rentrer dans la bonne voie? Et où est-elle, quelle est-elle cette bonne voie? Voilà, certes, ce que l'on est loin de deviner. Et il ne pouvait pas en être autrement, le genre de civilisation qu'on a infligé à ce malheureux pays tendant fatallement à ce double résultat: *instincts faussés, intelligence engourdie ou annulée...* Ceci encore ne s'applique qu'à cette classe de la société russe qui se prétend civiliée—le public. Car la vie nationale, la

(*)Когда стоишь лицомъ къ лицу съ правдою дѣйствительности, съ такою ея правдою, которая язвить и сокрушаетъ все ваше нравственное существо,—у кого же достанетъ силъ, чтобы подчасъ не отвратить въ сторону взора, не накрыться, какъ покрываломъ, мечтою? Но страшной правдѣ что за дѣло—вѣрять ли ей или не вѣрять: съ нея довольно быть... Она есть, она идетъ—она паступаетъ. Было бы глупымъ притворствомъ съ моей стороны скрывать мое глубокое, полное унынія. Можетъ быть и по все потеряю, но все испажено, перепорчено, подорвано въ своей силѣ надоаго..... Разумъ подавленный, какъ ты истиши за себя!...

vie historique est encore intacte dans les masses. Elle attend son heure, et le moment venu elle ne manquera pas à l'appel et saura bien se faire jour en dépit de tout et de tous. En attendant il est clair pour moi que nous ne sommes qu'au début des déceptions et des humiliations de tout genre...” (*)

.. „Et voilà les gens qui dirigent les destinées de la Russie (пишеть Тютчевъ въ другомъ письмѣ) à travers la plus formidable crise qui ait jamais ébranlé le monde... Non certes, il est

impossible de ne pas pressentir la fin prochaine et imminente de cet épouvantable contre-sens, épouvantable et grotesque à la fois, de cette contradiction à faire rire et grincer des dents, entre les hommes et les choses, entre ce qui est et ce qui devrait être... Nous en sommes toujours encore à la vision d’Ezéchiel. Le champ est tout couvert d’ossements orides. Ces ossements se ranimeront-ils? Seigneur, Tu le sais! Mais certes, il ne faudra pas moins que le souffle de Dieu — un souffle de tempête...” (*)

Къ сожалѣю, переписка прерывается именно па тѣ жеяцы, когда въ Россіи, въ лицѣ двухъ царей, одна историческая эпоха смѣнилась другою. Мы разумѣемъ кончину государя Николая Павловича и поцареніе Его Сына. Возобновившись весною, переписка продолжается въ прежнемъ духѣ и тонѣ: то страстное, напряженное состояніе, въ которомъ держала всю Россію одицнадцати-мѣсячная осада Севастополя, отражается въ письмахъ Тютчева во всей своей животрепещущей правдѣ; онъ уже не могъ „пѣть“ въ риѳмованныхъ стихахъ...

«Теперь тебѣ пе до стиховъ,
О слово Русское, родное!

(*) ...И вотъ какіе люди ведутъ теперь судьбы Россіи сквозь небывалый громадный кризисъ!.. Нѣтъ, невозможно не чаять близкаго, неминуемаго конца этой страшной безмыслицѣ, страшной и въ тоже время потѣшной, — этому противорѣчію, разомъ вызывающему и хохотъ, и скрежетъ зубовный, между людьми и дѣломъ, между тѣмъ что есть и что должно бы быть... Предъ нами все еще видѣніе Езекіяля: подѣ покрыто сухими kostями... Эти kostи — оживутъ ли? Ты вѣса, Господи! Но, конечно, оживить ихъ могло бы развѣ дыханіе Божіе — дыханіе бури....

(*)Исключая пѣкоторыхъ лицъ, которая видятъ яспо и теперь, потому что всегда видѣли яспо,—тѣ что называются публикой — этотъ лжес-пародіа, эта фальшивая поддѣлка подъ Русскую землю,—эдѣсь, какъ и всюду, испытываетъ только глубокое непріятное ощущеніе чего-то не по себѣ, вмѣстѣ съ союзаниемъ обманутыхъ надеждъ,—но безъ всякого истиннаго разумѣнія дѣла. Догадываются о томъ, что шли не тою дорогой, только потому, что увязли. По гдѣ имѣли своротили съ пуги? Съ какихъ поръ? Какъ попасть опять на правый путь, и гдѣ онъ, и чтѣ это за путь? Вотъ чего конечно отгадать не умѣютъ. Да и не могло быть иначе. Плодомъ той цивилизациіи особаго рода, которая было навязана нашей несчастной странѣ, должны были пынпуюмо явиться: *искривленные инстинкты*, — мысль закоченѣвшая или раздавленная. Это, конечно, относится только до той части Русскаго общества, которая величаетъ себя образованною, т. е. до публики; потому что жизнь народная, жизнь историческая, еще цѣльна въ народныхъ массахъ. Она ждетъ своего часа, и когда пастанетъ часъ—она пе замедлитъ отклинувшись на призывъ и съумѣетъ пробиться на свѣтъ Божій вопреки всѣмъ и всему... А между тѣмъ, для меня очевидно, что мы только въ самомъ началѣ разочарованій и уничиженій всякаго рода...

сказать онъ еще въ началѣ 1854 года, и точно: у него уже не писались стихи по поводу громадныхъ кровавыхъ событий,— но слово его не умолкало ни въ общес-ти, ни въ частныхъ бесѣдахъ и пись-мъ, восходя иногда до истинаго па-фоса и поражая своею прозорливостью. „L'Autriche — писалъ онъ къ одному знакомому — se brouille avec ses amis pour ne pas se compromettre vis-à-vis de ses ennemis. Peine inutile!... Le ca-non qui bat en brèche Sébastopol la chassera d'Italie.“ (*). Но какъ ни интересны за все это время тѣ письма Тютчева, которыя въ нашихъ рукахъ, мыслю и красотою рѣчи, мы должны однако же прекратить наши выписки, чтобъ не переступить за края биографического очерка. Приведемъ только, въ заключеніе, ещо нѣсколько отрывковъ. — Сильное первое возбужденіе, уныніе, горькое сомнѣніе въ судьбахъ Россіи, все это какъ бы разрѣшилось у Тютчева съ паденіемъ Севастополя. Дѣйствительно: очистительная жертва была принесена, боль достигла крайняго своего предѣла, — отсюда должно было начаться выздоровленіе. На чуткой природѣ поэта такая перемѣна исторической атмосферы отдалась сама собою, прежде даже чѣмъ стала предметомъ его сознанія. Вотъ его письмо отъ 9-го Сентября 1855 года изъ Москвы, гдѣ въ это время находился и „новый царь,“ т. е. Государь Александръ Николаевичъ, проѣздомъ на Югъ; оно стбить любаго стихотворенія... „Ce qui est vraiment prodigieux et bien humiliant aussi, c'est qu'avec nos insignifiantes impressions il a suffi de 8 jours, sinon

(*) Австрія ссорится съ друзьями, чтобы не компрометироваться передъ врагами. Напрасный трудъ! Пушкинъ, громящія теперь Севастополь, прогонять ее изъ Италии....

pour emporter, du moins pour affaiblir cette écrasante, cette foudroyante im-pression de la catastrophe de Sévasto-pol. Le fil du télégraphe que j'avais côtoyé pendant 600 werstes ne m'en avait rien dit, et c'est à mon arrivée, en venant chez mon frère, que j'ai appris par lui cette terrible nouvelle. Il est probable que si je l'avais écrite à l'instant-même, j'aurais dit des choses très éloquentes et très émouvantes. Main-tenant il est trop tard... et d'ailleurs dans ce moment-ci un magnifique soleil du matin entre dans ma chambre... Il y avait assurément quelque chose d'inusité et d'original dans l'impression que faisait le Kremlin habité. En voyant tout ce va et vient de la vie affairée, tout ce mouvement de voitures, cette foule stationnant dans les cours du palais, et tout cela en vue d'un intérêt présent,— on avait le sentiment comme si le charme venait de se rompre et que la vie allait reprendre, après des siècles d'interrup-tion... Et puis lorsqu'on venait à rencontrer dans les escaliers ou les corridors toutes ces figures connues de l'Étersbourg, N. N., O. O. etc., on sortait bien vite du rêve pour rentrer dans la réalité... Hier cependant, le 8, à l'heure où la messe se disait dans toutes les cathédrales, je suis monté sur la première plate-forme d'Iwan Véliky, qui était couverte d'un monde qui était là à attendre, à tort ou à raison, l'ap-parition de l'Empereur sur le grand escalier intérieur ou Sa sortie d'une des cathédrales. Tout-à-coup ce sentiment de tantôt m'a ressaisi. Il m'a semblé que le moment présent était passé depuis longtemps, qu'un demi-siècle et plus avait passé par là-dessus; que la grande lutte qui commence, après avoir par-couru tout un cycle de vicissitudes im-menses et avoir enveloppé et broyé dans ses replis des empires et des géné-

rations, était enfin terminée, qu'un nouveau monde en était sorti, que l'avenir des peuples était fixé pour des siècles, que toute incertitude avait disparu, que le Jugement de Dieu était accompli, le Grand Empire fondé... Il commençait sa carrière infinie là-bas dans d'autres régions sous un soleil plus brillant,— plus près des souffles du Midi et de la mer Méditerranée. Des générations nouvelles, avec des idées, des convictions toutes différentes, étaient en possession du monde, et fières du résultat acquis se souvenaient à peine des tristesses, des angoisses et de l'étroite obscurité dans laquelle nous vivons en ce moment... Et alors toute cette scène du Kremlin, à laquelle j'assistais, cette foule si peu consciente de ce qui allait arriver, se poussant pour voir l'Empereur.... toute cette scène m'a paru comme une vision du passé et d'un passé déjà lointain, et comme si les hommes, que je voyais se mouvoir autour de moi, avaient déjà depuis longtemps disparu de cette terre. Je me suis tout-à-coup senti le contemporain de leurs arrière-petits enfants... Et c'est celle disposition habituelle à mon esprit d'envisager la lutte dans ses proportions et ses développements gigantesques, qui me rend parfois moins sensible aux événements du moment,— bien que d'autres fois je me sente accablé de tristesse et de dégoût... » (*) .

(*)Что истинно изумительно и въ тоже время очень обидно, это ничтожность всѣхъ нашихъ впечатлѣній; восьми дней довольно было, чтобы если не разсѣять совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ ослабить страшное, подавляющее, какъ громъ низвергающее впечатлѣніе Севастопольской катастрофы.... Телеграфная птиць, вдоль которой я ходилъ 600 верстъ, ничего магъ о томъ не повѣдала, и только по приѣздѣ

„Это вторая пуническая война Запада съ Россіей“ — писалъ Тютчевъ, вслѣдъ за первымъ своимъ письмомъ изъ Москвы,— называя первую пуническую войною—1812 годъ. „Il s'agit de savoir si la plus nombreuse des trois races europ  ennes, apr  s avoir perdu contre les deux autres, depuis bient t mille ans, toutes les affaires d'avant-garde, est destin  e  tre d  sinilivernent

моемъ, зайдя къ брату, узналъ я отъ него эту печальную вѣсть. Очень вѣроятно, что если бы я тотчасъ же припала писать о ней, я бы наговорила много, весьма и весьма краснорѣчиваго, пронимающаго душу. Теперь уже поздно—и къ тому же въ эту самую минуту великолѣпное утреннее солнце вступило въ мою комнату..... Было, конечно, что-то необычное и своеобразное въ томъ впечатлѣніи, которое производилъ Кремль—населенный. При видѣ всей этой бѣготни дѣловой жизни, этого движенія каретъ, этой толпы стоящей на дворцовыхъ дворахъ,— и все это ради интересовъ текущаго дня,—чувствовалось словно бы чары разбились и жизнь, послѣ цѣлыхъ вѣковъ перерыва, двинулась снова... А по томъ, при встрѣчѣ на лѣстницахъ или въ коридорахъ со всѣми этими знакомыми Петербургскими лицами, съ Н. Н., О. О. и пр., мечта быстро разлеталась, и обдавала дѣствительность. Вчера однакоже, 8-го, когда шла обѣдня во всѣхъ соборахъ, я взобрался на первую площадку Ивана Великаго, набитую народомъ, ожидавшимъ, не зашо основательно ли или напрасно, появленія Государя на большомъ внутреннемъ крыльцѣ, или при выходѣ изъ собора. Вдругъ меня обхватило то, первое чувство. Мне показалось, что настоящій мигъ миновалъ уже давно, что полвѣка и больше прошло за нихъ; что великая зачинающаяся теперь борьба, совершивъ весь кругъ громадныхъ превратностей, объявивъ и перемоловъ, въ своихъ изгибахъ, цѣлый царства и поко-

vaincue dans son principal corps d'armée et perdre dans celle bataille suprême toute son autonomie historique,—n'être plus *qu'un grand cadavre avec une tête d'emprunt!*..“ (*)

лѣнія, уже наконецъ прекратилась,—что новый міръ возникъ изъ нея,—что будущность народовъ устоявилась на многіе вѣки, что всякая неопредѣлѣнность исчезла, что Божій Судъ совершился, Великая Имперія основалась.... Она вступала въ свое беаколечное поприще тамъ, въ страшахъ иныхъ, подъ солнцемъ болѣе яркимъ, ближе къ дуновеніямъ Юга и Средиземного моря. Новые поколѣнія, съ мыслями, съ убѣждѣніями совершенно иными, владѣли міромъ, и гордая всѣмъ пріобрѣтенымъ и достигнутымъ, едва-едва помнила о печалихъ, о мукахъ, о той тѣсной тѣмѣ, въ которой мы теперь обитаемъ.... И тогда все это Кремлевское зрелице, при которомъ я присутствовалъ, эта толпа, такъ мало подозревающая чтѣ виситъ падъ икою въ будущемъ, давящая другъ друга, чтобы только увидѣть Царя... все это зрелице показалось мнѣ какимъ-то видѣніемъ прошлаго, и уже далекаго прошлаго,—а люди, что около меня двигались, будто уже давно исчезли съ этой земли. Я вдругъ почувствовалъ себя современникомъ ихъ пра-правнуокъ... И вотъ эта-то наклонность, обычная моему уму, обнимать взоромъ борьбу во всемъ ея исполненіемъ объемъ и развитіи,—она-то и дѣлаетъ меня подчасъ менѣе впечатлительнымъ для событий настоящей минуты,—хотя въ другой разъ я изнемогаю отъ тоски и отвращенія...

(*) ...Дѣло идетъ о томъ, обречено ли многочисленѣйшее изъ трехъ племенъ Европейскихъ, которое до сихъ поръ, втеченіи почти тысячи лѣтъ, только проигрывало во всѣхъ своихъ авангардныхъ стычкахъ съ остальнымъ двумя племенами,—обречено ли оно претерпѣть окончательное пораженіе на своемъ главномъ войскѣ, утратить въ этой

Но онъ же и самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ черезъ нѣсколько дней: „Non, certes, la mѣprise commise par l'empereur Nicolas n'a 茅t茅 que la conséquence derni re et supr me d'une d viation profonde et bien ant rieure 脿 lui dans la direction imprim e aux destin es de la Russie,—et c'est pr cisement cette circonstance d'une d viation aussi ancienne et aussi profonde, qui me fait supposer que le redressement ne pourra s'obtenir que par de longues et de bien cruelles  preuves. Quant au succ s d finitif de la lutte en faveur de la Russie, il me paraît aussi peu douteux maintenant qu'il l'a jamais 茅t .“ (†).

Такими словами заканчивается эпопея послѣдней восточной войны въ письмахъ Тютчева. Онъ, по всему видно, пришелъ къ убѣжденію, что рѣшеніе великаго Восточнаго вопроса отсрочено исторію на долго, и что и Европа еще не истощила всѣхъ жизненныхъ силъ своего духа, ни Россія еще не созрѣла для предназначеннаго ей, какъ

послѣдней битвѣ всю свою историческую автономію и стать не болѣе, какъ *огромнымъ трупомъ съ заемною душою?*...

(†) ...Нѣть, безъ сомнѣнія, ошибка, совершающая императоромъ Николаемъ, была только результатомъ послѣдній, крайній, того рѣзкаго искривленія путей, которымъ, гораздо его ранѣе, было насилиственно измѣнено направление Русскихъ судебъ,—и вотъ именно это обстоятельство, — т. е. что искривленіе совершилось такъ рѣзко и такъ уже давно, — опо-то и заставляетъ меня думать, что и выпрямленіе можетъ быть добыто лишь долгими и лишь необычайно-жестокими испытаніями... Что же касается до окончательного разрѣшенія борьбы, то успѣхъ Россіи также мало, кажется мнѣ, подлежитъ сомнѣнію нынѣ, какъ подлежалъ когда либо и прежде.

думаю Тютчевъ, призванія. Опъ, конечно, понялъ и не могъ не понять, что не на отдаленные горизонты будущаго, а на бѣль тѣсный горизонтъ ближайшаго настоящаго должны по преимущество устремиться покуда Русскіе взоры и что чередъ, въ самой Россіи, не за исполнительскими, міровыми, политическими задачами, а за дѣломъ, и за долгимъ дѣломъ, собственного внутренняго устроенія. Этимъ объясняется, почему съ окончаніемъ восточной войны Тютчевъ почти совершенно замолкъ о своихъ историческихъ чаяніяхъ и вѣрованіяхъ, въ устныхъ бесѣдахъ и въ письмахъ. Только изрѣдка какой-нибудь стихъ или случайное слово напекали, что они еще живутъ въ его душѣ, глубокѣ затаенные, хотя, можетъ быть, уже не въ прежней своей цѣльности и полнотѣ... Но Тютчеву довелось дожить и до послѣдняго эпилога восточной войны. Лучь лѣтнегаго имъ будущаго снова сверкнула для него въ настоящемъ. Мы разумѣемъ возвращеніе себѣ Россію свободы на Черномъ морѣ, т. е. ту декларацию, которою Русскій Кабинетъ, въ концѣ 1870 года, возвѣстилъ Европѣ, что перестаетъ считать для себя обязательными, въ отношеніи къ Черному морю, ограничія въ правахъ, наложенные на Россію Парижскимъ трактатомъ. Не могъ не встрепенуться душою, уже почти 70-ти лѣтній, „не обманувшійся въ своей вѣрѣ“, поэтъ и отозвался двумя стихотвореніями, которыхъ впрочемъ нигдѣ не были имъ напечатаны, а одно изъ нихъ, согрѣтое вполнѣ искреннимъ чувствомъ, оставалось даже совсѣмъ неизвѣстнымъ до самой его кончины. Вотъ оно:

Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло,
Прошелъ событій цѣлый рядъ—
И вѣра наас не обманула,
И Севастопольского гула
Послѣдній слышимъ мы раскатъ.

Ф. И. Тютчевъ. 11.

Ударъ послѣдній и громовыи,
Онь грянулъ вдругъ, животвори,—
Носящее въ борьбѣ сурою
Теперь лишь высказано слово:
То слово Русскаго царя.

И все что было такъ недавно
Враждой воздвигнуто слѣпой,
Такъ пагаю, такъ самоуправно,—
Предъ честностью Его державной
Все рушилось само собой.

И вотъ: «свободная стихія»....
—Сказаи бы пашъ поэтъ родной—
Шумишь ты, какъ во дни былые,
«И ватиши волны голубыи,
И блещешь гордою красой»....

Пятнадцать лѣтъ тебѣ держало
Насилье въ западномъ плѣну,—
Ты не сдавалось и роптало;
Но часть пробилъ,—насилье пало:
Оно пошло какъ влючь ко дну.

Опять зоветъ и къ дѣлу вудить
Родную Русь твоя волна,
И къ распѣ той, чтѣ Богъ разсудитъ;
Великій Севастополь будить
Отъ заколдованныаго сна.

И то что ты во время бно
Отъ бурныхъ скрыла пепогодъ
Въ свое сочувственное лено,—
Отдашь ты намъ, и безъ урона,
Бесмертный Черноморскій флотъ.

Да, въ сердцѣ Русскаго народа
Сиять будетъ этотъ день:
Онь—наша вѣшняя свобода.
Онь Петропавловскаго свода
Освѣтить гробовую сѣнь....

Вотъ другое стихотвореніе, посланіе
къ князю А. М. Горчакову:

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинувъ пушки, ни рубля,
Въ свои права вступить готова
Родная Русская земля.

РУССКІЙ АРХІВЪ 1874 ГОДА.

И намъ завѣщаное море
Опять свободною волной,
О прежнемъ позабывъ позорѣ,
Любазеть берегъ свой родной.

Счастливъ въ нашъ вѣкъ, кому победа
Далаас не кровью, а умомъ;
Счастливъ, кто точку Архимеда
Умѣлъ найти въ себѣ самомъ....

VIII.

Празднества коронаціи 1856 года привлекли конечно и Тютчева въ Москву, и хотя не имѣли власти надъ его поэтическимъ творчествомъ, то есть не внушили ему никакихъ стиховъ, однако же довольно подробно описаны въ его письмахъ къ женѣ. По своему-званию каммергера, онъ не только былъ зрителемъ, но даже дѣйствующимъ лицомъ въ разныхъ коронаціопныхъ церемоніяхъ и обрядахъ. Трудно себѣ представить придворного менѣе придворного, чѣмъ былъ Тютчевъ. Онъ дорожилъ своимъ каммергерскимъ ключомъ именно какъ ключомъ, отпирающимъ ему двери многихъ блестательныхъ сбوريщъ, куда чуделко было бы и попасть при иныхъ условіяхъ, — а жить всею полнотою виѣшней общественной жизни, отъ ея высшихъ сферъ и до пизшихъ, было для него наступаюю потребностью. Но Тютчевъ и во дворцѣ, и на улицѣ, и на чердакѣ какого-нибудь бѣднаго литератора, былъ совершенно одинаковъ. И не потому только одинаковъ, что это — своего рода *le suprême bon genre*, обязательный для людей, какъ обыкновенно выражаются, *"истинно-образованныхъ"*: такая одинаковость, чисто виѣшняя, сана себя созидающая и сама себя внутрепно похваливающая, очень часто не болѣе какъ снисхожденіе подъ маскою вѣжливости, какъ сдѣлка между гордостью и требованіями свѣтскаго приличія. Но Тютчеву не было надобности ни въ какой

сдѣлкѣ съ самимъ собою; ему не приходилось бороться въ себѣ ни съ гордостью, ни съ тщеславіемъ, потому что въ этихъ обоихъ свойствахъ у него былъ, какъ мы уже объясняли, *положительный недостатокъ*: тутъ даже не было особенной заслуги съ его стороны. Ему было рѣшительно все равно, гдѣ бы онъ ни находился, только бы не было скучно,—только бы зрѣлище или бесѣда, чѣмъ бы они обставлениы яи были, давали пищу его уму, возбуждали въ немъ участіе, представляли сами по себѣ живой завлекающій интересъ. Какъ ищетъ собирается медъ со всякихъ растеній безъ разбора, съ полевыхъ и садовыхъ, такъ и Тютчевъ искалъ вездѣ и всюду, во всѣхъ явленіяхъ общественной жизни, впутренняго содержанія, скрытаго смысла, непосредственныхъ виѣшнихъ впечатлѣній, удовлетворенія потребностей своей поэтической, духовной природы. Не онъ былъ данникомъ этой виѣшней жизни, а она была его данницею, гдѣ бы, на какой бы высотѣ или на какой бы изнѣженности ни совершилась. Поэтому и былъ онъ не то что вездѣ какъ дома, а вездѣ одинъ и тотъ же, самъ собою, всегда и вездѣ независимъ, безъ аффектаціи, но независимъ не на показъ.

Письма его о коронаціи чужды какихъ либо серьезныхъ ствѣченыхъ соображеній; но въ нихъ много легкихъ грациозныхъ очерковъ и остроумныхъ занятокъ. Вотъ, между прочими, его описание маскированного бала въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ:... „*Je rentre à l'instant de ce fameux bal masqué... Quant à moi, je dois l'avouer, tout ce mouvement, tout cet éclat, toute cette représentation grandiose et les pompes symboliques sous les quelles on reconnaît tout à coup des figures si bien connues et si franchement, si humblement elles-mêmes, tout cela me fait l'effet d'un rêve: tant c'est vivant et en même*

temps incohérent et peu réel. Voici par exemple la vieille comtesse R. et la vieille T. (je nomme celles-la parceque ce sont les dernières aux quelles je viens de parler), et tout à côté des princes Mingréliens. Tatars, Iméretiens, très authentiques, avec leurs magnifiques costumes et leurs figures solennelles, et des histoires de sang après eux, et même, comme ce soir par exemple, deux Chinois vivants et réels, et puis à deux cents pas de ces salles resplendissantes de lumières et encombrées de cette foule si contemporaine, là-bas sous les voûtes, les tombeaux d'Iwan III et d'Iwan IV... Si par hazard on pouvait admettre que le bruit et le reflet de tout ce qui se passe dans leur Kremlin arrive jusqu'à eux.—comme ils doivent faire de grands yeux, tout morts qu'ils sont.... Iwan IV et la vieille R.... Ah combien il y a du rêve dans ce que nous appelons la réalité...“ (*)

(*) ... Я только что вернулся съ этого пресловутаго маскированаго бала.... Чѣд касается меня, я долженъ сознаться, что все это движение, весь этотъ блескъ, все это величавое представление, вся эта пышность символовъ, подъ которыми вдругъ опознаешь давно знакомыя лвца, которыхъ такъ откровенно, такъ смѣренno они, они самыя, а не какиа другиа,—все это кажется мнѣ какимъ-то сномъ,—до такой степени все это полно жизни и въ тоже время несообразно, неподобно на дѣйствительность. Вотъ напримѣръ старуха графиня Р... и старуха Т... (пазываю ихъ потому, что съ ними посыпьми только что разговаривалъ), а тутъ рядомъ князья Мингрельские, Татарские, Имеретинские, самые подлинные, съ ихъ великолѣпными костюмами, ихъ торжественными фигурами и кровавыми исторіями за плечами,—и даже, какъ сегодня вечеромъ, два живыхъ, настоящихъ Китайца; а тамъ шагахъ въ двухъ стахъ

Приведемъ кстати его письмо, двумя годами позднѣе, съ описаніемъ его участія въ церемоніи освященія Исаакіевскаго собора:

„... J'oubliais de mentionner la cérémonie de la consécration de l'église d'Isaac, dans laquelle j'ai figuré à titre de chambellan. C'était bien beau, mais malheureusement aussi bien long. Convoyés à 9 heures du matin au palais d'Winter, à 11 heures nous stationnions encore dans la grande cour du palais, parqués dans neuf voitures respectives et attendant le signal du départ... Je me trouvais dans l'avant-dernière voiture du cortège, dorée sur toutes les coutures, attelée de six chevaux et escortée de la livrée à pied. J'avais en face de moi deux inconnus, plus anciens que moi à ce qu'il paraît, puisqu'ils étaient dans le fond de la voiture. Je me sentais encore plus ennuyé que ridicule. Vers une heure la consécration étant finie, une procession dont j'avais bénévolement fait partie en étoyant hors des rangs la personne d'A. D... était arrêtée dans l'église.... C'est alors que me sentant accablé de fatigue et réduit à la dernière inanition,—m'étant d'ailleurs convaincu de la gratuité absolue d'une présence plus longue et ayant devant moi l'avenir vraiment effroyable d'une messe d'archevêque qui commençait à peine, suivie d'une panikhida en mémoire des cinq souve-

отъ этихъ залъ, залитыхъ свѣтомъ и загроможденныхъ людомъ самыя наин современные,—тамъ, подъ сводами, гробницы Ивана III и Ивана IV..... Если предположить, что шумъ и отблескъ всего чѣд происходитъ въ ихъ Бремль, доходить и до нихъ, вотъ должно быть таращать они глаза, какъ они тамъ ни мертвы... Иванъ IV и старуха Р.... Ахъ, сколько сновидѣнія въ томъ, чѣд мы зовемъ дѣйствительностью!...

rains fondateurs et édificateurs de l'église (Pierre I, Cathérine II, Paul, Alexandre et Nicolas), et d'un Tedeum non moins solennel et non moins long.... c'est alors, dis-je, sous le coup de toutes ces influences impérieuses et irrésistibles, que j'ai fait ce qu'il était profondément dans ma nature de faire, en prenant la clef des champs, toute clef de chambellan qu'elle était, et en m'en allant solitaire et superbe à travers les rues éblouies de mes splendeurs, pour gagner par le chemin le plus direct ma chambre, ma robe de chambre et mon déjeuner, dont j'avais un pressant besoin... "*)

*) ... Я забылъ упомянуть о церемонии освященія Исаакіевской церкви, въ которой я участвовалъ въ качествѣ каммергера. Это было очень красиво, но къ несчастію и очень длинно. Созаванные въ 9 часовъ утра въ Зимній Дворецъ, мы въ 11 часовъ еще пребывали на большомъ дворцовомъ дворѣ, размѣщенные въ девяти каретахъ по принадлежности и въ ожиданіи сигнала къ отъѣзду... Я находился въ предпослѣдней каретѣ поѣзда, позолоченной по всемъ швамъ, запряженной въ шесть лошадей и сопровождаемой пѣшими лакействомъ. Противъ меня сидѣли двое незнакомыхъ, должно быть старше меня чиновъ, потому что они занимали мѣсто въ глубинѣ кареты. Я чувствовалъ себя еще болѣе соскучившимся, чѣмъ смѣшнымъ. Около часу освященіе окончилось, и процессія, въ которой я благосклонно принялъ участіе, иди бокъ о бокъ, вѣрхъ рядовъ, съ княжной А. Д., стала въ церкви. Тогда-то, чувствуя себя разбитымъ отъ усталости и доведеннымъ до совершенного истощенія,—убѣдавшись къ тому же, что присутствовать долѣе—совершенно напрасно,—я, предъ собой будущность по истинѣ ужасающую—архіерейской обѣди, едва начинавшейся, а за нею вслѣдъ: панихиды въ память пяти госу-

Съ заключеніемъ Парижскаго мира и съ воцареніемъ новаго Государя, Россія, какъ уже было сказано и какъ памятно еще всѣмъ, вступила въ новый періодъ бытія. Отъ хмѣля кичливыхъ самообольщений, отъ самоупоенія витицію Русскою силою и военною славою, общество, быстро и рѣзко, перешло къ иному угру,—угру самообличенія и переворазованія; весь, несчетными годами накопившійся, соръ выметенъ былъ изъ избы; словно изъ кладовой, вытаскивался наружу старый и затхлый хламъ, вывѣтрялся и выкодачивался публично. Долго сдержанная мысль торопилась высказаться и, высказавшись, спѣшила перейти къ дѣлу. И точно вскорѣ началась для Россіи пора такой практической, честной работы, что людямъ только отвлеченною мысли, только слова, приходилось уступить мѣсто мудрецамъ и чернорабочему, или же самимъ браться за не-привычную для нихъ, тяжелую службу въ разныхъ комиссіяхъ, канцелярияхъ и комитетахъ, по разрѣшенію насущныхъ вопросовъ уже не мечтательной, а наличной действительности. Всего менѣе, повидимому, предъявлялся запросъ на тѣ именитыя таланты, которыми обладалъ Тютчевъ,—и всего болѣе на тѣ способности и свой-

дарей, основателей и создателей храма (Петра I, Екатерины II, Павла, Александра и Николая), и модебна не менѣе торжественнаго и цеменѣе длиниаго,—тогда-то, говорю я, подъ напоромъ всѣхъ этихъ властительныхъ и непреодолимыхъ вліяній, я сдѣлать то, чтѣ сдѣлать было совершенно свойственно моей природѣ,—я утекъ (*) изъ церкви и отправился, величавый и одиночный, вдоль улицъ, озадаченныхъ моимъ пышнымъ блескомъ, прямою дорогой къ себѣ, къ своей комнатѣ, къ своему шкафру и къ своему завтраку, въ которомъ крайне пуждался...

(*) Здѣсь въ подлинникѣ непереводимая игра словъ.

ства, которыхъ ему недоставало. Но Тютчеву удалось понести и свою долю исторической повинности, павшей на всю Русскую умственную силу. Конечно, самое присутствие такого человѣка въ высшей общественной Петербургской средѣ не могло оставаться совершенно бесполезнымъ, не могло не освѣжать, хоть изрѣдка, ея спрѣтый воздухъ и не пропускать лучей умнаго свѣта въ ея тусклое и ужъ всего менѣе национальное сознаніе. Частыя бесѣды Тютчева съ главнейшими дѣятелями той эпохи, съ которыми онъ былъ близокъ или по прежнѣйшему своимъ связямъ или по своему положенію въ обществѣ, были также, безъ сомнѣнія, своего рода дѣломъ... Но, кромѣ того, Тютчевъ сослужилъ и положительную службу Русскому просвѣщенію своимъ заступничествомъ за Русскую печать и своюю дѣятельностью въ званіи Предсѣдателя Комитета Иностранный Цензуры и члена Совѣта въ Главномъ Управлѣніи по дѣламъ печати. Это заступничество, если не за полную свободу, то за болѣй просторъ Русского печатнаго слова, выражалось прежде всего въ формѣ письма къ нынѣшнему канцлеру, князю Горчакову, которое ходило тогда по рукамъ, въ спискахъ и въ прошломъ 1873 году помѣщено, во Французскомъ подлиннике и въ переводе, въ „Русскомъ Архивѣ“, подъ заглавиемъ: „Записка о Цензурѣ.“ Ближайший поводъ къ этому письму былъ слѣдующій.

Съ порывомъ къ новой усиленной жизни, объявляемой всю Россію, естественно, что и Русская печать получила небывалое до тѣхъ поръ значеніе; администрація приходилось съ нею считаться и волей-неволей отводить мѣсто въ ряду законныхъ отправлений общественнаго организма. Вопросъ былъ только объ объемѣ отводимаго мѣста. Разумѣется, съ одной стороны хотѣли сдѣлать этотъ

объемъ неизвѣримо-малымъ, почти прозрачнымъ; съ другой домогались ширины безпредѣльной.. Между тѣмъ Герценская „вольная Русская печатнія въ Лондонѣ“ не могла не слутить офиціальныя сферы и заставила ихъ серьезно призадуматься: какими бы средствами противодѣйствовать ея вліянію? Но какими же средствами? Всѣ запреты, всѣ полицейскіе способы возбранить пропускъ „Колокола“ въ Россію оказались бессильными. „Колоколъ“ читался всею Россіей, и обаяніе единствено-свободнаго, впервые раздавшагося Русскаго слова было неотразимо. Въ правительственныхъ сферахъ пришли наконецъ къ мысли, что наиболѣшійъ средствомъ вывести п общество, и себя изъ такого фальшиваго положенія было бы учрежденіе въ самомъ Петербургѣ Русскаго литературнаго органа, такого органа, который, издаваясь при содѣствіи, покровительствѣ и денежнѣмъ пособіи отъ правительства, но въ тоже время съ приемами и развязностью *почти* свободной газеты, боролся бы съ Герценомъ и направлялъ бы общественное мнѣніе на истинный путь... Для редакціи такого журнала предполагалось пригласить благонамѣренныхъ, благонадежныхъ, но однакоже авторитетныхъ литераторовъ... Этотъ-то проектъ, сообщенный Тютчеву на предварительное разсмотрѣніе, и послужилъ поводомъ къ его письму. Какъ ни очевидна была для Тютчева, а также, безъ сомнѣнія, и для лица, къ которому письмо было адресовано, несостоительность подобнаго проекта, но письмо предназначалось для обращенія въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ кругахъ; а потому ее, эту несостоительность, требовалось доказать, и при томъ доказать *деликатно*, — а это, въ свою очередь, давало благовидную возможность преподать нѣкоторое общее, болѣе здравое понятіе о свойствахъ предмета, такъ сильно озабочивавшаго

администрацію, т. е. печати. Задачу свою Тютчевъ исполнилъ очень искусно, и письмо его было въ то время истинною гражданской заслугою; но конечно, само по себѣ, это письмо ни для кого, кромѣ тѣхъ, кого оно имѣло въ виду, не представляло, да и не могло представить, какихъ либо новыхъ, блестящихъ сопрѣжненій. Напротивъ, при чтеніи письма, трудно защититься отъ невольного чувства соболѣзвованія къ положенію этого просвѣщенаго, высокаго ума, вынужденаго принизиться до уровня почти дѣтски-наивнаго разумѣнія,— усиливающагося наисерьезнѣйшимъ образомъ втолковать своимъ предполагаемымъ читателямъ, что гласность всѣцъ полезная, а угнетать искренность слова—вредно и вообще тому подобныя истины, давно для всѣхъ людей, сколько-нибудь зрѣлыхъ мыслью, ставшія непререкаемыми аксионами. Зная Тютчева, можно себѣ вообразить, какъ долженъ онъ быть стечь и страдать внутренно, обставляя всѣми возможными предосторожностями и оговорками простую, безхитростную правду своихъ рѣчей, и выдавая чуть ли не оригинальное открытие то, что въ его собственныхъ глазахъ было,—употребимъ его же выражение,—не болѣе какъ „*une banalit  paus e abonde*“... Тѣмъ не менѣе „письмо“ или „записка“ Тютчева и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не утратило значенія современности, и такъ какъ оно притомъ написано остро-уично и относительно-смѣло, то это обязываетъ насъ изложить его содержаніе.

„Если правда, какъ вы сказали, князь (такъ пишетъ Тютчевъ), что практическій умъ, при извѣстномъ положеніи, можетъ желать лишь того, чтѣдѣйствительно осуществимо по отношеніи къ лицамъ (en  gard aux personnes), то не менѣе справедливо, что было бы недостойно истинно-практическаго ума желать чего либо несовѣтнаго съ есте-

ственными условіями его существованія (en d hors des conditions naturelles de son existence)⁴. Если,—продолжаетъ онъ,—какой либо очевидной истинѣ научилъ тиженый опытъ послѣдніхъ годовъ, такъ несомнѣнно слѣдующей:

Намъ было жестоко доказано, что нель-
зя налагать па умы слишкомъ рѣшитель-
наго, слишкомъ продолжительнаго стѣсне-
нія и гнета безъ существеннаго вреда для
всего общественнаго организма. Оказывается,
что всякое ослабленіе, всякое уменьшеніе
умственной жизни въ обществѣ служить
къ выгодѣ материальныхъ наслажденій и
глупно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже
сама Власть съ течениемъ времени не мо-
жетъ уклоняться отъ неудобствъ подобной
системы. Голая степь, громадная умствен-
ная пустота образуется вокругъ самой
Власти, и правительственный мысль, не-
находя въ себѣ ни контроля, ни указаний,
ни какой-либо точки опоры, кончаетъ тѣмъ,
что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ
подъ собственнымъ бременемъ еще прежде,
чѣмъ сокрушать ее роковая событія!

„Къ счастію, этотъ жестокій урокъ
не пропалъ даромъ“, прибавляеть Тют-
чевъ и, указывая на наступившее въ
Россії, съ новымъ царствованіемъ, ослаб-
леніе прежней чрезмѣрной суворости въ
отношеніи къ мысли и печати, онъ вмѣ-
стѣ съ тѣмъ, сильнымъ и убѣдительнымъ
словомъ, выставляетъ заслугу новой со-
временной литературы. Какъ воспользова-
валась литература тою іѣкоторою сво-
бодою, которая была ей дана, спраши-
ваетъ Тютчевъ, къ чему устремилась
она, почуявъ больше простора?.... „Къ
тому только, — отвѣчаетъ Тютчевъ, —
чтобы сколь возможно лучше и вѣрнѣе
выразить настоящее мнѣніе страны. Вѣстѣ съ живымъ чувствомъ настоя-
щей дѣйствительности, съ талантомъ не-
прѣдѣльно вѣсѣмъ замѣчательнымъ, литература
проявила не менѣе живую заботливость
о всѣхъ насущныхъ нуждахъ, о всѣхъ

интересахъ, о всѣхъ язвахъ Русскаго общества. Относительно предлежащихъ улучшений, она, какъ и сама страна, озабочивалась только тѣми, которые были возможны, существенны, практичесны, ясно указаны,—не увлекаясь утопией—этимъ въ высшей степени литературы недугомъ.“ Какія нибудь частныя уклоненія, излишства, крайности не представляютъ, по мнѣнію Тютчева, никакой важности при этомъ общемъ, господствующемъ характерѣ литературного движения. Ни одинъ классъ въ обществѣ, объясняетъ онъ, не питаетъ такого сочувствія къ Верховной Власти въ ея борьбѣ со всяческими злоупотребленіями, какъ именно люди пера и мысли, такъ называемые литераторы; никто болѣе ихъ не одушевлѣнъ рвениемъ помочь ей въ ея благихъ намѣреніяхъ.... Я знаю, впрочемъ, продолжаетъ Тютчевъ, что мои слова будутъ многими встрѣчены съ недовѣріемъ „въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего офиціального міра,“ и при этомъ островѣнно замѣчаетъ, что

въ этомъ мірѣ во всѣ времена существовало какое-то предвзятое чувство недовѣрія къ недовольства (de tout temps il y a eu dans ce monde-là comme un parti pris de dѣfiance et de mauvaise humeur), и это очень легко объясняется специальнostью ихъ точки зреінія. Есть люди, которые о литературѣ знаютъ столько же, сколько полиція въ большихъ городахъ о народѣ єю охраняемомъ, т. е. только тѣ несобразности и беспорядки, которымъ иногда предается народъ...

Затѣмъ Тютчевъ напоминаетъ своему собесѣднику примѣръ Германіи, до и послѣ 1848 года, и ту перемѣну, какая произошла въ отношеніяхъ Нѣмецкихъ правительствъ къ журналистикѣ. Тѣже самыя правительства, говоритъ онъ, которые смотрѣли на печать, какъ на необходиное зло, которое приходилось

по неволѣ терпѣть, хотя и ненавида, рѣшились наконецъ поискать въ ней себѣ вспомогательную силу[“] и не ошиблись въ расчѣтѣ. Если это возможно было въ странахъ, потрясенныхъ и зарожденныхъ революціоннымъ духомъ, то какъ неизмѣримо легче положеніе правительства въ Россіи, гдѣ „не смотря на недуги насы удручающіе и пороки насы искажающіе, таятся въ душахъ сокровища разумной готовности и преданной дѣятельной мысли, которая ждутъ не дождутся, чтобы чья нибудь сочувственная рука умыла ихъ признать, собрать и употребить въ дѣло“. Но, оговаривается Тютчевъ, такое искреннее отношеніе между правительствомъ и общественными силами страны, такое серьезное, „честно-сознанное“ и свободное руководительство общественными умами возможно лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ. А именно, относительно нашей страны, следовало бы правительству

придти наконецъ въ тому сознанію, къ которому съ такимъ трудомъ „приходить обыкновенно родители относительно дѣтей выростающихъ у нихъ на глазахъ, а именно, что настаетъ наконецъ такой возрастъ, гдѣ мысль также мужаетъ и требуетъ, чтобы съ нею обращались, какъ съ совершеннолѣтнею.

Такое признаніе Русской общественной мысли совершеннолѣтнею должно быть искреннее и полное. Дѣло вовсе не въ томъ, — поясняетъ Тютчевъ, — „чтобы на семъ основаніи допустить вышательство публики въ совѣщанія Государственного Совѣта, или въ томъ, чтобы устанавливать виѣстѣ съ печатью программу дѣйствій правительства“. Существенно важно, по мнѣнію Тютчева, чтобы само правительство ощутило потребность проводить свои идеи и убѣжденія въ самую глубь народнаго сознанія... „Было бы необходимо—говорить онъ—

въ виду тяжкихъ, давающихъ часъ затруднений, чтобы само правительство со-знало, что безъ этого искренняго обще-*ния съ самою душою страны, безъ пол-наю и всецълаю пробужденія всѣхъ ел нравственныхъ и умственныхъ силъ, безъ ихъ добровольного и единодушного содѣстствія въ общемъ дѣлѣ,—прави-тельству, предоставленному собствен-нымъ своимъ средствамъ, не совершишь ничею, какъ въ Россіи, такъ и внутри, какъ для своего, такъ и для нашего блага (le gouvernement, re uil  ses propres forces, ne peut rien, pas plus au dhors, qu'au ddans, pas plus pour son salut que pour le ntre). Однимъ словомъ, са-довало бы всѣмъ, какъ обществу, такъ и правительству, постоянно твердить себѣ, что судьба Россіи подобна кораблю съвшему на мель, который никакими усилиями эки-пажа не можетъ быть сдвинутъ съ места и который только воздымающійся приливъ народной жизни способенъ приподнять и спустить на воды (que seule la mar e montante de la vie nationale parviendra  soulever et  mettre  flot...).*

Было бы ошибочно думать,—толкуетъ далѣ Тютчевъ—что для такого привле-ченія умственныхъ и нравственныхъ силъ подъ знамя правительства, это послѣднее „должно обратиться въ проповѣдника и произнести поученія предъ безмолвною толпою.“ Пусть подъ свободнымъ воз-дѣйствиемъ не его слова, а его духа, творится подъ его сѣнью прямодушная пропаганда. Но такая „спасительная про-паганда предполагаетъ честную и серь-езную свободу обсужденія“: ибо—„нуж-но ли въ сотый разъ напоминать фактъ такой рѣзкой очевидности—прибавляетъ Тютчевъ— что въ наше время тамъ, гдѣ свободы преній не существуетъ въ размѣрахъ достаточно общирныхъ, ни-что не возможно, рѣшительно ничего, въ смыслѣ умственному и нравствен-ному.“ Здѣсь разумѣется возникаетъ

вопросъ объ опредѣленіи размѣровъ этой свободы, и вопросъ о цензурѣ. Тютчевъ, по его словамъ, относится совершенно безпристрастно, безъ предубѣжденія и непріязни, къ вопросу о печати, „не пи-таетъ даже чрезмѣро враждебнаго чув-ства и къ цензурѣ, хотя она, въ эти послѣдніе годы, тяготѣла надъ Россіей какъ истинное общественное бѣдствіе“; но онъ главнымъ образомъ обвиняетъ цен-зуру въ томъ, что она нисколько не достигаетъ цѣли въ смыслѣ истинныхъ нуждъ и интересовъ нашего отчества. Впрочемъ, говоритъ Тютчевъ, „дѣло не въ мертвой буквѣ регламентовъ инструк-цій, а въ духѣ ихъ оживляющемъ; дѣло все въ томъ, какъ само правительство, въ глубинѣ своей совѣсти, смотритъ на свои отношенія къ печати; какую, боль-шую или же нѣшнюю долю законности при-знаетъ оно за частною, личною мыслью... Покуда правительство у насть, въ сплошь обычномъ складѣ своей мысли, существен-но не измѣнитъ своего настоящаго воз-зрѣнія на отношенія къ себѣ печати; покуда оно, такъ сказать, не порвѣтъ со всѣмъ этимъ окончательно, нѣть ни малѣйшей вѣроятности успѣха ни для какихъ попытокъ совершить что либо серьезнос, истинно-дѣйствительное, — и падежда пріобрѣсть вліяніе на умы, съ помощью печати, такимъ способомъ на-правляемой, всегда окажется призра-комъ...“

Затѣмъ Тютчевъ переходитъ къ Рус-ской заграничной печати и къ изданіямъ Герцена въ особенности, и въ громад-номъ успѣхѣ послѣднихъ видитъ вовсе не выраженіе особенного сочувствія къ Герценскімъ политическимъ и соціа-льнымъ теоріямъ, а выраженіе нашей Русской настоятельной потребности, не имѣющей съ ними ничего общаго. „Будемъ имѣть мужество, — увѣщева-етъ онъ, — попять настоящій смыслъ, настояще значение этого вліянія: ни-

чѣмъ невообразимое распространеніе Горценскихъ изданий — это, на фактѣ, равнется совершенному уничтоженію цензуры, къ выгода вліяний дурныхъ и враждебныхъ. Но при всемъ томъ, не наберется двухъ изъ сотни его читателей, сколько нибудь умствено-развитыхъ, которые бы относились серьезно къ его доктринамъ и не смотрѣли на нихъ какъ на маноманію, которой самъ Герценъ подчинился, болѣе или менѣе невольно... „Всѧ сила, по мнѣнію Тютчева, въ томъ, что журналъ Герцена представляетъ для пасъ свободу обсужденія, конечно при условіяхъ плохаго качества, при условіяхъ ненависти и пристрастія, но однакоже па столько свободныхъ (отчего же этого не признать?), что на страницахъ этого журнала допускаются и другія мысли, болѣе умѣренныя, болѣе разсудительныя, а искоторыя и положительно разумныя“... „Какъ скоро мы поняли, въ чемъ состоить тайна его силы и вліянія, намъ уже не трудно опредѣлить, какою свойствомъ должно быть оружіе, которымъ мы можемъ съ нимъ сражаться“.

Очевидно, что газета,—приводимъ подчишныя слова Тютчева,—„газета, которая бы приняла на себя такую миссію, могла бы расчитывать на успѣхъ только при условіяхъ существованія сколько нибудь сходныхъ съ условіями своего противника. Возможны ли, мыслимы ли они у насъ, въ данномъ положеніи? Тѣ люди — съ убѣжденими искренними, съ талантами и съ рвениемъ, которые бы приняли участіе въ изданіи такой газеты, не пожелали ли бы они прежде всего несомнѣнно уѣхать въ томъ, что призываются не къ полицейскому дѣлу, а къ дѣлу совѣсти (pas à une oeuvre de police, mais à une oeuvre de conscience)? Не сочли ли бы они себя въ правѣ требовать для себя всей той полноты свободы, которую

предполагаетъ всякое серьезное обсужденіе, безъ которой оно немыслимо и недѣйствительно? Благоволите же взѣсть (съ такими словами обращается Тютчевъ къ своему собесѣднику), въ какой мѣрѣ тѣ влиятельныя силы, которыя бы приняли на себя основаніе подобного журнала и покровительство его успѣхамъ, согласились бы закрѣпить за ними потробную ему мѣру свободы, и не пришли ли бы онѣ, быть можетъ, къ убѣженію, что изъ благодарности за оказанную иму поддержку и изъ искотораго уваженія къ своему привилегированному положенію, этотъ журналъ, на который бы онѣ смотрѣли какъ на свой собственный, былъ бы обязанъ соблюдать еще большую сдержанность и умѣренность, чѣмъ всѣ другія изданія въ государствѣ?...“

По справедливости слѣдуетъ признать, — и наши читатели это конечно признаютъ, — что нельзя было лучше, полнѣе, откровеннѣе, тверже и мужественнѣе, и въ тоже время съ болѣею вѣжливостію, съ болѣшимъ приличіемъ и достоинствомъ, высказать мнѣніе по такому жгучему вопросу, какъ вопросъ о печати, почти предъ лицомъ власти и особенно при условіяхъ дашняго времени. Повторяемъ: это своего рода граждапскій подвигъ. Цѣль сомнѣнія, что это письмо многое содѣйствовало къ искоторому облегченію того гнѣта, который тяготѣлъ надъ Русскою печатью, и къ водворенію иѣсколько большаго простора для мысли и слова,—по конечно не въ той мѣрѣ, какой желалъ и какую совѣтовала нашъ просвѣщенный писатель. Та перемѣна во внутреннемъ сознаніи, перемѣна въ самомъ воззрѣніи на значеніе печати, перемѣна радикальная, искренняя,— па чѣмъ особенно настанивалъ Тютчевъ,—была очевидно несбыточна, потому что могла совершиться не иначе, какъ путемъ органическаго

духовнаго перерожденія цѣлой среды, одновременно съ подъемомъ ея умствен-
наго уровня. Но въ Тютчевѣ, какъ мы
уже знаемъ, поэтическая мечта почти
всегда переступала, въ своемъ полетѣ,
предѣлы текущей исторической еже-
дневности. Истина, имъ проповѣданная,
не только не могла всѣми и во всей
своей полнотѣ быть „носима“ въ то
время, пятнадцать лѣтъ тому паздѣ, но
не можетъ еще „быть носима и нынѣ“,
и Тютчеву, въ этомъ отношеніи, готов-
ились горькія разочарованія....

Тѣмъ болѣе чести лицайъ, которыя
этого поэта поставили во главѣ Коми-
тета Иностранной Цензуры. Въ то пре-
мия, какъ Тютчевъ назначепъ быль пред-
сѣдателемъ Комитета, это учрежденіе
состояло еще при Министерствѣ Народ-
наго Просвѣщенія, и только вслѣдствіи,
съ передачей цензуры въ вѣдомство
Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ото-
шло къ этому послѣднему. Тютчевъ за-
мѣнилъ въ Комитетѣ, слишкомъ знаме-
нитаго и даже воспѣтаго Пушкинъ-
Красовскаго, который, въ качествѣ пред-
сѣдателя, тридцать лѣтъ сряду чудесилъ
и куролесилъ въ этой немаловажной,
кажется, области управлениія... Трид-
цать лѣтъ почти полновластнаго подъ
Русскою и Европейскою литературую
бѣснованія этого мањака, одержимаго
свободобоязнью и какою-то гипертро-
фію подозрительности, представляютъ,
конечно, немалый интересъ для патоло-
гической исторіи Русскаго общества,
но вмѣстѣ съ тѣмъ и одинъ изъ самыхъ

мрачныхъ эпизодовъ въ исторіи Русска-
го просвѣщенія. Можно себѣ представ-
ить, какимъ воздухомъ, съ назначе-
ніемъ Тютчева, повѣяло отъ того учреж-
денія, которое Красовскій умѣль обрат-
ить въ душный и смрадный вертепъ;
какъ ожили, какъ обрадонались всѣ,
кому были дороги умъ и знаніе,—какъ
благодарили они ту власть, которая
ввѣрила обязанность предсѣдателя та-
кому европейски-образованному и бла-
городно-мыслящему человѣку, какимъ
быль Тютчевъ. Это было тѣмъ болѣе
важно, что предсѣдатель Комитета Ино-
странной Цензуры, уже по самому зва-
нію, имѣль право голоса въ совѣщаніяхъ
по дѣламъ цензуры отечественной...
Около Тютчева сгруппировалось вскорѣ
въ Комитетѣ нѣсколько молодыхъ людей
изъ числа нашихъ литераторовъ, между
прочимъ извѣстные поэты Полонскій и
Майковъ. На нихъ лежитъ обязанность
почтить благодарюю памятью своего быв-
шаго предсѣдателя-поэта, и обпародо-
вать для свѣдѣнія Русской публики чо-
дробныя воспоминанія (на сколько, или
когда это будетъ возможно) объ его
служебной дѣятельности въ Комитетѣ, о
борьбѣ и столкновеніяхъ, которыя ему
приходилось выдерживать... Мы съ своей
стороны замѣтимъ только, что эта дѣя-
тельность была для Русскаго просвѣще-
нія и Русской печати чрезвычайно благо-
творна въ начаїѣ, но что положеніе Тют-
чева измѣнилось нѣсколько къ худшему
съ того времени, какъ Комитетъ вы-
быль изъ подъ непосредственнаго на-
чальства Министерства Народнаго Про-

свѣщенія; что, наконецъ, права прѣдѣтателя, которыми Тютчевъ пользовался съ полнотою и свободою, приличныи человѣку его ума и образованія,—эти права были постепенно съуживаены, а съ послѣдніе годы его жизни съужены и очень значительно. Объясненіе причинъ токого явленія не входитъ въ нашу задачу.

Въ концѣ 1857 года уже поднялась надъ Русскимъ народомъ заря освобожденія отъ крѣпостного рабства. О томъ, что Тютчевъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ сочувствовалъ съ этимъ величайшимъ дѣломъ нашего вѣка, было бы странно и говорить. Къ сожалѣнію, у насъ неѣтъ въ виду писемъ или вообще полнаго письменнаго изложенія его мыслей и опущеній по поводу этого события; но въ числѣ его стихотвореній есть двѣ небольшія пѣсы, впущенныя ему — одно еще готовящимъ-ся, другое — уже совершившимся преобразованіемъ. Первое было написано еще въ 1857 году, следовательно въ самомъ началь толковъ и прѣшъ, волновавшихъ тогда всю Россію, и служитъ какъ бы отвѣтомъ на слышавшіяся со всѣхъ сторонъ опасенія, что уничтоженіе крѣпостного права только раздражить въ народѣ его дикие инстинкты и побудить его къ иести. Въ этихъ стихахъ сквозилась заѣтная вѣра поэта въ христіансскую стихію Русскаго народнаго духа. Онъ понималъ, что громадная историческая истина не можетъ быть упразднена однимъ вышнимъ формальнымъ закономъ,— что разрѣшеніе задачи не исчерпывается точностью регламентовъ и правильностью расчетовъ,— что никакія материальныя вознагражденія не въ состояніи были бы возмѣстить, если бы въ садоиъ дѣль потребовалась уплата, тѣхъ невещественныхъ потерь и золъ, которыя были неизбѣжны для крестьянства по-

слѣдствіемъ крѣпостныхъ отношеній; что наконецъ главнымъ историческимъ фактомъ, главнымъ мирильмъ рѣшителемъ и свершителемъ всего дѣла долженъ явиться и явится самъ духъ народа, духъ той земли, которую всю, по выражению его же Тютчева.

Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный Исходилъ благословляя....

Вотъ эти стихи:

Надъ этой темпою толпой
Непробужденаго народа,
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блескетъ ли лучъ твой золотой?
Блескетъ твой лучъ и оживить,
И сонъ разгопитъ, и туманы...
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обиды,
Растѣщие душъ и пустота,
Что глохнетъ умъ и въ сердцѣ искрѣ—
Кто ихъ излѣчитъ кто прикроетъ?..
Ты, риза чистая Христа!...

Самый же великий день 19 Февраля 1861 года онъ привѣтствовалъ слѣдующимъ четверостишіемъ, обращеннымъ къ настоящему Виновнику преобразованія, Императору Александру II-му:

Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,—
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семью менышую братью...

Хотя мы достаточно, кажется намъ, охарактеризовали Тютчева какъ поэта и какъ политического мыслителя и писателя; однако же сочли неизлишнимъ коснуться, по возможности, и другихъ, общественныхъ сторонъ его жизни и дѣятельности, на сколько онъ раскрываются намъ изъ письменныхъ свидѣтельствъ, изъ его стиховъ, статей и переписки съ родными и друзьями. Послѣдняя далеко не собрана; опа, конечно, могла бы представить, почти день за день,

отражение нашей общественной исторія за послѣднія 10—15 лѣтъ, со всѣми ея важными и мелкими чертами, ея сѣрые будни и торжественные—радостные и горестные дни.... Но такая полнота чрезмѣрно расширила бы предѣлы пашего очерка и пеиного бы прибавила къ характеристицѣ Тютчева. Поэтому мы и ограничиваемся самыми крупными или самыми видными событиями политическими и общественными, совершившимися въ теченіи послѣднаго, Петербургскаго периода жизни Тютчена. Указавъ на отношеніе его къ восточной войнѣ, на эпоху для него, наступившую съ новымъ царствованіемъ, новой исторической эры въ Россіи, на дѣятельное участіе его въ попыткахъ дать большую свободу Русской печати и на его поэтическій откликъ дѣлу освобожденія закрѣпощенныхъ крестьянъ,— послѣднемъ теперь за нимъ далѣе, въ порядкѣ времени.

Въ 1859 году онъ провелъ лѣто въ чужихъ краяхъ и посѣтилъ Францію, которой давно не видѣлъ: этотъ годъ былъ самымъ блестящимъ годомъ имперіи Наполеона III-го. Война съ Австріей за Италию только что окончилась, и Франція, въ упосліи отъ побѣды и громкихъ фразъ, еще не сознавала вполнѣ того нѣвыгоднаго, фальшиваго положенія, которое создавалось для нея въ Италии двусмысленною политикою императора. Хотя Тютчевъ въ то время еще опасался за участіе Германіи въ случаѣ ея столкновенія съ Франціей, однако вотъ что онъ между прочимъ писалъ о тогдашнемъ Французскомъ общественномъ строѣ, если не сотовренномъ, то старательно поддержанномъ и вздѣлѣянномъ самимъ императорскимъ правительствомъ. Еще въ Вильбадѣ встрѣтилъ онъ одного изъ членовъ Парижскаго общества, состоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Наполеономъ

вынъ дворомъ, и могъ по этому лицу и по его разсказамъ достовѣрно судить о новѣйшихъ Французскихъ нравахъ:

„Il est assurément très curieux à entendre sur le chapitre du régime actuel en France, régime qu' il connaît nécessairement en détail et dont il parle avec une bonhomie et une sincérité d'appréciation qui ne laisse que mieux voir le fond des choses... et quel bas-fond que ce fond-là! C'est un régime redevenu pour ainsi dire primitif à force de corruption. C'est presque l'état de nature,— comme dans les bains publics en Russie. Et quand on pense qu'une force matérielle aussi écrasante se trouve aux ordres de toute cette dépravation morale et intellectuelle, de tout ce mensonge si brutalement cynique, alors ma foi il y a de quoi frémir pour l'avenir du monde...“ ().*

Далѣе изъ Парижа:

„Ah, c'est bien certainement l'enfant terrible de l' Europe que ce charmant et absurde peuple qui vous inspire tous les sentiments possibles, à l'exception

**) ... Его, безъ сомнѣнія, очень интересно послушать о современномъ нравственномъ общественномъ строѣ во Франціи, который ему по необходимости извѣстенъ во всей подробности, и о которомъ онъ разсуждаетъ съ такимъ простодушіемъ и искренностью, что можетъ видѣть самую глубь, самое дно всѣхъ этихъ порядковъ,— и какие же поддонки— это дно! Это нравственный строй, какъ бы возращенный развратомъ къ степени первобытности. Это почти уже состоящіе натуральности какъ въ публичныхъ бацухъ Россіи. И когда подумаешь, что у всего этого нравственнаго и умственнаго растѣнія, у всей этой грубо-цинической лжи состоять въ распоряженіи такая грозная матеріальная сила... есть отъ чего содрогнуться за будущность міра...*

d'un seul, celui du *respect*... Je quitterai Paris fort content assurément de l'avoir vu, mais sans le moindre regret. Il y a, et certes ce n'est pas d'aujourd'hui que j'en ai fait l'expérience, il y a dans toute celle engeance francale quelque chose qui après vous avoir aimé, intéressé et momentanément séduit, finit par vous choquer, vous irriter et vous déplaire... Pour supporter à la longue les Francais, il faudrait pouvoir toujours les considérer comme des enfants, mais ils sont trop robustes et trop peu candides pour que cette illusion puisse être longtemps maintenue...").

Зачавшееся въ 1861 г. волнение въ Царствѣ Польскомъ и въ Съверозападной окраинѣ Россіи, — разрѣшившееся вскорѣ открытымъ мятежомъ, при сочувственныхъ кликахъ Европы,—охватило всю душу Тютчева, какъ Русскаго и какъ поэта и сосредоточило на себѣ его страстное вниманіе. Какъ ни противно было его добродушной природѣ всяческое насилие, однако Польскій вопросъ былъ для него давно разрѣшенъ въ принципѣ. Онъ высказалъ, какъ мы знаемъ,

*) ...Да, безъ сомнѣнія, онъ — бѣдовое дитя Европы, этотъ наивный и сумасбродный народъ, способный внушать вамъ всевозможны чувства, кроме одного — уединенія... Я оставлю Парижъ довольный тѣмъ, что я его видѣлъ, но безъ малѣшаго сожалѣнія. Въ этой Французской породѣ (и конечно несть ишѣнія только для я испыталъ это) есть что-то такое, что, позабавивъ, заинтересовавъ и предъстивъ васъ на минуту, васъ подъ конецъ оскорбляетъ, раздражаетъ и отталкиваетъ. Чтобы переносить долго Французовъ, нужно бы уметь всегда относиться къ нимъ какъ къ дѣтямъ, но они слишкомъ дюжи, слишкомъ мало невинны, такъ что подобная иллюзія продержаться долго не можетъ...

свое мнѣніе о Польскихъ притязаніяхъ еще за 20 лѣтъ предъ послѣднимъ восстаніемъ, въ 1844 году, въ письмѣ къ редактору Всеобщей Аугсбургской Газеты. Польша, фанатически католическая, примыкающая всемъ существомъ своимъ не только вообще къ Европейскому, но въ частности даже къ Романскому миру; Польша неистово враждебная православію, винѣ котораго немыслима Славянская духовная самобытность,—враждебная Россіи, враждебная всемъ Славянскимъ племенамъ, даже и неправославнымъ, но сохранившимъ память о своемъ общемъ племенномъ единстве; Польша, служащая авантюристомъ Латино-германскому Западу противъ Славянской Россіи, поборницею его засысловъ противъ цѣлости и самостоятельности славянства; Польша, предъявляющая притязанія на исконныя Русскія земли, ставящая свое национальное дѣло подъ знамя ненавистницы Славянъ — Европы; Польша шахматная, презирающая крестьянина, — такая Польша казалась Тютчеву отступницей славянства, измѣницею своей собственной народности и по ипинію его подлежала лишь изверженію изъ Славянской семьи. Не подлежалъ, конечно, этому изверженію самъ Польскій народъ, или какъ выразился Тютчевъ, Польская племенная особенность (*l'originalité de la race polonaise*), — по та „фальшивая“ Польская национальность“, которую сочинила Польская шахта, а въ особенности эмиграція, и которую прияли подъ свое покровительство Папство и Революція, — эта фальшивая национальность, въ глазахъ Тютчена, была осуждена исторіей на немянуемую гибель. Впрочемъ корифеи Польской национальной партіи сами изрекли себѣ смертный приговоръ, предъявивъ Россіи такую дилемму: все или ничего, т. е. или восстановленіе Польши въ ея древнихъ границахъ, простиравшихся когда-то до Чернаго Моря съ Кіевомъ включ-

чительно, или никакой Польши; другими словами: или быть Польшъ, или быть Россіи. Такая предъявленная Поляками дилемма значительно упростила для Русской общественной совѣсти решеніе вопроса и устранила колебанія свойственная Русскому благодушію и страдательности.

Но конечно самымъ злымъ, самымъ гибельнымъ ударомъ для Польскихъ затѣй—быть вызванный Поляками дипломатической крестовой походъ на Россію всей Западной Европы (кромѣ Пруссіи), съ разными угрозами и требованиями. Вся Россія изъ конца въ конецъ подвиглась негодованіемъ — и, вѣтъ съ блестательнымъ дипломатическимъ отпоромъ Европѣ, поспѣшила покончить и съ притязаніями Польской шляхты. Знамъ Тютчева, можно себѣ представить, что перечувствовалъ, что испыталъ Тютчевъ въ виду того остервенѣнія, съ какимъ оспаривалось Западомъ и этою шляхтою историческое призваніе Россіи. Вотъ какими стихами характеризуетъ онъ Польское восстание и всю эту тревожную эпоху:

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
Ужасный, безобразный сонъ:

Въ крови до пять, мы бьемся съ мертвѣ-
цами,

Воскресшими для новыхъ похоронъ.

Осьмой ужъ мѣсяцъ дѣлаетъ эти битвы.
Геройскій пылъ, предательство и ложь,
Притонъ разбойничій въ дому молитвы,
Въ одной руѣ распятіе и пожъ...

И цѣлый міръ, какъ опьяренный ложью;
Всѣ виды зла, всѣ ухищренія зла...
Нѣть, никогда такъ дерзко правду Божью
Людская хривда къ бою не звала.

И этотъ единъ сочувствія слѣаго,
Всемирный кличъ къ неистовой борьбѣ,
Развратъ умовъ и искашеніе слова—
Все поднялось, и все грозить тебѣ,

О край родной! Такого оподченья

Міръ не видалъ съ первоначальныхъ дней...

Велико знать, о Русь, твоё значеніе,—

Мужайся, стой, крѣпись и одолѣй!...

За то немало было опь и утѣшенье отвѣтными депешами нашего Кабинета. Объ этомъ дипломатическимъ подвигѣ упоминаетъ онъ, между прочимъ, и въ слѣдующихъ стихахъ къ князю Горчакову, написанныхъ, если не ошибаюся, по другому поводу, по поводу грозившихъ Русской печати новыхъ стѣсненій:

Вамъ выпало призванье роковое.

Но тотъ, кто призвалъ васъ, и обѣяудеть.

Все лучшее въ Россіи, все живое

Глядѣть на васъ, и вѣрить вамъ, и ждѣть.

Обманутой, обиженней Россіи.

Вы честь спасли — и выше нѣта заслуг;

Днесъ подвиги ваши предстоять иные:

Отстойте мысль ея, спасите духъ...

Впрочемъ, въ числѣ стихотвореній Тютчева есть одно, въ семи строчкахъ, писанное, кажется, гораздо раньше Польского восстания:

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ

Въ Славянской міровой громадѣ

Строй вожделѣнныій водворится,

Какъ съ Россію Польща помирится.

А помирится въ эти днѣ —

Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,

Лѣ въ Кіевѣ и въ Цареградѣ...

Мы узнаемъ въ этихъ стихахъ уже известный намъ и Тютчевымъ съ такой постоянной любовью лояльный образъ исторического будущаго Россіи, или вѣриѣ всего православно-славянскаго міра. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о Русской и Славянской будущности, не, можемъ не замѣтить, по поводу этихъ стиховъ, что послѣ послѣдняго Польского мятежа выступили въ исторіи новые события, способныя и призванныя, кажется намъ (если толь-

ко умѣть имъ воспользоваться) значи-
тельно облегчить дѣло искренняго мира
между Русью и враждебными ей сти-
хіями Польской народности,—дѣло не
одного насильственнаго, но свободнаго
соединенія, — забвеніе обидъ, заживле-
ніе ранъ, нанесенныхъ вѣковою борь-
бою. Мы разумѣемъ: новое положеніе,
принятое Римскимъ католицизомъ съ
привозглашеніемъ догмата о папской
непогрѣшимости,—сущеніе и расколъ,
внесенные этимъ догматомъ въ сознаніе
вѣрующихъ католиковъ, — а также но-
вѣйшее политическое пересустроство За-
падной Европы, ослабившее Францію,
выдвинувшее на политическую арену
миръ Германскій въ грозной политиче-
ской силѣ и противопоставившее ему
миръ Славянскій, въ лицѣ Россіи.

Возстаніе Грековъ на древнемъ Критѣ
въ 1867 г. и ихъ отчаянное сопротив-
леніе мусульманской силѣ, ихъ герой-
скіе подвиги, сочувственный трепетъ,
пробѣжавшій по всѣмъ христіанскимъ
племенамъ, еще томящимся подъ ту-
рецкимъ игомъ, все это волновало Тют-
чева не менѣе, чѣмъ и Польское дѣло.
Но въ этомъ его тревожномъ участіи
было что-то еще болѣе задушевное;
въ его стихахъ и рѣчахъ слышалася
голосъ давно-наболѣвшаго сердца. До-
рогая мечта его съ давнихъ лѣтъ, чаиніе
всей его жизни, сначала громко и скѣло
возвѣщающее, потомъ надолго склонен-
ное въ груди, — однимъ словомъ—про-
бужденіе Востока было повидимому близ-
ко, уже совершалось воочію. Какъ будто
милостивою судьбою давалось вѣщему
поэту, на саюмъ закатѣ лѣтъ, ви-
дѣть своими глазами зарю того исто-
рическаго дна, который онъ призывалъ
всѣми силами души съ самой ранней
юности, въ чаупленіе котораго не
переставалъ вѣрить, но котораго уже
не надѣялся дождаться, — о которомъ,
казалось, забыли и думать, въ совре-

менной дѣловой суетѣ, новѣйшія по-
колѣнія:

Опять Востокъ дымится свѣжей кровью,
Опять рѣзня! Повсюду вой и плачь,
И снова правъ пирующій палацъ,
А жертвы преданы злословью!

такъ писалъ онъ по поводу Кандійскаго
возстанія,—такъ взывалъ онъ къ Россіи,
напоминая ей обѣ ея призваний:

Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемѣй бѣда....

Взгляды: чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ?
Проснись теперь—иль никогда!..

Къ этой-то эпохѣ принадлежитъ и
его стихотвореніе: „Молчитъ сомни-
тельно Востокъ.“

Состраданіе бѣствующими на Критѣ
православнымъ Грекамъ, открыто и прямо
высказанное съ высоты Русскаго Пре-
стола, заступничество Россіи за хри-
стіанска племена, подвластныя Исламу,
выразившееся въ цѣломъ рядѣ депешъ
и въ дипломатическомъ обращеніи къ
Европѣ,—однимъ словомъ весь образъ
дѣйствій Русскаго Кабинета преиспол-
нилъ Тютчева самою искреннею, радо-
стною благодарностью, излившеюся въ
слѣдующихъ стихахъ:

Хотя бъ она сошла съ лица земнаго,
Въ душѣ царей для правды есть пріютъ:
Кто не слыхалъ торжественнаго слова?
Вѣка вѣкамъ его передаютъ!

И что жъ теперь? Увы, что видимъ мы?
Кто пріютить, кто приэрить гостю Божью?
Ложь, злалъ ложь растяла всѣ умы
И цѣлый миръ стать воплощеною ложью!..

О этотъ вѣкъ, воспитанный въ крамолахъ,
Вѣкъ безъ души, съ озлобленными умомъ,
На площадяхъ, въ палатахъ, па престолахъ,
Вездѣ онъ правды личнымъ сталъ врагомъ!
Но есть еще одинъ пріютъ державный... .

Вотъ что писалъ онъ „по прочтениі депешъ нашего Кабинета, напечатанныхъ въ Journal de St. Pétersbourg.“

Богда свершится искушение
И озарится вновь Востокъ,
О какъ поймутъ тогда значенье,
Великолѣпныхъ этихъ строкъ!

Какъ первый яркій лучъ деніици
Боснувшись ихъ воспаменить,
И эти вѣція страны
Озолотить и освѣтить!

И въ изліяни чувствъ народныхъ,
Какъ Божья чистая роса,
Племенъ признательно-свободныхъ
На нихъ затеплится слеза.

На нихъ записана вся повѣсть
О томъ, чтѣ было и чтѣ есть:
Изѣбличивъ Европы совѣсть,
Онъ спасли Россія честь...

Въ томъ же 1867 году написаны Тютчевыми и стихи на юбилей князя А. М. Горчакова. Для насъ особенно важна въ нихъ послѣдняя строфа, которая выражаетъ и самого Тютчева, т. е. обычное направление его мысли, и показываетъ намъ, чѣмъ онъ особенно дорожилъ въ дѣятельности Русского-канцлера:

Въ тѣ дни кроваво-роковые
Богда, прервавъ борьбу свою,
Въ ножны вложила мечъ Россія,
Свой мечъ изаубреный въ бою,—

Онъ волей призванъ былъ державной
Стоять на стражѣ, и онъ сталъ,
И бой отважный, бой неравный
Одинъ съ Европой продолжалъ.

И вотъ двѣнадцать лѣтъ ужъ длится
Упорный поединокъ тотъ:
Иноплеменныій міръ давитъся,
Одна лишь Руслъ его пойметъ:
Онъ первый угадалъ въ чѣмъ дѣло,
И имъ *впервыя* Россія духъ

Союзной силой признанъ смѣло,
И вотъ яѣнецъ его заслугъ.

Въ этихъ стихахъ, написанныхъ въ 1867 году, подразумѣваются между прочимъ дипломатическая победа нашего Кабинета, которая были одержаны именно потому, что Русская политика рѣшилась открыто и смѣло опереться на общественное мнѣніе Россіи, чтѣ было въ то время новостью или забытою бывальшиною и чѣмъ по преимуществу было означеновано уже иийувшее двѣнадцатилѣтіе, воспѣтое Тютчевымъ.

Мы считаемъ неизлишнимъ упомянуть кстати и о стихахъ Тютчева по случаю другаго юбилея—Карамзина. Они достойны примѣченія по той мысли, которая слышится и чувствуется въ самой похвалѣ Карамзину, и которую выразить, по мнѣнію Тютчева, особенно было полезно въ тѣ годы, въ отпоръ разнымъ страннымъ понятіямъ, господствовавшимъ въ нѣкоторыхъ высшихъ сферахъ Петербургскаго общества. Въ этихъ сферахъ „гуманное“, или „человѣческое“ пріурочивалось только къ европеизму и казалось несовѣстнымъ съ Русскимъ народнымъ чувствомъ, такъ что одно исключало другое: по убѣжденію этихъ представителей Россіи, Русское чувство должно было быть всегда приносимо въ жертву принципу общечеловѣчности, разумѣемому конечно сквозь призму Европейской (т. е. Французской, Нѣмецкой или Англійской) цѣнности. Точно также, въ извращенномъ сознаніи этихъ высшихъ общественныхъ круговъ, интересы власти, какимъ-то особыеннымъ процессомъ мышленія, отдѣлялись отъ интересовъ Русской земли, и не только отдѣлялись, но даже перевѣшивали ихъ, въ случаѣ ихъ взаимного противорѣчія. На эти-то странные понятія нашихъ высокопоставленныхъ европепствовъ, переходившія даже и въ область практики, напримѣръ по

Польскому и Балтийскому вопросамъ, и намѣкаетъ Тютчевъ въ своихъ стихахъ на юбилей Карамзина, "изъ которыхъ мы приводимъ нѣсколько строфъ:

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ—
Тебѣ, пашь добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнѣй
Многотревожныхъ этихъ лѣтъ?

При этой смѣси бозобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи—
Такъ нещавистной для души
Высокой и ко благу страстной...

Мы скажемъ: будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой;
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
Духъ цѣломудренія-свободный,

Умѣвшій все соконунуть
Въ непарушимомъ, полномъ строѣ,
Все человѣчески-блаеое,
И Русскимъ чувствомъ закрипить.—

Умѣвшій, не сибанъ выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣроподданнѣмъ — Россіи...

Приведенные нами стихи и вымысли изъ писемъ, кажется, достаточно характеризуютъ общественное значеніе Тютчева, особенно въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ его жизни. Опъ ревниво сторожилъ интересы Русской народности, преимущественно въ области вѣшней политики, ближе ему знакомой; опъ живо чувствовалъ всякой ущербъ наносимый не только Русской чести, но и Русской исторической, народной правдѣ; опъ откликался на всякую общественную Русскую скорбь и радость; онъ указывалъ настоящую Русскую точку зрѣнія на современныя события міра, и между тѣмъ какъ всюду разлеталось, переносясь изъ устъ въ уста, его мѣткое, острое изреченіе, воплощавшее плоды

въ двухъ-трехъ словахъ, въ художественной метафорѣ, цѣлый новый кругозоръ мысли и всю полноту сужденія о данномъ предметѣ,—онъ и самъ нерѣдко пытался, въ долгихъ бесѣдахъ и подчасъ запальчивыхъ спорахъ, разъяснить Петербургской свѣтской средѣ истинный взглядъ на призваніе и обязанности Россіи. Но если большую частью тѣстцы были его усилія въ отношеніи къ свѣтской средѣ,—въ которой тѣмъ не менѣе онъ былъ какъ бы будильникомъ народной мысли и совѣти,—его мысли цѣлились въ кругу дипломатовъ, какъ можно заключать по статьѣ о Тютчевѣ, напечатанной въ *Journal de St. Pétersbourg*. Вотъ что между прочимъ говорить эта небольшая статья, поизвѣстно кѣмъ написанная, но въ которой каждое слово обличаетъ и высокій умъ, и привычную, искусную руку мастера (она появилась черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кончины Тютчева):

Что въ особенности отличало Федора Ивановича, это не только его умъ, но и пламенное сердце — истинный двигатель всей его дѣятельности. Онъ вносилъ въ самыя серьезныя дѣла жизни, даже въ южную область политики, горячій потокъ струившійся изъ сердца, подобный теплымъ течениямъ *вольфстрѣма*, отъ которыхъ таютъ льдины крайнаго Сѣвера, раздвигается тепло и жизнь. Вотъ чѣмъ даетъ ему такое видное място между его современниками и чѣмъ опредѣляется то громадное влияніе, которымъ онъ пользовался до послѣднія своихъ дней... Чувство, въ которомъ сосредоточивалась (*se r『esuait*) вся его душа, вся его природа умственная и нравственная,—это его патріотизмъ, его вѣра безгра ничная въ будущее Россіи, въ ея судьбы, въ ея миссію историческую и провиденціальную. Этотъ патріотизмъ, простирая свои корни до самого дна народной жизни и просвѣщаючи извѣтъ самою космополитическою культурою, составлялъ одну

изъ главныхъ прелестей и одно изъ серьезнейшихъ достоинствъ покойнаго.... (*)

Намъ нѣтъ надобности следовать за Тютчевымъ далѣе, сквозь рядъ событій наставшихъ съ 1866 года, — событій необычайной важности, которыя возникли и совершились одно за другимъ предъ страстью-жадными взорами поэта, до самыхъ крайнихъ дній его жизни, и на которыя на всѣ откликнулся опь и мыслью, и чувствомъ, и прозою, и стихами; нѣтъ надобности потому, что мы уже рассказали въ своесть мѣстѣ, въ другихъ отдачахъ, болѣе или менѣе подробно, его отношеніе ко всѣмъ этимъ историческимъ вопросамъ и явленіямъ. Мы разумѣемъ здѣсь: Славянскій съездъ въ Россіи и вопросъ Славянскій; военные побѣды и возвеличеніе Пруссіи, вмѣстѣ съ политическимъ исключеніемъ Австріи изъ Германіи; созваніе вселенского собора въ Римѣ, провозглашеніе догмата о папской непогрѣшности и возникновеніе раскола въ католической церкви въ образѣ старо-католиковъ; войну Германіи съ Франціей, паденіе Наполеоновской Имперіи, созданіе новой Имперіи Германской, возвращеніе себѣ Россіею Чернаго моря, неистовства коммуны во Франціи, пожаръ Парижа, занятие Рима королемъ Италии, фактическое уничтоженіе свѣтской власти папы, борьбу протестантскаго Германскаго міра, вѣявшагося императорскою коропою, съ Римско-католическою церковью, и возрастающую силу рационализма.... Всѣ эти событія отразились въ сознаніи Тютчева не только своими крупными очертаніями и окончательными выводами, но по мѣрѣ того какъ творились, во всей дробности своего ежедневного процесса, со всею своею мелочностью и случайною, будничною обстановкою, которая, — не застилая для Тютчева

ихъ міроваго значенія, — тѣмъ не менѣе и сама по себѣ привлекала его сочувствіе и вниманіе. Онъ ни на минуту не переставалъ быть участникомъ и общникомъ текущаго историческаго дна. Вопросъ о конечныхъ судьбахъ Европейской цивилизациі, и посыпаніе Константинополя императрицею Евгению, — послѣднее слово Германской философіи, и пожалованіе султану Ашгайскою королевою ордена Подвязки, — антагонизмъ двухъ просвѣтительныхъ духовныхъ начальствъ, западнаго и восточнаго, и забалотированіе въ Русской Академіи Наукъ Русскихъ учесыхъ съ народнымъ направлениемъ въ наукѣ, — на всѣ многосложные, разнообразные интересы современной ему эпохи, общіе и частные, всемирные и мѣстные, — на все отзывался и отозвался этотъ не оскудѣвавшій ни мыслью, ни словомъ, не старившійся съ годами, никогда не повторявшійся, всегда одинаково привлекательный, но всегда своеобразный, сильный, острый, поэтическій умъ (*).

(*) По поводу путешествія императрицы Евгении было написано Тютчевымъ прекрасное стихотвореніе, напечатанное въ «Голосѣ»: «Флаги вѣютъ на Босфорѣ». Пожалованіе королевою ордена Подвязки султану виушило, безъ сомнѣнія ему же, слѣдующее Французское четверостишие, ходившее въ то время по рукамъ въ высшемъ общественномъ кругу, апонимное:

Lorsqu'un noble prince, en ces jours de
d\u00e9shonne, —
D\u00e9cora de sa main le bourreau des chr\u00e9-
tiens, —
Pourrait-on dire encore, ainsi qu'aux temps
anciens:
«Honny soit qui mal y pense?»

Поступокъ Академіи, отказавшей въ избрании, т. е. забалотировавшей нашего извѣстнаго, теперь уже покойнаго, ученаго

(*) См. эту статью въ приложении.

Прекрасно и вѣрно выразился о Тютчевѣ князь Вяземскій въ слѣдующихъ строкахъ одного своего частнаго письма:

Бѣдныи Тютчевъ! Кажется, ему ли умирать? Онъ пользовался и наслаждался жизнью, и въ высшей степени дашъ имъ отъ Провидѣнія человѣку даромъ слова. Онъ незамѣтимъ въ нашемъ обществѣ. Когда бы не бояться изысканности, то можно сказать о немъ, что если онъ и не златоустъ, то жемчужноустъ. Какую драгоценную лить можно панизать изъ словъ, какъ бы безознательно спадавшихъ съ языка его! Надо составить по нему *Тютчевіану*, прелестную, свѣжую, живую, современную антологію. Малѣйшее событие,

А. О. Гильфердинга, послужилъ поводомъ къ слѣдующему посланію Тютчева на имя Гильфердинга:

Слѣщу поздравить съ неудачей:
Она — блестательный успѣхъ,
Для васъ почетна наипаче
И назидательна для всѣхъ.
Что Русскимъ словоъ, столько лѣтъ,
Вы славно служите Россіи,
Про это знаеть цѣлый свѣтъ —
Не знаютъ Нѣмцы лишь родные....
Ахъ неѣтъ, то знаютъ и они.
И чтѣ въ Славянскомъ вражьемъ мірѣ
Вы совершили, — вы одни, —
Все вѣдаются, et inde irae!..
Во всемъ обширномъ этомъ краѣ
Они встрѣчали васъ не разъ,
Въ Балканахъ, Чехахъ, на Дунаѣ,
Вездѣ, вездѣ встрѣчали васъ.
И какъ же могъ бы безъ измѣны,
Высокодоблестный досель,
Въ академическая стѣны,
Въ завѣтную ихъ цитадель,
Базною Русской содржимый
Для этихъ славныхъ оборонъ, —
Васъ, вѣстъ впустить — непобѣдимый,
Нѣмецкій храбрый гарнизонъ?

17 Дек. 1869.

при немъ совершившееся, . каждое лице, мелькнувшее предъ нимъ, иллюстрированы и отчеканены его яркимъ и мѣткимъ словомъ....

Можетъ быть, когда-нибудь и удастся составить такую Тютчевіану. Было бы желательно, чтобы всякий, знаяшій Тютчева лично, занесъ на бумагу все слышанное отъ него, — но почти не можетъ быть и сомнѣнія, что во всѣхъ современныхъ мемуарахъ или запискахъ, которыхъ конечно ведутся многими, уже удѣлено мѣсто воспоминаниямъ о Тютчевѣ и его острѣмъ и мѣткимъ словамъ. Намъ случалось встрѣчать и въ статьяхъ иностранцевъ о Россіи ищогіе его отзывы и толки. Какъ замѣчаетъ князь Вяземскій, такая Тютчевіана была бы не простымъ сборищемъ остроумныхъ выражений, а иллюстраціей современной истории и современного общества; но мы скажемъ болѣе: она было бы не только иллюстраціей, но художественною критикою, — судомъ, шутливымъ по формѣ, по почти всегда серьезнымъ и строгимъ по своему содержанію. Иное мѣткое слово Тютчева, повторяясь, скрывало въ себѣ какъ въ зеркѣ цѣлоестройное міросозерцаніе, какъ будто вставляло новые очки, освѣщало внезапно сокровенную основу предмета. Мало того: если собрать вмѣстѣ всѣ его изрѣченія и замѣтки, то нельзя будетъ не признать въ нихъ общаго, кореннаго единства мысли. Не то, чтобы они были тенденціозны и односторонни, — напротивъ; но, свидѣтельствуя о высшемъ, европейски-просвещенномъ умѣ автора, о широтѣ и свободѣ его взглядовъ, они въ тоже время раскрываютъ одну общую точку зрения, на которую стать могъ онъ только какъ Русскій, и съ которой виднѣе, чѣмъ съ какой либо другой, представлялась ему сущность современныхъ явлений.

Но собрать всѣ замѣчательныя „слова“ Тютчева нѣтъ, разумѣется, никакой возможности, какъ потому, что эти устные, пускаемыя на воздухъ произведения никогда не удерживались въ его собственной памяти и имъ не повторялись, такъ и потому, что онъ лично не дорожилъ ими, не приберегалъ ихъ для избранныхъ слушателей, а расточалъ ихъ везде и всюду, когда и какъ придется. Само собою разумѣется: гдѣ обмынь мыслей былъ свободиѣ, гдѣ вси окружающая обстановка воодушевляла его сочувствіемъ, или раздражала его нервы, тамъ сплынѣе оживлялось его слово, и оживленное ярче и чаще сверкало блескомъ поэзіи и остроумія. Но онъ не пренебрегалъ, какъ уже было не разъ сказано, ничьей бесѣдой, въ какихъ бы общественныхъ слояхъ она ни происходила: ни погода, ни соображенія гигіеническія не въ силахъ были удержать его дома и помышшать ему явиться тамъ, гдѣ представлялся ему какой либо живой интересъ для его мысли или для его души. Кругъ его знакомыхъ не суживался съ лѣтами, а постоянно расширялся, безъ различія возрастовъ, партій и общественныхъ положеній. Съ каждымъ годомъ Тютчевъ становился популярнѣе въ Петербургѣ: — везде, не смотря на разность направлений, онъ былъ самымъ дорогимъ и сочувственнымъ гостемъ, какъ среди чиновныхъ стариковъ, въ велико-свѣтскомъ салонѣ, такъ и въ кругу трудящейся и пишущей молодежи, и везде вносилъ своимъ присутствіемъ свѣтъ и свѣжестъ безусловно-свободной, всегда оригиналной, широкой мысли. Справедливо также выразился о Тютчевѣ авторъ некролога, помѣщенного въ „Русской Старинѣ“ *), что онъ „обладалъ рѣдкою,

могно такъ сказать, любезностью сердца, состоявшую не въ соблюдении свѣтскихъ привычекъ (которыхъ онъ никогда и не нарушалъ), но въ *деликатномъ человѣчественномъ вниманіи* къ личному достоинству каждого, къ его праву участвовать въ общемъ обѣгѣ мнѣній и убѣжденій, къ его свободѣ.“

Шли годы, наступали недуги старости, подагрическіе припадки чаще и чаще перечили страсти и привычки Тютчева къ подвижности, къ ежедневнымъ, неоднократнымъ, пышнымъ прогулкамъ па вольномъ воздухѣ; постуки измѣнила прежняя упругость и твердость; дрожали пишущія руки. Но, кроме этихъ вѣнчаний примѣтъ, Тютчевъ казался какъ бы не-принадлежащимъ условіямъ и дѣйствію возраста: до такой степени не было ничего старческаго ни въ его умѣ, ни въ духѣ, ничего разъ па всегда заведенного, отвердѣвшаго въ складкахъ и изгибахъ его мысли и его души; никакихъ предвзятыхъ сть молодости и по самой давности ставшихъ „любезными сердцу“ воззрѣй; никакихъ сжившихъ сть человѣкомъ, освященныхъ годами, предубѣжденій и предразсудковъ. То не былъ „маститый, величавый, почтенный старецъ“: такихъ эпитетовъ не рѣшился бы приложить къ нему ни одинъ изъ самыхъ рьяныхъ его хвалителей, иптиктивно чувствуя, какъ неумѣстны они въ отношеніи къ Тютчеву, какъ претили ему всякие вѣнчаніе знаки почтительности и предупредительного вниманія. Но то не былъ и „молодающійся старикъ“; не было въ немъ ни того, чтѣ называются Французы *une verte vieillesse*, ни крѣпкой старости, ни старости сть „*вѣчно-юнымъ сердцемъ*“, чего-то въ родѣ стариковскаго лица съ розовымъ изѣкахъ румянцемъ. По наружности Тютчевъ казался даже дряхлѣ, чѣмъ былъ па самомъ дѣлѣ; „вѣчно же юнаго,“ т. е. чего-то вѣчно-наивнаго, „вѣчно - прекраснодушнаго,“ пылко - оп-

*) 1873 г. № 7. Статья А. И. Нивенка.

рометчиваго — не было въ Тютчевѣ и въ самой ранней его молодости, потому что съ самой ранней своей молодости онъ отличался замѣчательною, прежде временною зрѣлостью ума и серьезнымъ мышленіемъ. Необыкновенная страсть сердца и быстрая воспламенимость поэтическаго творчества были въ немъ не принадлежностью возраста и приличного юности жара, а позависящими отъ лѣтъ свойствами самой его нравственной природы, чуждыши всякоаго юношескаго за-кала. Какъ не было никогда и прежде отпечатка юности, такъ по было потомъ и отпечатка старости на его внутреннемъ, духовномъ существѣ. Въ разговорахъ съ этимъ сѣдовласымъ или почти безвlasымъ, перѣдко хворыиъ, чуть не семидесяти-дѣтнинъ старикомъ, почти всегда зяблювшимъ и согрѣвавшимъ спину плѣдомъ, не поминалось обѣ его лѣтахъ, и никто никогда не относился къ нему какъ къ старику. Выдающеюся, преобладающей стихіей въ Тютчевѣ была мысль,—а мысль, по самому существу своему, не то что вѣчно-юна, но вѣчно-зрѣла и точнѣе сказать не вѣдѣть возраста. Конечно, и мысль въ человѣкѣ бываетъ заклеймена его индивидуальными особенностями или, вѣрнѣе, ограничена, задержана въ своей дѣятельности вслѣдствіе старости и разныхъ иныхъ личныхъ, нравственныхъ условій. Многіе гениальныя мыслители, обогативъ умственныій капиталъ человѣчества своимъ соображеніемъ, обращались потомъ, отмысливъ, въ живыя кладовыя своихъ собственныхъ, однажды высказанныхъ и оформленныхъ мыслей: они удовлетворились своимъ собственнымъ, однажды на всегда сложеннымъ міросозерцаніемъ,—имъ казалось, что на всеѣ вопросы дали они себѣ отвѣты, всеѣмъ задачамъ пріискали разрѣшеніе; въ горде-ливомъ самообольщеніи вкушали они самодовольный покой и, съ вершинъ своей

человѣческой мудрости, глядѣли и величались Зевсами-олимпійцами.

Ничего подоблаго не было въ Тютчевѣ. Напомнимъ еще разъ, что всякое самодовольство было противно его природѣ, и что онъ не только никогда не зналъ пресыщенія, но и сытости никогда не давала ему никакая умственная трапеза. Это былъ пламень, мгновенно пожиравшій всякое встрѣчавшееся ему и имъ самимъ творимое явленіе мысли, и пепрерывно вновь самъ изъ себя возгоравшійся. Не можетъ не повторить здѣсь его собственныхъ стиховъ:

О небо! если бы хоть разъ
Сей пламень развелся по волѣ,
И не томясь, не мучась долѣ,
Я просіла бы и—ногастъ!

Вотъ къ этому-то „развитію по волѣ“ и порывался постоянно его пламенѣющиій духъ: moist ли онъ когда либо счастливо успокоиться и, самодовольно пропаявъ, пребывать просіяннымъ и самоублажающимъ...

Обо всемъ этомъ мы уже говорили и прежде, и полагаемъ, что, ознакомясь съ политическими и историческими взглядами Тютчева, читатели подтверждать и сами вѣрность сдѣланной нами, въ началѣ очерка, его нравственной характеристики; но тѣмъ не менѣе, пѣкоторыя дополнительныя черты окажутся, можетъ быть, пѣнишими...

Никогда и никогда не переставалъ предноситься предъ Тютчевымъ идея и образъ безконечности; его душѣ были сочувственны и близки всѣ нравственные идеалы христіанства. Его умъ, какъ мы знаемъ, не только не отвергалъ, но всегда признавалъ и ограниченность человѣческаго я, и непостижимую умомъ истину вѣры. Но какъ и где положить, вѣшнімъ образомъ, предѣлы этой ограниченности? Какъ обозначить край изнанки истинѣ? Какъ удержать выпад-

вость бдашаго духа? Не то, чтобы Тютчеву приходилось смирять кичливость или гордость разума и „плѣнять его въ послушаніе вѣры:“ онъ слишкомъ живо чувствовалъ свою недостаточность и томился этойю недостаточностью. Но онъ не могъ ни загасить, ни ослабить сжигавшаго его пламени, ни смирить тревожныхъ запросовъ мысли,—онъ не могъ удовлетвориться дешевою сдѣлкою между постигаемымъ и непостижимымъ и, добровольно зажмувшись, даже не заглядывая по *ту* сторону, наслаждаться умѣренно и съ комфортомъ умственнюю дѣятельностью въ болѣе тѣсныхъ и скромныхъ рамкахъ. Человѣку, въ которомъ живо созланіе высшей, подземной, сверхъестествен-пой истины, уже невозможно, *вилъ ея*, обрѣсти то Олимпійское спокойствіе, то равновѣсіе духа, которымъ красовались нѣкоторые знаменитыя мужи даже новѣйшихъ временъ, въ своей, нѣскользко-языческой, мудрости. Такого эрѣлища довольной мудрости и мирно-величавой старости не представляла старость Тютчева.

Но не суждено было ему обрѣсти и того мира, который если и дается инымъ, то дается лишь *дѣлѣствіемъ* вѣры,—но однимъ теоретическимъ признаніемъ ея истины; той мудрости, которая создается не отвлечеными только соображеніями разума, и не порывами только христіанского упованія, а равномѣрнымъ, соотвѣтственнымъ развитіемъ и дѣятельностью въ человѣкѣ всѣхъ его пра-ственныхъ силъ... Такого равномѣрного развитія въ Тютчевѣ не было, а потому не могло быть и внутренняго, дающаго миръ, равновѣсія. Его „пламень“ не былъ въ немъ тѣмъ свѣтымъ „горѣніемъ духа,“ къ которому призываютъ людей учителя христіанства; онъ палилъ и жегъ его самого, не согрѣвая его души, постоянно алкалъ новой пищи, и

быстро, исщепелявъ все мыслимое, имъ охваченное, обрѣтался снова въ пустотѣ... Потому что эта пустота въ человѣкѣ, если не христіанскихъ вѣрованій, то христіанскихъ убѣждений, какимъ былъ несомнѣнно Тютчевъ, могла быть наполнена лишь однѣмъ высшимъ содержаніемъ — *дѣлѣтельностью*, — дѣятельностью не одной мысли, но и другихъ нравственныхъ сторонъ духа. Умъ Тютчева парилъ въ даль и въ высъ, въ самыхъ отвлеченныхъ областяхъ мышленія,—а самъ онъ, будто свинцовыми гирями, прикованъ былъ, какъ любить выражаться поэты, долу: немощью воли, страстями, избалованностью — пешавистницею работы и усилия. Мыслитель дѣлѣтельный и серьезный, онъ вель жизнъ, если взглянуть на нее съ вѣнчней ея стороны, почти праздную, чуждую и дѣла, и плана, и цѣли; при его необыкновенныхъ талантахъ, онъ даль неизчислимо менѣе, чѣмъ, казалось, способенъ былъ произвести; возвышенный строй его думъ не сообщался его душевному строю; крѣпость умозрительныхъ выводовъ не давала крѣпости духу; ему не доставляло *труда*, постояннаго занятія, *Beschäftigung*, какъ говорить Шиллеръ,

... die nie ermatlet,
Die langsam schafft und nie zerstört (*).

Баронъ Пфеффель заканчиваетъ свою статью о Тютчевѣ такими словами:

„ Такъ говорилъ этотъ человѣкъ, рожденный для размышленія, для кабинетнаго труда, и котораго жизнь, по странному противорѣчію судьбы, почти около пятидесяти лѣтъ протекла — въ гостиныхъ! Родись и живи онъ во

(*) Трудъ, который никогда не разслабляетъ, медленно творить и никогда не разрушаетъ.

Франції, онъ безъ сомнѣнія оставилъ бы по себѣ памятники, которые быувѣковѣчили его имя. Родясь и живя въ Россіи, не имѣя другой аудиторіи, кроме общества, отличающагося скрѣе любопытствомъ, чѣмъ познаніями, онъ разсѣялъ на вѣтеръ, въ разговорахъ, сокровища своего ума и мудрости, еще быстрѣе забытыя, чѣмъ распространеныя.” (*)

Въ этихъ словахъ, конечно, много правды; но мы не можемъ не оговориться и не напомнить, что Тютчевъ, до пятаго десятка лѣтъ, 22 года прожилъ не въ Русскомъ обществѣ, а въ Германіи и вообще за границей, и хотя много обязанъ Западной Европѣ воздѣлланностью своего ума и вкуса, однако, по свидѣтельству всѣхъ его знатившихъ, даже и въ Германіи не показывалъ расположенія къ усидчивому труду. По возвращеніи же его въ Россію, условія для умственной дѣятельности были для него, безъ всякаго сомнѣнія, уже совершенно неблагопріятны, по щедостатку не только сочувственной, но даже и понимающей среды; но не въ этихъ только условіяхъ, а въ условіяхъ отчасти личной природы Тютчева, и главное—въ условіяхъ исторического и бытowego строя, давшаго ему *первоначальное воспитаніе*, слѣдуетъ искать при-

(*) ...Ainsi parlait cet homme n  pour la m ditation, pour le travail du cabinet et dont la vie, par une singuliere contradiction du sort, s'est  coul e pendant pr s de cinquante ans dans les salons. N  et vivant en France il aurait sans nul doute laiss  apr s lui des monuments qui eussent perp tue sa m moire. N  et vivant en Russie, ayant pour unique auditoire une soci t  plus curieuse qu'instruite, il a jet  aux quatre vents de la conversation des tr sors d'esprit et de sagesse encore plus vite oubli s que g randus...

чишу той сравнительно-скучной производительности, которую проявили на землѣ его богатые таланты. Въ этомъ отношеніи замѣчаніе Пфеффеля оказывается вполнѣ вѣрнымъ. Старый дворянскій бытъ, т. е. обеспеченность, порождавшая безопасность, которую давало крѣпостное право,—въ особенности же слабость патріотаго самосознанія, и вслѣдствіе этого отсутствіе всякой духовной самобытности въ просвѣщеніи и умственномъ развитіи общества—все это не только не вырабатывало въ Русскихъ людяхъ способности къ настойчивому, послѣдовательному труду, къ строгому и самостоятельному мысленію, къ духовной инициативѣ, но тяготѣло кашлемъ надъ всякими даровитыми умами, надъ всякимъ благороднымъ порывомъ воли. Отъ вредного воздействиія этихъ условій каждому таланту приходилось избавляться уже собственными средствами усилиями,—пересоспѣтываться съзинова, самому обрѣтать или созидать себѣ творческое основаніе, твердый и большую частью одинокій, умстvenный и нравственный *Standpunkt*, какъ выражаются Нѣцы. Въ такой трудной работѣ прощадало, конечно, не мало времени и растеривалось много, много силъ.

Но здѣсь-то и обнаруживается, какъ великъ и важенъ былъ подвигъ некоторыхъ нашихъ поэтовъ и дѣятелей мысли. Если съ одной стороны справедливы слова Пфеффеля о вредномъ влияніи на Тютчена Русской общественности, то съ другой стороны—совершенно невѣренъ его выводъ о значеніи того дѣла, которое дѣлалъ Тютчевъ... Дѣйствительно Тютчевъ вельжизнь, по видимому, совершенно-пустую и праздную, — но умъ его никогда не былъ празденъ, никогда не переставалъ мыслить. Пусть другая стороны его духа не получили въ немъ должнаго развитія, пусть воля его была немощна, и эта

немощь, вмѣстѣ съ другими его нравственными недостатками, служила ему самому казнью, лишала его внутренняго равновѣсія и мира,—по тѣмъ не менѣе опь не только не зарылъ въ землю данный ему отъ Бога талантъ, не только не угасилъ свѣтъ ума, зажженный въ немъ природою, но не переставалъ свѣтить и пламенѣть мыслью до истощенія силъ. Если, по словамъ одного писателя, жить — значитъ бодрствовать, то Тютчевъ исполнілъ назначеніе жизни, по крайней мѣрѣ относительно мыслительной силы своего духа: онъ бодрствовалъ мыслью до самой кончины, безъ ослабленія, безъ упадка. Не одно же виѣшнее дѣланіе должно почитаться трудомъ, но и самое мышленіе человѣческое, и мы въ правѣ скезать про Тютчева, что онъ, въ этомъ смыслѣ, потрудился и много, и добрыми трудомъ. Не можетъ же Русское общество не признать съ благодарностью той высокой заслуги, какую оказалъ онъ Русскому народному сознанію самобытною дѣятельностью мышленія и разъясненіемъ многихъ сокровенныхъ сторонъ духовной исторической Русской стихіи. Не можетъ Россія не почтить этого подвига умственной самостоятельности и безпредѣльной любви къ родной землѣ, который сохранилъ и выработалъ въ пемъ Русского мыслителя, Русского поэта, Русского человѣка душою и сердцемъ; который поборолъ всѣ левагоды, всѣ препятствія, всѣ преграды, поставленныя Тютчеву воспитаніемъ, разлукою, всею обстановкою юныхъ и зрѣлыхъ лѣтъ. Не можетъ не быть вмѣстѣ и въ великую, нравственную заслугу такое служеніе духу на простроптѣвъ всей долгой жизни, вопреки всѣмъ соблазнамъ, искушеніямъ и всяческимъ противодѣйствіямъ со стороны виѣшнихъ и даже внутреннихъ, психическихъ условій его собственнаго бытія. Не можетъ остаться

безъ ~~жизни~~ и воздаянія и то смиренное отношеніе къ своимъ талантамъ и къ себѣ самому, которымъ запечатлѣно все существованіе этого богато-одаренного человѣка и которое, хотя и является въ немъ какъ бы простымъ свойствомъ его природы, однако же, проходя *неизмѣнно* сквозь всю семидесятилѣтнюю жизнь, дорастаетъ до значенія истиннаго жизненнаго подвига...

Въ виду этихъ заслугъ и достоинствъ, въ виду этого подвига мысли и жизни, блѣднѣютъ и мельчаютъ, разумѣется, черты его виѣшняго образа, частности и подробности его житейскаго дѣла, къ которымъ мы все таки, по долгу бiографа, считаемъ себя обязанными возвратиться. Говоря о Тютчевѣ какъ о старикѣ, мы объясняли, что преклонность лѣтъ скрывалась въ немъ только наружно, физически, но что опь не походилъ ни на мастихаго старца, ни на молодящагося старика; что не было въ немъ ни важности подобающей лѣтамъ, ни величавой тишины и гармоніи духа, которую дасть мудрость языческая, или мира и просвѣтленія мудрости христіанской. Въ немъ было бы напрасно искать чего либо „назидательнаго“—его непосѣдливость, его скитаніе изъ дома въ домъ, тревожные поиски за новыми впечатлѣніями и интересами, могли даже многимъ казаться несовмѣстными съ достоинствомъ ого „сѣдинъ“ его лѣтъ и т. д.; но его разговоръ давалъ столько высокаго умственнаго наслажденія, его мысль проявляла всегда столько свѣта, было всегда такъ нестарчески-свѣжа и при томъ такъ трезва и серьезна въ своемъ существѣ, такъ духовно-изящна въ своей формѣ, что въ бесѣдѣ съ Тютчевымъ все забывалось, и никому и въ голову не приходило соображеніе объ его возрастѣ... Но въ этомъ-то самомъ, въ возможности такого забвенія въ виду его „сѣдинъ“ и состояла немалая на-

зидательность. Опытъ долгой жизни, многолѣтняя дума, огромный накопившійся запасъ знанія—все это, безъ сомнѣнія, существовало и слышалось собесѣдниками Тютчева въ его каждой рѣчи; но опо не выступало у Тютчева какъ пѣчто дающее право на почетъ и авторитетъ, какъ „украшеніе старости“ и „наученіе для юности.“ И это не потому, чтобы Тютчевъ скромничалъ или же умѣлъ выставлять свое достоинство въ мѣру, на столько, сколько нужно, чтобы съ одной стороны винуть къ себѣ уваженіе и расположеніе молодежи, а съ другой—не смущать ее обиднымъ для нея превосходствомъ. Въ отношеніяхъ Тютчева къ молодымъ людямъ вовсе не было того умнаго и великодушнаго разсчета, какими любятъ иногда щеголять „старцы“, никакого сознательнаго умѣнья и никакого *ligne de conduite*: это было отшюенія, самыя свободныя и простыя, того искрѣнаго сердечнаго благоволенія къ людямъ, которое не знало неравенства лѣтъ, того полно-правнаго, умственнаго общепія, при которомъ ни старшій годами не отрицался своего опыта, а лишь повѣрялъ его на новыхъ явленіяхъ жизни,—ни младшему не вспадало на мысль чваниться молодостью и потому воображать себя болѣе передовыми, чѣмъ его пемолодой собесѣдникъ. Никому нельзя было смотрѣть на Тютчева не только какъ на отсталаго, но даже какъ на устарѣвающаго не отстать; напротивъ, онъ былъ постоянно и естественно современенъ, и даже упреждалъ мыслью время, отводя всѣмъ явленіямъ текущей дѣйствительности законное иѣсто въ общемъ историческомъ строѣ, находя имъ всѣмъ историческое объясненіе и оправданіе. Ничто не раздражало въ такой степени сверстниковъ Тютчева по лѣтомъ, какъ его живое сочувствіе со всѣмъ прогрессивнымъ движеніемъ жизни,—какъ отсутствие въ исль той зам-

клютости и законченности, послѣ которой человѣкъ уже перестаетъ идти самъ впередъ и богатѣть мыслью, а повторять зады, живеть лишь воспоминаніями и процентами съ выработаннаго умственна-го капитала,—въ родѣ какого нибудь геп-тиг, который, съ наступленіемъ почтен-ныхъ годовъ, отказавшись отъ обогатив-шихъ его нѣкогда тревожныхъ спекуляцій и обравивая спекуляторовъ юныхъ, вкушаетъ, сообразно лѣтамъ, чину и ка-питалу, *otium cum dignitate*. Для Тютчева не существовало свойственныхъ и подобающихъ извѣстному возрасту, положе-нію и званію, возврѣній и ютѣній консерва-тивнаго или тому подобнаго качества,—потому что для него не было ни юныхъ, ни старыхъ, ни приличныхъ, ни непри-личныхъ истинъ; только то имѣло для него значеніе и исповѣдувалось имъ от-крыто и явно, безъ соображеній о при-личії, чтѣ представлялось ему въ данную минуту истиною, что оправдывалось его крѣпкою и зрѣлою мыслью,—а мысль его, какъ мы уже знаемъ, созрѣла и окрѣпла съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Конечно, и опытъ, и зпаніе могли видоиз-мѣнить и видоизмѣнили никогда его убѣж-денія; но самый возрастъ не оказы-валъ на его мысль и на его душу пи-малѣшнаго дѣйствія,—и въ этомъ отно-шеніи вполнѣ справедливо то выраженіе о немъ, которое намъ удалось слы-шать еще при его жизни: *cet homme n'a pas d'âge* (*).

IX.

Но если не было возраста для его мысли; если не старѣлъ его умъ, не старѣло сердце, то все же старость, не какъ внутреннее перерождение, а какъ внѣшній, чуждый, неизбѣжный рокъ, тяготѣла надъ его жизнью и его со-знаніемъ, особенно въ послѣднія де-сять лѣтъ. Не чувствуя ея власти надъ

(*) У этого человѣка вѣтъ возраста.

своимъ умомъ и душою, онъ съ трудомъ признавалъ ея власть надъ строемъ своей обычной жизни; но бремя опыта, умножаясь съ годами, давило поэтическую мечту и затрудняло ея когда-то легкий полетъ; но радости бытія постепенно оскудѣвали и изсякали, а подагрическая хворь нерѣдко осуждала его на ненавистное ему одиночество и неподвижность. Если еще въ почалѣ „склонна своихъ лѣтъ“, онъ писалъ:

Полнеба обхватила тѣнь,
Лишь тамъ на западѣ бродить сіянье...
Помедли, помедли, вечерній день,
Продлісь, продлісь, очарованье!..

то понятно, что еще тревожнѣе и искрениѣ вырывался порою этотъ вопль изъ души поэта, когда еще ближе напдалились тѣни, и уже не полнеба, а почти весь небосклонъ покрылся ими. Но онъ не хотѣлъ и, по свойству своей природы, не могъ сводить счетовъ, не въ состояніи былъ заняться подведеніемъ итоговъ подъ свое личное бытіе. Не слыша въ себѣ одряхлѣнія мысли, онъ продолжалъ жить, пока жило, — хотя эта же самая мысль, всегда трезвая и ясная, гнала безпощадно прочь всякое самообольщеніе и не переставала указывать ему на придвигавшійся край его жизни. Разладъ съ самимъ собою сталъ въ немъ еще томительнѣе и сильнѣе; беспокойнѣе и неотвязчивѣе стали запросы его собственного духа, обращенные и къ вѣнчаниемъ судьбамъ человѣчества, и къ себѣ самому; строже тайный судъ и еще болѣзненнѣе чувство споей человѣческой немои, и еще немощнѣе воля... Тоска, — та тоска, которая составляла какъ бы основной тонъ всей его поэзіи и всѣго его нравственнаго существа, и на principio которой мы уже не разъ указывали, — тоска мысли, неугомонно, всю жизнь движавшейся, бодрствовавшей и не додумавшейся ни до чего вѣрнаго и несомнѣннаго, — тоска по истинѣ, призна-

ваемой, но не овладѣвающей умомъ и не овладѣвшей всесѣло ни его волею, ни его душою, — тоска по „солнечныи лучамъ“, по радостямъ жизни, — тоска о себѣ, о потраченныхъ попусту силахъ, о неоправданномъ призваніи и дарахъ, — эта внутренняя, потаскная тоска возрастала въ пемъ съ годами все могущество и власть. Легко конечно осудить такую тоску въ „старцѣ“ и назвать ее неизящательно, но еще вопросъ: что лучше — такая ли тоска, или дешевое замореніе, не лишенное самодовольства?

Какъ ни прекрасны приведенные памятные строки изъ письма князя Вяземскаго о Тютчевѣ и „Тютчевапѣ“, но такъ какъ эти бѣглые строки не предназначались для печати, то въ нихъ многое не досказано, и встрѣчается выраженіе, не вполнѣ точно передающее мысль самого автора, а потому требующее оговорки. „Бѣглый Тютчевъ, смутили умирать? Онъ пользовался и наслаждался эсизью...“ Эти строки могли бы, пожалуй, дать поводъ предположить, будто Тютчевъ былъ что называется *un vivant*, и въ самомъ дѣлѣ *наслаждался*, удовлетворялся жизнью. Такое представленіе о Тютчевѣ было бы совершиенно ложно и свидѣтельствовало бы лишь о томъ, какъ мало было оцѣненъ и понятъ въ Тютчевѣ, въ этомъ изящномъ, любезномъ, остроумномъ собесѣдникѣ, — *si gracieux, si charmant* (какъ отзывался о немъ свѣтъ) человѣкъ внутренней, человѣкъ мысли и духа.

Просматривая его письма къ женѣ, единственная письма, гдѣ, въ интимной бесѣдѣ, онъ говорить иногда о себѣ и про себя, мы встрѣчаемъ не разъ указанія на тайную, спѣдавшую его тоску. Вотъ нѣсколько списка въ подтверждепіе нашихъ словъ.

Еще въ 1858 году онъ писалъ изъ Москвы къ женѣ (отъ 11 Сентября),

послъ свиданія съ своею престарѣлою матерью (изъ этого письма мы уже привели первыя строки въ самомъ началѣ нашего очерка), слѣдующее:

„J'ai encore une fois pris congé de ma mère, j'ai encore une fois fait les trois saluts en terre à côté d'elle devant sa Vierge de Cazan, encore une fois, en m'en allant de sa chambre, appuyé mon dernier regard sur elle, en l'accompagnant du même pressentiment parfaitement naturel et raisonnable... C'est inconcevable, comme tout est redite dans la vie, comme tout paraît devoir durer éternellement et se répéter à l'infini, jusqu'à un certain moment où tout-à-coup tout s'abîme, tout disparaît, et ce quelque chose qui avait tant de réalité, que vous sentiez aussi solide et aussi immense que la terre sous vos pieds, devient un rêve qui n'a d'existence que dans le souvenir et que le souvenir même a peine à conserver. Et quand dans une vie cette opération s'est reproduite plusieurs fois, quand plusieurs de ces réalités que l'on avoit cru éternelles vous ont fui et laissé à sec, alors, bien que par une loi de la nature de l'homme l'illusion de la durée tende à se reproduire toujours, il y a sous cette illusion quelque chose d'éveillé, d'inquiet, de défiant, quelque chose enfin qui ne parvient plus à

*) Я єщѣ разъ простился съ мою матерью, еще разъ положилъ, рядомъ съ нею, три земныхъ поклона предъ ея Казанскою Божией Матерью; еще разъ, уходя изъ комнаты, оглянувшись послѣднимъ взглядомъ, съ тѣмъ же, какъ и прежде, предчувствиемъ, вполнѣ естественнымъ, вполнѣ основательнымъ... Удивительно, какъ въ жизни все—повтореніе, какъ все кажется пред назначеніемъ и длится вѣчно, и повторяться безконечно—до извѣстнаго мгновенія, когда все вдругъ рушится, все исчез-

s'endormir tout-à-fait. On ne dort plus que d'un oeil et, en dépit de soi, on ne se sent plus vivre qu'au jour le jour *).“

Въ 1859 году онъ посѣтилъ чужie краи и въ нихъ тѣ мѣста, где протекла лучшая половина его жизни. Вотъ что мы читаемъ, между прочимъ, въ ого письмахъ оттуда:

„Munich, 15 Juin... Quant à mon entrevue avec les montagnes et le lac de Tegernsee, elle m'a comme de raison innondé de mélancolie. Je n'ai décidément plus assez de vie pour tenir tête à de pareilles impressions. Elles anéantissent en moi jusqu'au sentiment de mon identité. En général tout mon organisme physique et moral est tellement ébranlé que ce qui devrait être et serait pour tout autre une occasion de plaisir et de distraction, m'éprouve de la manière la plus pénible... J'ai revu, revisité, reparcouru tout ce que je connaissais si bien et tout ce qui m'est devenu parfaitement étranger...“

заетъ, и то, чтд было такою живою дѣятельностью, чтд представлялось тебѣ столько же твердымъ и необъятнымъ, какъ сама земля подъ твоими ногами, становится сновидѣніемъ, котораго бытіе—только въ воспоминаніи и которое самимъ воспоминаніемъ удерживается лишь съ трудомъ. И когда въ жизни подобная операција возобновилась уже не разъ; когда уже не одна такая живая реальность, которую считалъ вѣчною, отхлынула отъ тебя и оставила тебя на мели,—тогда, хотя по закону человѣческой природы вновь и вновь завладѣаетъ душою самообольщеніе о прочности, о продолжительности всего живущаго, однако въ этомъ самообольщеніи кроется уже что-то возбужденіе, беспокойное, недовѣрчивое,—что-то однимъ словомъ, чтд уже не можетъ забыться словомъ. Спишь уже только однимъ глазомъ и, на перекоръ самому себѣ, чувствуешь, что живешь уже только дѣнь за день...“

Mais où vais-je? Et pourquoi? Il me semble que je rêve tout éveillé... Mais ce qui n'est pas un rêve, c'est le nouveau désastre des Autrichiens,[“] etc [“]).

„Weimar, 1 Novembre... Comme de raison je passe toute la journée avec Maltitz... ^{**}) J'ai repassé le passé, retrouvé, ressaisi avec un mélancolique plaisir cette nature de Maltitz si intelligente, si impressionnable, si active, tournant toujours, sans se lasser, dans le même cercle d'impressions, d'idées, de lectures, d'habitudes, et bien que je sache parfaitement combien un pareil milieu serait impossible pour moi, je

[“]) Мюнхенъ, 15 Іюня... Чѣдь касается до моего сиданія съ горами и озеромъ Тегеризе, то конечно оно обдало меня грустью. Во мнѣ рѣшительно пѣть уже на столько жизни, чтобы выдерживать подобныя впечатлѣнія. Они уничтожаютъ во мнѣ все, даже чувство самого себя. Вообще весь мой организмъ, физический и нравственный, такъ потрясены, что все то, чему бы слѣдовало быть и что было бы для всякого другого поводомъ къ удовольствію и разсѣянію, обращается для меня въ самую тѣжелую пытку. Я снова увидѣлъ, снова посѣтилъ, снова обошелъ все что было мнѣ такъ близко знакомо, и что стало мнѣ совершенно чуждо. — Но куда же иду я самъ? И зачѣмъ?.. Мнѣ точно снится наяву... Но чтѣдь уже совсѣмъ не сонъ — это новое пораженіе Австрійцевъ я пр.

[“]) Баронъ Мальтицъ, человѣкъ замѣчательного ума и обширной образованности, занимавшій на Русской дипломатической службѣ, впродолженіи долгаго времени, мѣсто посланника въ Веймаръ и при другихъ Нѣмецкихъ самостоятельныхъ герцогствахъ и княжествахъ, былъ женатъ на графинѣ Ертильдѣ Ботмеръ, родной сестрѣ первой жены Федора Ивановича. Онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ Германии издана книжка его стихотвореній и биографія.

ne puis, sans une sorte d'envie et de retour pénible sur moi m me, voir ces existences r gl es, rassises et qui se prolongent sans solution de continuit , — pour qui le pass  ne devient pas comme un membre ampul  dont on finit par douter s'il vous a jamais appartenu. On a beau dire — une des trois unit s de l'ancien drame classique qu'on a si fort d cri e, — l'unit  du lieu est plus n cessaire qu'on ne pense   l'int r t du drame, au moins dans la vie r elle... [“]).[“]

Такъ высказывался Тютчевъ еще въ 1859 году, но послѣдующее десятилѣтие его жизни еще сильнѣе омрачило его внутренній душевный тиръ, и все рѣзче и болѣзненнѣе становились въ немъ тоскливыя ощущенія. Потери за потерями не переставали потрясать его физический и нравственный организмъ. „Ницца“ и нѣкоторыя другія изъ напе-

[“]) Веймаръ, 1 Поября... Разумѣется я провожу цѣлый день съ Мальтицемъ... Я привѣтствую себѣ на память все прошлое, съществоискатель, обрѣтъ съ ерустными изысканіемъ, эту натуру Мальтица, натуру такую умную, такую впечатлительную, такую дѣятельную, вращающуюся, не уставая, всегда все въ томъ же кругѣ впечатлѣній, мыслей, чтеній, притычекъ. И хотя я очень хорошо знаю, какъ бы была бы невозможна для меня подобная среда, я не могу однако, безъ пѣкотораго рода зависти и тѣлостнаго обращенія на самого себя, глядѣть на эти существованія — правильныя, остѣдлыя, движущіяся безъ перерыва... Для нихъ прошедшее не становится словцо отрѣзаннымъ членомъ, о которомъ подъ колецъ даже сомнѣваешься, принадлежать ли онъ тебѣ когда-нибудь или пѣтъ... Что бы ни говорили, но изъ трехъ единицъ древней классической драмы, одно, столько охужденное — единство мѣста — пужище, чѣмъ думаютъ, для штремпера драмы, по крайней мѣрѣ въ дѣйствительной жизни... —

чаганныхъ стихотвореній довольно ярко отражаютъ въ себѣ тяжелое состояніе его духа, около половины шестидесятыхъ годовъ. Къ этому же времени относится одно ненапечатанное, изъ которого вотъ пѣсколько строфъ:

Есть и въ моемъ страдальческомъ застое
Часы и дни ужаснѣе другихъ...

Ихъ тажій гнетъ, ихъ бремя роковое
Не выскажеть, не выдержитъ мой стакъ.

Вдругъ все замреть. Слезамъ и умильпью
Нѣтъ доступа; все пусто и темно.

Минувшее не вѣть легкой тѣшью,
А подъ землей какъ трупъ лежитъ опо...

Ахъ, и надѣніе въ действительности ясной,
Но безъ любви, безъ солнечныхъ лучей,
Такой же ширь бездушный и бесастранны...

Далѣе:

И я однѣнь съ моей тупой тоскою,
Хочу сознать себѣ и не могу—
Разбитый челинь, заброшенный волною
На безымянномъ, дикомъ берегу...

Слѣдующій отрывокъ изъ письма,—подушутливый, полугрустный, смиренный отзывъ поэта о себѣ самому,—рисуетъ насть Тютчева съ той именно стороны, на которую мы указали выше, говоря объ его тревожной неподвижности и поискахъ за впечатлѣніемъ и интересами, и которая особенно выдавалась въ неѣ въ послѣдніе его годы. Онъ какъ будто боялся оставаться въ одиночествѣ, лицомъ къ лицу съ свою тоскою, ловилъ подобіе и призраки жизни. Оставилъ лѣтомъ 1868 года однѣнъ въ Петербургъ, вѣтъ что писалъ Тютчевъ, между прочимъ, къ своей семье, переселившейся на лѣтніе иѣсцы въ Орловскую деревню:

„St. Pétersbourg, 29 Juin. Ici j'aurai
ment-à mangé toutes mes provisions et
épuisé toutes mes ressources de ce ré-
gime d'été à Pétersbourg, si monotone
dans son agitation. Il me reste, il est
vrai, Péterhof où je ne suis pas allé

encore et qui depuis hier est devenu rÃ©sidence pour une dizaine de jours. Mais quoi, c'est encore une redite—et cependant ce n'est que vus à travers quelques impressions du passé, comme dans un fugitif éclair, que tous ces endroits ont quelque chance de m'émo-
tionner un peu. C'est comme les quelques passages soulignés d'un livre, qu'on a lu jadis et qu'on ne se soucierait plus de relire... Ah, que j'ai une nature de peu de ressources en elle-même et toute opposée à celle du poète, heureux de se sentir *oubliant* et *oublié*...“ *)

Но именно потому, что онъ былъ весь поэтъ, *durch und durch*, больше поэтъ, чѣмъ философъ, именно потому и не могъ онъ довольствоваться однимъ отвлеченнымъ бытіемъ, сферею одной лишь абстрактной мысли: ему нужно было воцѣщеніе мысли въ живыхъ, конкретныхъ, цѣльныхъ явленіяхъ, въ многообразномъ, художественномъ, такъ сказать, творчествѣ самой общечеловѣческой жизни. Такъ, годѣ за 4 предъ тѣмъ, досадуя, что ему не удалось почасть лѣ-

*) Петербургъ 29 Іюня. Я скоро съѣмъ всю свою провизію и истощу всѣ мои сред-
ства лѣтнаго образа жизни въ Петербургѣ, который такъ однообразенъ въ своей сути. У меня остается, правда, Петергофъ, гдѣ я еще не былъ и который со вчерашняго днѧ сталъ резиденцией днѣй на десять. Но чѣмъ? Вѣдь и это — опять повтореніе!.. И однакожъ, только озарившись некоторы-
ми впечатлѣніями прошлаго, какъ мимолет-
ніемъ юношемъ, еще могутъ всѣ эти места производить во мнѣ нѣсколько живое ощу-
щеніе. Это какъ бы подчеркнутыя строки въ книгу, которую когда-то читалъ и ко-
торую перечесть снова не было бы охоты... Ахъ, какъ бѣдна собственными средствами моя природа, и какъ противоподложна она природѣ!.. что счастливъ, сознавая себя *забытымъ и забывающимъ*...

томъ въ Киссингенъ, вотъ какъ объяснялъ онъ самъ эту свою досаду въ письмѣ къ женѣ:

„...Comme ce va et vient perpétuel, toutes ces rencontres inattendues de figures connues, tout ce passé ressuscitant plein de vie et venant couduoyer le présent,—tout ce foyer de nouvelles et d'actualités palpitantes—comme tout cela m'aurait convenu, m'aurait rafraîchi, vivifié. Comme un pareil séjour, rapprochant les époques, m'aurait aidé à renouer la chaîne des temps, ce qui constitue le besoin le plus impérieux de mon être.“ (*).

Но въ 1870 году мы встречаемъ уже следующія строки въ его письмѣ, въ которыхъ, покидая прежній шутливый, ироническій тонъ, онъ какъ бы сдерживаетъ завѣсу съ внутренняго міра души и раскрываетъ глубину гнетущаго его чувства. Поводомъ къ этимъ строкамъ послужило посѣщеніе одного иностраннаго дипломата, знаяшаго его еще за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ въ Мюнхенѣ и напомнившаго Тютчеву многое изъ его прошлаго, чего не сохранила его память:

„...En présence de toutes ces mémoires si vivantes, si conscientes du passé, je me sens comme anéanti. Je me sens plus qu'aux trois quarts plongé dans le

*) Какъ все это постоянное движенье впередъ и впередъ, всѣ эти нежданныи встречи знакомыхъ лицъ, все это прошлое, воскresающее съ такою полнотою жизни и толкающее подъ локоть настоящее,— все это гнѣздо новостей и животрепещущихъ современныхъ интересовъ,—какъ все это было бы по мнѣ, меня бы освѣжило и оживило. Какъ подобное мѣстопребываше, сближая эпохи, помогло бы мнѣ возстановить цѣль времена, что составляетъ самую настоятельную потребность моего существа...

néant, qui ne laisse survivre en moi que le sentiment de l'angoisse...“ (*).

Вскорѣ за этимъ письмомъ, въ концѣ того же года, скончался Николай Ивановичъ Тютчевъ, единственній братъ и, можно сказать, единственній другъ Федора Ивановича, у котораго, въ сеции, было великое множество „друзей“, но между ними ни одного, съ кѣмъ бы, преимущественно предъ прочими, дѣлился онъ всѣми тайнами мысли и сердца, съ кѣмъ бы состоять въ отношеніяхъ исключительно тѣсной, задушевной дружбы. Николай Ивановичъ Тютчевъ любилъ брата не только съ братскою, но съ отцовскою прѣимуществомъ, и ни съ кѣмъ не былъ Федоръ Ивановичъ такъ коротокъ, такъ близко связанъ всею своею личною судбою съ самаго дѣтства. Немногие понимали, чѣмъ запачкала для Тютчева эта потеря, — и въ то время, какъ, по мнѣнію его свѣтскихъ пріятелей, онъ продолжалъ наслаждаться и пользоваться жизнью, вотъ чѣмъ звучало и жило въ глубинѣ его души, вотъ какіе стихи сложились у него, дорогую изъ Москвы въ Петербургъ, когда онъ возвращался съ похоронъ брата. Эти стихи не только не назначались имъ для печати, но были тщательно скрыты и даже въ семье его были извѣстны лишь нѣкоторымъ:

Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ,
И ты ушелъ, куда мы всѣ уйдемъ,
И я теперь на голой вышинѣ
Стою одинъ—и пусто все кругомъ.

*) Предъ всякою подобною памятью, — въ которой столько жизни, такое соображеніе прошлаго, я чувствуя себя точно уничтоженнымъ. Я чувствую, что уже болѣе чѣмъ на три четверти погрузился въ не бытие, которое оставляєтъ во мнѣ живынь одно лишь ощущеніе томительной муки...

И долголь мнѣ стоять здѣсь одному?
День, годъ другой—и пусто будеть тамъ,
Гдѣ я теперь—смотрю въ ночную тьму,
Но чтѣ со мной не сознавая самъ...

Безслѣдо все,—и такъ легко не быть!
При мнѣ иль безъ мнія—что нужды въ томъ?
Все будеть тоже—и выюга также выть,
И тотъ же мракъ, и также степь кругомъ..

Дни сочтены; утратъ не перечесть;
Живая жизнъ давно ужь позади;
Передоваго цѣтъ, и я какъ есть
На роковой стою очереди...

Съ такимъ тайнымъ сознаніемъ въ сердцѣ, но не отставая отъ вѣшней жизни, продолжая по прежнему восхищать слушателей игривостью и блескомъ ума, и по прежнему бодрствовать мыслью,—встрѣтилъ Тютчевъ и другіе удары, обрушившіеся на него въ 1871 и въ 1872 годахъ,—потерю старшаго сына, несчастіе, болѣзнь и смерть своей дочери, Марыи Федоровны Бирлевой,—молодой, прекрасной, замѣчательной умомъ и характеромъ женщины, скончавшейся отъ чахотки въ чужихъ краяхъ лѣтомъ 1872 года. Въ день Свѣтлого Воскресенія того же года, Тютчевъ писалъ ей изъ Петербурга въ Меранъ:

День православнаго Востока,
Святый, святый, великий день,
Разлей свой благовѣсть широко
И всю Россію имъ одѣнь.

Но и святой Руси предѣломъ
Его призыва не стѣснай:
Пусть слышенъ будеть въ мірѣ цѣломъ,
Пускай онъ пьется черезъ край,
Свою крайнею волною
И ту долину захватя,
Гдѣ бьется съ немощью злою
Мое родимое дитя.
Тотъ свѣтлый край, куда въ изгнанье
Она судьбой увлечена,
Гдѣ неба южнаго дыханье
Какъ врачевство лишь пить она...

О дай болящей исцѣленье,
Отрадой въ душу ей полей,
Чтобы въ Христово Воскресеніе
Всесѣло жизнь воскресла въ неї...

Эти стихи, сколько мы знаемъ, были уже послѣдними стихами Тютчева. Сильнѣе сгустился мракъ около него,—тревожнѣе искалъ онъ себѣ просвѣта и разсвѣянія.. Обычные осеніе припадки подагры смынлись головными болями: то былъ недобрый знакъ. Первое волненіе возрастало,—доктора, по обычаю, советовали ему тишину, спокойствіе, рекомендовали поменьше читать и думать.... Но Тютчевъ раздражался, не уступалъ, упорно пытался жить, какъ жилось ему прежде, и какъ не могъ онъ иначе жить... Не смотря на нѣсколько случаевъ подозрительной дурноты, испытанной имъ въ гостяхъ, у знакомыхъ, не смотря на жучительныя боли въ головѣ, онъ не хотѣлъ признавать власти недуга надъ своимъ умомъ и даровніями, и наканунѣ новаго 1873 года, получивъ вѣсть о смерти Наполеона III,—сталь было слагать стихи по поводу этого событія.... Но къ его сущенію и ужасу—стихи не выходили, не повиновались ни звуки, ни риѳмы. Страшно напрягались его силы; онъ одолѣлъ таки добровольно заданную имъ себѣ работу,—но стихотвореніе вышло тяжелое, темное, неправильное... Онъ самъ отнесъ его въ редакцію журнала; а въ первый день Января 1873 г., не смотря ни на какія предостереженія, вышелъ изъ дома для обычной прогулки, для посѣщенія пріятелей и знакомыхъ... Его вскорѣ привезли назадъ разбитаго параличъ. Вся лѣвая часть тѣла была поражена, и поражена безвозвратно... Но это было только начало смерти.

Первымъ дѣломъ Тютчева, по мѣрѣ того какъ онъ сталъ приходить въ сознаніе, было—ощупать свой умъ. Жить—

значило для него мыслить, и съ первымъ, еще слабымъ возвратомъ силъ, его мысль задвигалась, зияграла и за- сверкала, какъ бы тѣшась своею живучестью. Прикованный къ постели, съ ноющею и сверлящею болью въ мозгу, не имѣя возможности ни приподняться, ни перевернуться безъ чужой помощи, голосомъ едва внятнымъ, онъ истинно дивилъ и врачей, и посытителей блескомъ своего остроумія и живостью участія къ отвлеченнымъ интересамъ. Онь требовалъ, чтобы ему сообщались всѣ политическая и литературная новости,—онъ по каждому поводу готовъ былъ пуститься въ серьезный разсужденія, и напрасно усиливалось врачи отстранить отъ него эту „вредную при его состояніи дѣятельность“... „Это лишь возбужденіе, это ис- нормальное явленіе“,—увѣряли доктора; „за симъ несомнѣнно послѣдуетъ посте- пенное ослабленіе умственныхъ силъ, какъ всегда бываетъ при „выпотѣїи или эксудациіи мозговыхъ артерій“—болѣзни пеизальчной, за которую непремѣнно, мѣсяца черезъ два-три, можетъ быть черезъ шесть или чѣмнѣго болѣе, настанетъ смерть“. Доктора были правы въ опредѣленіи болѣзни и ея скораго ро- коваго исхода, но они обманулись въ своихъ научныхъ расчетахъ относи- тельно упругости мыслительныхъ силъ своего пациента. Мыслительность была въ пемъ природною, существеннѣйшею жизненною стихіей,—могла угаснуть и угасла только послѣднею... Но она, конечно, выдавалась въ пемъ еще ярче, казалась еще поразительне въ виду его страшной физической немощи, во всей этой вицѣ обстановкѣ смер- тельного недуга.

Тяжело мирился Тютчевъ и съ этою обстановкою, и съ этою немощью. Не разъ, въ припадкѣ тошки и раздраженія, порывался онъ напрочь всѣ свои силы и страхнувъ недугъ — встать на ноги,

вернуть себѣ свободу, выдти на вольный воздухъ,—но изнеможенный отъ напрасныхъ усилий падалъ въ обморокъ на постель. Человѣкъ самый непосѣдливый, самый подвижный, былъ какъ-бы казненъ неподвижностью. Однако по прошествіи мѣсяца ему стало чѣмнѣго лучше,—и опять-сколько ободрился духомъ, надѣясь если не на выздоровлѣніе, то на значи- тельное облегченіе своего паралича. Мысль его и слово окрѣпли, опѣ дикто- вала пространныя письма самаго серъ- езного содержанія, быть въ состояніи иногда и самъ начертить цѣлько строкъ, насколько это было возможно въ его полулежачемъ положеніи. Къ этому именно времени и относится, т. е. къ Февралю и Марту 1873 года, тѣ два письма, которая были выше приведены, именно: одно о „Кесарѣ воюющемъ со Христомъ“, т. е. объ отношеніи церкви къ государству, — другое по поводу философа Гартмана, гдѣ Тютчевъ го- воритъ, что „la nature humaine, en dehors de certaines croyances et en proie aux r alit es de la vie, ne peut  tre qu'un sraume de rage“... Вотъ еще нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Тют- чева къ одной изъ его дочерей въ Мо- скву, отъ того же времени:

„Je reçois   l'instinct la derni re let- tre. Je me fais l'effet d'un homme, qui continuerait   recevoir sa poste dans l'autre monde,—tant les choses du dehors ont peu de rapport avec mes con- ditions d'existence actuelles. Et ce qu'il y a de pire, c'est que si moi je ne suis pas mort, tout le monde l'est malbeu reusement bien pour moi. Je n'ai pas la moindre foi dans ma r surrection; dans tous les cas il y a quelque chose de fini et bien fini pour moi... L'essen- tiel c'est d'en prendre rigoureusement son parti. Nous passons toute notre vie dans l'attente de cet  v nement qui,

quand il arrive, ne manque jamais de nous surprendre. Il est de nous comme de ces gladiateurs que l'on gardait pendant des mois entiers pour l'arène et qui, je suis sûr, ne manquaient jamais d'être surpris le jour où ils étaient appelés à paraître "... 1)

... Я сейчасъ получилаъ твое письмо. Я точно человѣкъ, который продолжаетъ получать почту на томъ уже свѣтѣ,—до такой степени все вѣнчшее имѣеть мало соотношенія съ настоящими условіями моего существованія. И что всего хуже, такъ это то, что если я еще и не умръ, все осталльное къ несчастію умерло, и точно умерло, для меня. У меня нѣть ни малѣйшей вѣры въ мое возстановленіе, во всякомъ случаѣ есть что-то законченное, крѣпко законченное для меня. Теперь главное въ томъ, чтобы умѣть мужественно этому покориться. Мы проводимъ всю жизнь въ чаяніи этого события, которое, когда настаетъ, всегда непремѣнно преисполняетъ насъ изумленіемъ. Мы похожи на гладіаторовъ, которыхъ сберегали цѣлые мѣсяцы для арены, и которые, и увѣренъ, непремѣнно всякой разъ поражались нечаянностью, въ тотъ день, когда имъ назначалось явиться...

²⁾ ... Что касается до моего настоящего положения, то со всѣхъ сторонъ меня увѣряютъ, что оно постоянно улучшается... Есть конечно улучшеніе, но я его недовольно ощущаю. Я жду, чтобъ весеннее солнце дало ему свое освященіе...

ne cessent de se rencontrer sans rire, tout en exécutant avec la plus minutieuse ponctualité toutes les exigences de l'éthiquette.... и потому, въ виду по-
сещенія Петербурга многими лицами
высшаго Прусскаго общества, прибав-
ляєтъ: „On a certainement plus vite
fait d'écrire quelques mauvaises plaisan-
teries sur le compte des Allemands,
comme si cela expliquait quelque chose
et comme si nous n'avions rien de mieux
à faire en vue d'une société aussi
sérieuse, aussi avancée que la société
prussienne, à qui nous aurions à em-
prunter tant de choses, à commencer
par la liberté de la pensée qui en Prus-
se seulement se trouve, à l'heure qu'il
est, hors de conteste ¹⁾), à l'égal d'un
autre droit tout aussi généralement re-
connu: le droit de chacun de respirer
sa part *d'air ambiant*. Quand on pense
que dans ce pays là cette liberté illi-
mitée de la pensée s'accorde intime-
ment avec le respect d'une autorité for-
te, légitime et traditionnellement res-
pectée ²⁾!“ Мысль о положениі печат-

) Исключая Англію, конечно, на континентѣ.

2) Сейчасъ же пустили въ ходъ плохія шутки на счетъ Нѣмцевъ, какъ будто этимъ что-нибудь объясняется, какъ будто намъ нечего и дѣлать другаго въ виду такого серьезнаго, такого развитаго общества, каково Прусское, у котораго мы могли бы многое позаимствовать, начиная съ свободы мысли. Въ настоящую минуту только въ Пруссіи эта свобода стоитъ выше всякого спора, подобно другому праву, также всеобщепризнанному: праву для каждого дышать своею частью воздуха, его окружавшаго... Какъ подумаешь, что въ этой странѣ эта беаграничная свобода мысли уживаются самымъ искреннимъ, тѣснѣмъ образомъ съуваженiemъ къ власти сильной, законной, по преданію читимой!...

наго слова въ Россіи не покидала его и въ болѣзни, и когда въ Маѣ того же года появилось въ „Русскомъ Архивѣ“ его письмо о цензурѣ, писанное 16 лѣтъ назадъ, онъ между прочимъ продиктовалъ въ Москву слѣдующія строки:

„En relisant mon mmoire qui est encore  l'heure qu'il est palpitant d'actualit, je me suis convaincu que ce qu'il y a de moins utile dans les choses de ce monde, c'est d'avoir la raison pour soi. Dans 30 ans tout le monde certainement pensera sur toutes ces questions ce que je pensais alors, mais en attendant le mal aura t  fait, et probablement un mal irr parable. Je suis curieux de voir l'effet que cette publication produira dans les sph res gouvernementales... Mais je suis bien niais de me pr occupper de ce qui n'a plus aucun rapport vivant  moi! Je devrais me consid rer comme un spectateur apr s que la toile est tomb e et qui n'a plus autre chose  faire que de ramasser ses effets pour regagner la porte“ (*).

.... Перечитывая мою записку, которая и въ настоящій мигъ трепещетъ современнымъ интересомъ, я убѣдился, что самая бесполезная вещь на семъ свѣтѣ быть правымъ. Черезъ 30 лѣтъ все конечно будутъ думать объ этомъ предметѣ тоже, чѣмъ и тогда думалъ, но зло будетъ уже сдѣлано, и вѣроятно зло непоправимое. Мнѣ любопытно бы видѣть впечатлѣніе, которое произведетъ въ правительственныйхъ сферахъ общародование этой записки... Но какъ простодушно-глупо съ моей стороны озабочиваться тѣмъ, чтѣ не имѣтъ уже никакого живаго отношенія ко мнѣ! Мнѣ слѣдовало бы смотрѣть на себя какъ на зрителя, которому, послѣ опущеній занавѣса, ничего другаго не остается, какъ подобрать свои вещи и направиться къ двери...

Здѣсь кстати упомянуть, что виѣсть съ болѣзнию стада проявляться у Тютчева небывалая до тѣхъ поръ забота о своемъ авторскому и вообще личномъ значеніи. Но она проявлялась такъ скромно и какъ бы стыдливо, что нельзя было видѣть се безъ какого-то грустнаго умиленія. Умирающій, онъ певольно озирался назадъ, на свою пройденную жизнь, невольно подводилъ итогъ подъ свое существованіе; ему не хотѣлось совсѣмъ безслѣдно исчезнуть для міра, и онъ почти съ дѣтскою радостю встрѣтилъ появление въ Русской печати, именно въ „Р. Архивѣ“, своихъ двухъ статей,—которые были имъ самимъ такъ долго пренебрежены и забыты. Онъ заставилъ прочесть ихъ себѣ и былъ имъ доволенъ... Онъ постоянно пытался удостовѣриться въ себѣ самомъ, въ ясности своего сознанія,—il cherchait  constater son identit , какъ вѣрно замѣтилъ кто-то изъ его знакомыхъ. Поэтому онъ былъ немало утѣшень извѣстіемъ, что письма политического содержанія, диктованныя имъ уже въ болѣзни къ одной Русской газѣ въ Парижѣ, были сю сообщены Тьеу, и что Тьеъ, живо заинтересованный имъ, просилъ отъ него дальнѣйшаго разъясненія и вообще продолженія переписки: „стало быть,—выразился Тютчевъ, и такъ странно, необычно было слышать именно отъ него эти выраженія,—стало быть я не совсѣмъ же лишился способностей, какія у меня были...“ Но что было особенно поразительно—это утрата имъ, рядомъ съ сохраненіемъ острой и логической мысли, способности къ поэтической мѣрной рѣчи. Позывъ къ стихотворчеству сказывался въ немъ безпрестанно; онъ часто творилъ стихи про себя, часто принимался за диктовку, но не замѣчалъ, что стихи не доставало то мѣры, то риѳмы, что они выходили какимъ-то неяснымъ поэтическимъ бредомъ. Онъ какъ бы поте-

раль музикальный слухъ, власть надъ гармоніей слова: поэтическое творчество было, очевидно, ему уже не подъ силу. Такъ ии совѣтство употребить слишкомъ уже опошленное срѣдисіе съ „разбитою лирою“, но оно невольно припоминалось каждому при видѣ этихъ печальныхъ, тщетныхъ попытокъ когда-то самаго гармонического изъ поэтовъ: рука, во привычкѣ, протягивалась къ струнамъ, но струны дребезжали, ослабленныи и порванныи.

Тютчевъ не устрашался смерти; по жалѣль о жизни, дорожилъ жизнью. Еще въ началь болѣзни онъ исповѣдывался и прѣобщился Св. Таинъ, охотно бесѣдовалъ съ нѣкоторыми знакомыми священниками; которыхъ удивлялъ вѣрность и глубиною своихъ суждений о христіанствѣ и церкви; въ долгіе часы своихъ страдальческихъ безсонныхъ почай, онъ любилъ пускаться въ разговоры съ ухаживавшею за нимъ сестрою милосердія, терпѣливо слушая ея чтеніе изъ священныхъ книгъ, ея добродушно наиздательщескихъ разказы и рѣчи, умилялся простотою ея благочестія и вѣры,— но, признавалъ суетность и бренность всего земного, самъ отъ, пока оставался на землѣ, не могъ, не хотѣлъ отказываться и не отказывался ни отъ какого живаго человѣческаго интереса... Его участіе къ дѣланію міра сего, къ политицѣ и литературѣ, усиливалось съ каждымъ днемъ. Ему видимо становилось лучше; его перевезли въ Царское Село, неговаривали даже о побѣздахъ за границу... Вдругъ, именно 13 Іюня, новый ударъ или новый припадокъ быстро двинулъ его къ могилѣ. Его внезапно охватили судороги и смыслились оцѣпеніемъ. Всѣ полагали, что онъ умеръ, или умираетъ; но недвижимый, почти беззыхій, онъ сохранилъ сознаніе. И когда чрезъ нѣсколько часовъ оцѣпеніе миновало—первый вопросъ его,

произнесенный чутъ слышнимъ голосомъ, былъ: „какія послѣднія политическія извѣстія?“

Тѣмъ не менѣе съ этого дня положеніе Тютчева рѣзко измѣнилось: отъ него стало трудно добиться слова; онъ съ каждымъ часомъ слабѣлъ, да ему очевидно уже и не хотѣлось говорить; большую часть времени лежалъ онъ какъ бы въ забытьѣ или полусынѣ; но то былъ не полусонъ и не забытье. Егъ hÃ¶rgt, егъ denkt, замѣчалъ, къ изумленію свое му, Нѣмецъ-докторъ, уловивъ его взглядъ или всмотрѣвшись въ черты его лица. Иногда, освѣженный дѣйствительнымъ спомъ, онъ смотрѣлъ открыто и ясно; вокругъ него велісь рѣчи его домашніми и родными, по онъ молчалъ и казался погруженнымъ въ размышленіе. Было ясно, что виѣшияя жизнь все дальше и дальше уходила отъ Тютчева, со всѣми своими разнообразными интересами, и онъ думалъ какую-то свою упорную, неотвязную думу... Порою, однако, на настоятельные вопросы врача и родныхъ, онъ прерывалъ молчаніе и давалъ отвѣты еще запечатленыи остроуміемъ и ироніей... Черезъ 9 дней припадокъ повторился. Оцѣпеніе было такъ сильно, что по распоряженію семьи приглашенный священникъ прочель надъ нимъ отходную, но черезъ полдня онъ ожиль и когда его стали поздравлять съ улучшеніемъ его состоянія и обнадеживать возстановленіемъ силъ, онъ зомбтиль грустно-иронически, что не дальше какъ утромъ его уже „отѣли“ и прервалъ разговоръ вопросомъ: „какія получены подробности о взятіи Хивы.“ Хивинскій походъ занималъ его сильно, и онъ съ самого начала внимательно слѣдилъ за нимъ по газетамъ... Этотъ припадокъ былъ послѣднімъ.

Не смотря на всѣ увѣренія докторовъ, что Тютчеву остается жить дѣнь-два, онъ прожилъ еще недѣли три,—но эта

жизнь была медленною агоніей. Все постепенно изнемогало въ немъ, никло и умирало,—ше омрачалось только сознаніе и не умирала мысль... Иногда онъ какъ бы вновь возбуждался, жаловался на мучительное страданіе, особенно въ мозгу. *Faites un peu de vie autour de moi* *), сказалъ опъ однажды дочери,—но такое возбужденіе было минутное, а скоро и совсѣмъ затихло. Онъ почти вовсе замолкъ.

Раннимъ утромъ 15 Іюля 1873 года, лицо его впезапно приняло какое-то осо-

*) Пусть будѣтъ нѣсколько жизни вокругъ меня.

бенное выраженіе торжественности и ужаса; глаза широко раскрылись, какъ бы вперились въ даль,—онъ не могъ уже ни шевельнуться, ни вымолвить слова,—онъ, казалось, весь уже умеръ, по жизнь витала во взорѣ и на чель. Никогда такъ не свѣтилось оно мыслю, какъ въ этотъ мигъ, разсказывали потомъ присутствовавшіе при его кончинѣ. Вся жизнь духа, казалось, сосредоточилась въ одномъ этомъ мгновеніи, вспыхнула разомъ и озарила его послѣднею верховною мыслью... Чрезъ полчаса вдругъ все померкло, и его не стало...

Онъ просіялъ — и погасъ...

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Статья барона Пфеффеля, напечатанная въ газетѣ l'Univers.

A m. Laurentie, rédacteur de l'Univers.

Ostende, ce 6 Août 1873.

Monsieur,

Vous n'apprendrez pas sans regret la mort de m-r de Tutschef. Il a succombé le 27 Juillet aux suites de l'attaque d'apoplexie qu'il avait essuyée le 13 Janvier, jours de l'an russe. Avec lui a disparu un des meilleurs et des plus brillants esprits que complât la Russie. Aux dons les plus variés de l'intelligence il joignait ceux non moins précieux de l'imagination. Ignorant de la langue Russe, je ne puis juger des mérites de ses poésies. Mais des autorités compétentes m'ont assuré qu'il méritait une place des plus distinguées parmi les poëtes lyriques de son pays. Vous avez été à même d'apprécier sa prose. Il parlait et écrivait le français aussi purement que sa langue maternelle. Son style avait à la fois de la chaleur et du trait. On cite de lui des mots pleins d'originalité qui mériteraient d'être recueillis. Ils tombaient de ses lèvres sans qu'il parût s'en douter, portant à fond, sans jamais blesser.

Je connaissais m-r de T. depuis l'année 1830. Attaché à cette époque comme 2-d secrétaire à la légation de Russie à Munich, ce jeune homme de 26 ans mesura avec une rare sagacité les suites de la révolution de Juillet. „Les ordonnances du roi Charles X, disait-il, sont le testament de l'ordre politique et moral en Europe. Les Fran-

çais regrettent plus tard d'en avoir méconnu la sagesse et la nécessité.“

Quarante années de troubles et de bouleversements n'ont que trop confirmé ce jugement. En 1848, retourné depuis quelques années dans sa patrie, il reconnut aussitôt de quoi il s'agissait dans l'effondrement universel qui suivit la chute de Louis Philippe. La révolution n'en voulait plus seulement aux rois et aux gouvernements établis: elle visait, dès-lors, comme aujourd'hui, la société de Dieu lui-même, sans lequel il n'y a pas de société possible. Dans un mémoire devenu célèbre, m-r de T. prit hautement la défense de l'ordre des Jésuites (*), objet de la haine et des calomnies du parti soi-disant libéral aussi bien que des démagogues... „En frappant les Jésuites, écrivait-il, on espère démolir l'Eglise. Supprimer les Jesuites, c'est désosser le catholicisme.“ C'est à quoi tendent en ce moment-même, avec non moins de violence, mais plus d'habileté, les efforts de m. de Bismark qui sail, qu'en proscrivant cet ordre actif et dévoué, il prive l'Eglise de son principal soutien.— L'Autriche, ahurie et dévoyée, se détourna en 1854 de la Russie qui l'avait sauvée. A ceux qui s'étonnaient de son ingratitudo, m. de T. répondait: „La peur ne raisonne pas. L'Autriche est un Achille dont le talon est partout. Elle se brouille avec ses amis pour ne pas se compromettre vis-à-vis de ses ennemis. Peine inutile! Le canon qui bat en brèche Sébastopol la chassera de l'Italie!“...

(*) Это совершенно невѣрно. Мы уже объяснили это достаточно въ нашемъ биографическомъ очеркѣ.

La guerre de 1870 ne le laissa pas un instant dans le doute sur ses conséquences probables. Prévoyant de bonne heure le triomphe de la Prusse, il ajoutait: „Ce sera le triomphe du protestantisme devenu synonyme du rationalisme, la chute de la papauté, l'oppression des consciences au profit de l'inclémence, de la persécution religieuse au nom de la civilisation! Que la France ne s'y trompe point; l'expiation, trop longtemps ajournée, va commencer pour elle. Dans peu d'années elle aura accompli le cycle séculaire des crimes, des fautes et des malheurs qui composent son histoire depuis 89. AURA-T-ELLE la force, — chrétienement parlant force signifie humilité—aura-t-elle la force de s'avouer sa trop longue erreur, de retourner en arrière, de rompre avec les funestes principes de la révolution, de redevenir chrétienne et monarchique? Sinon, son éclipse sera définitive et irréversible.“

Cette clairvoyance qui distinguait m-r de T. dans le domaine de la politique, il la transportait également dans le champ des spéculations métaphysiques. Je me souviens d'avoir assisté dans ma jeunesse à des entretiens pleins d'intérêt entre lui et le célèbre Schelling, préoccupé de l'idée de réconcilier la philosophie avec le christianisme dépouillé à la vérité de l'auréole de la révélation divine. „Vous tentez une œuvre impossible, lui objectait m-r de T. Une philosophie, qui rejette le surnaturel et qui veut tout prouver par la raison, doit nécessairement dériver vers le matérialisme pour se noyer dans l'athéisme. La seule philosophie compatible avec le christianisme est contenu tout entière dans le Catéchisme. Il faut croire ce que croyait Saint Paul, et après lui Pascal, plier le genou devant la Folie de la Croix, ou tout nier. Le

surnaturel est au fond ce qu'il y a de plus naturel à l'homme. Il a ses racines dans la conscience humaine très supérieure à ce qu'on appelle la raison, cette pauvre raison qui n'admet que ce qu'elle comprend, c'est-à-dire rien!“

Ainsi parlait cet homme, né pour la méditation, pour le travail du cabinet, et dont la vie, par une singulière contradiction du sort, s'est écoulée pendant près de cinquante ans dans les salons. Né et vivant en France, il aurait sans nul doute laissé après lui des monuments qui eussent perpétué sa mémoire. Né et vivant en Russie, ayant pour unique auditoire une société plus curieuse qu'instruite, il a jeté aux quatre vents de la conversation des trésors d'esprit et de sagesse, encore plus vite oubliés que répandus.

II.

Хронологія стихотвореній Тютчева.

Вотъ хронологический ходъ поэтическаго творчества Тютчева, указанный въ хрестоматии г. Гербеля „Русские поэты“, но, по возможности, привѣренный и исправленный нами.

Стихотворенія Тютчева появились въ печати, въ первый разъ и съ полнымъ именемъ автора, въ альманахѣ „Уранія“, поздною въ 1826 году М. П. Погодиныхъ. Они были при涣аны изъ Мюнхена, именемъ: *Кѣ Нисъ, Пись Скандинавскихъ воиновъ* (оба переводные) и *Проблескъ*. Въ этой послѣдней пись встрѣчаются уже вѣкоторыя достоинства и особенности Тютчевскаго стиха. Она начинается такъ:

Слыхаль-ль, въ сумракѣ глубокомъ,
Воздушной арфы легкій стонъ,
Когда полуночь пенарокомъ
Дремавшихъ струнъ встревожить сопъ?

и кончается следующею строфою:

И отягченною главою,
Однъмъ лучомъ ослѣплены,
Вновь упадаемъ не къ покою,
Но въ утомительные сны.

Всѣ три пьесы перепечатаны въ изда-
ши 1854 года, но въ альманахѣ подъ
имми помѣщены числа 1822 и 1824
года.

Въ 1827 году въ альманахѣ „Сѣ-
верная Лира“, изданномъ Раичемъ, по-
мѣщены Тютчевыми пять переводныхъ
стихотвореній: *Песнь радости Шилле-
ра* (съ поэмѣткою: Минхенъ, Февраль
1822 г.), *Саконталя* (изъ Гейне), *Другъ,*
*откройся предо мною и Съ чужой
стороны* (оба изъ Гейне), *Въ альбомѣ
друзьяма* (изъ Байрона), и два ориги-
нальныхъ: *къ Н...*, помѣщенною 23
Ноября 1824 г.: вместо полнаго имени
только Т. Эта прекрасная пьеса обез-
ображенна неправильною риѳмою въ духѣ
тогдашнихъ нашихъ „классиковъ“; на-
примѣръ:

Таковъ горѣ духовъ небесныхъ свѣтъ;
Лишь въ небесахъ дается онъ, небесный:
Въ почѣ грѣха, на днѣ ужасной бездны,
Сей чистый огнь, какъ пламень адскій,
жжетъ.

Другое стихотвореніе *Слезы* („Люб-
лю, друзья, ласкать очами“), съ эпигра-
фомъ заимствованнымъ у Грел и вѣ-
роятно подражаніе Грею.

Ни *Песнь радости* (переводъ не-
дурной, но слишкомъ вольный), ни *къ Н...*, не включены въ изданія 1854 и
1868 года.

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ Дельвига
1827 г. напечатано: „Подражаніе Араб-
скому“:

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгомъ искръ его копыть,
Что гдеось Бога справедливый
Надъ міромъ скоро прогремитъ.

Клянусь вечернею зарею
И блескомъ утра золотымъ:
Онъ семь небесъ своей рукою
Одно воздвигнуль за другимъ.
Не Онъ ли яркими огнями
Зажегъ сей беспредѣльный сводъ,
И Онъ же легкими крылами
Парящихъ птицъ хранить шолеть?
Когда же пламенной струею
Сверкаютъ гордо небеса,
Надъ озареною землею:
Не Бога ли блестить краса?
Безъ вѣры въ Бога, мимо, мимо
Промчится радость бытія...
Пошлетъ ли онъ огонь безъ дыма,
И дымъ пошлетъ ли безъ огня?...

Эта пьеса, подписанная *Ф. Т.*, не во-
шла въ полное собраниe его стихотво-
реній.

Въ Галатеѣ 1829 и 1830 г. помѣ-
щены: *Къ друзьяма*, при посыпкѣ *Пес-
ни радости Шиллера* (стихотворе-
ніе очень слабое, вѣроятно написан-
ное одновременно съ переводомъ въ
1823 г.); *Льтній вечеръ*, пьеса, въ
которой можно бы узлати Тютчева да-
же безъ подписи; вотъ послѣдняя строфа:

И тайный трепетъ, какъ струя,
По жиламъ пробѣжалъ природы,
Какъ бы горячихъ ногъ ея
Коснулись ключевые воды.

Эти двѣ пьесы, равно какъ и *Вечеръ*
(„Какъ тихо вѣтъ надъ долиной“) не
включены въ полное собраниe. Затѣмъ:
Моисил Наполеона, *Видѣніе*, *Гроза*
(Люблю грозу въ началѣ Мая), *Сны*
(„Какъ океанъ облемлетъ шаръ земной“),
Утро въ горахъ, *Олеогоръ*, *щитъ*, *Са-
che-cache*, изъ *Фауста*, *Привѣтствіе
духа* (изъ Гете), и еще нѣкоторыя
переводныя, помѣщены въ обоихъ изда-
ніяхъ 1854 и 1868 годовъ.

Къ 1826 году относится и посланіе
къ А. В. Шереметеву, напечатанное
въ изданіи 1868 г.

Въ Молвѣ „1835 года появилось“ *Silentium*.

Въ „Современникѣ“ 1836 года помѣщены: 1) *Утро въ горахъ* (напечатанное въ 1830 г. въ Галатѣ), 2) *Синъяс-ная юрь*, 3) *Полдень*, 4) *Весенний води*. 5) *Что ты клонишь надъ водою*, 6) *Какъ океанъ обземлетъ шара зем-ной* (напечатано было въ Галатѣ 1830 г.), 7) *Я помню время золотое*, 8) *Не то чтѣ мните вы природа*, 9) *И пребъ опущенъ ужъ въ морику*, 10) *Silentium* (напечатано было въ Молвѣ), 11) *Какъ птичка раннею зарей*, 12) *Какъ надъ юрлею золой*, 13) *Въ душномъ воздухѣ молчанье*, 14) *Душа моя—элизіумъ тѣней*, 15) *О чёмъ ты воешь, вътре почкой*, 16) *Душа бѣ хотѣла быть звѣздой*, 17) *Цицерона*, 18) *Фонтанъ*, 19) *Двумъ сестрамъ*, 20) *Востокъ бѣлью*, 21) *Потокъ сту-стился и тускнѣтъ*, 22) *Яркій сныгъ сіялъ въ долинѣ*, 23) *Сонъ на морѣ*, 24) *Вечеръ милостыя и ненастныхъ*.

Въ „Современникѣ“ 1837 г.: 25) *Пе-сона сыпучій по колѣни* (поимѣчено 1830 годомъ), 26) *Тамъ ідь горы, убытая*, 27) *Черезъ Ливонскія я проплѣзсалъ поля* (поимѣчено 1830 годомъ), 28) *Надъ виноградными холмами*.

Въ томъ же журналѣ 1838 года: 29) *Смотри, какъ Западъ разгорѣлся*, 30) *Итальянская вилла* (написано го-раздо раньше, 31) *Арфа Скальда*.

1839 года: 32) *Весна*, 33) *Тако-здесь-то суждено намъ было* (въ нѣ-которыхъ рукописныхъ спискахъ стоитъ помѣта 1 Дек. 1837 г.); 34) *Лебедь*, 35) *День и Ночь*, 36) *Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва*.

1840 года: 37) *Осенній вечеръ*, 38) *Съ какою илюю, съ какой тоской влюбленной*, 39) *Давно лѣтъ, давно лѣтъ, о Юиъ блаженныи*.

Въ „Раутѣ“ 1853 г., въданномъ Н.

В. Супковымъ, напечатанъ его переводъ изъ Шиллера: *«Помидки»*.

Въ промежуткѣ между 1840 и 1854 г. написано Тютчевымъ до 50-ти стихотвореній, пигдѣ, кажется, въ то время не напечатанныхъ; во всякомъ случаѣ съ 1840 до 1850 года Тютчевъ вовсе не выступалъ въ печати. Мы но перечисляемъ этихъ 50-ти стихотвореній, такъ какъ хронологическій ходъ его творчества не представляетъ уже особеншаго интереса въ эпоху полной зрѣлости его поэтическаго таланта. Въ 1854 г. вышло первое полное собрание его стихотвореній, сначала въ Майской книжкѣ „Современника“ 1854 года, потомъ отдельнымъ оттискомъ, съ 96 піесами и съ слѣдующимъ предисловіемъ, написаннымъ И. С. Тургеневымъ отъ имени редакціи „Современника“ (который въ то время издавался И. И. Панаевымъ и Н. А. Некрасовымъ):

„Получивъ отъ Ф. И. Тютчева право на изданіе его стихотвореній, редакція „Современника“ помѣстила въ этомъ собраніи и тѣ стихотворенія, которые принадлежать къ самой первой эпохѣ дѣятельности поэта и теперь были бы, вѣроятно, имъ самими отвергнуты. Но мы сочли за лучшее дать публикѣ изданіе, по возможности полное. Такимъ образомъ, вѣ настоящеемъ собраніи представляется публикѣ вся поэтическая дѣятельность поэта, за исключеніемъ нѣсколькихъ піесъ, совершенно незначительныхъ.“

Тютчевъ, при этомъ изданіи, былъ очевидно самъ въ сторонѣ; за него распоряжались, рядили и судили другіе. Мы убѣждены, что онъ даже и не заглянулъ въ эту книжечку. Съ того времени стихотворенія Тютчева стали появляться въ печати довольно часто, по крайней мѣрѣ уже безъ большихъ перерывовъ,—въ „Современникѣ“, „Русской Бесѣдѣ“, „Дѣлѣ“, „Русскомъ Вѣст-

никѣ“ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ 1868 году вышло новое изданіе стихотвореній Тютчева, съ прибавленіемъ къ прежніи 96-ти, еще 77-и пьесъ. Не было никакой возможности достать подлинниковъ руки поэта, для стихотвореній еще не напечатанныхъ,— ни убѣдить его просмотрѣть эти пьесы въ тѣхъ копіяхъ, которыя удались добыть частью отъ разныхъ членовъ его семейства, частью отъ постороннихъ. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ копій были ошибочны, или несогласны между собой. Пришлось выбирать лучшія и печатать безъ всякаго участія со стороны самого автора. Мало того, ему было доставлено оглавленіе всей предполагавшейся книжки: оно пролежало у него мѣсяцъ и было возвращено—не просмотрѣнное; онъ даже и не взглянуль на него. Когда же изданіе было окончено печатаніемъ, и ему предварительно былъ присланъ экземпляръ, то кто-то изъ присутствовавшихъ, разсматривая при немъ книжку, обратилъ его внимание на пѣкоторыя стихотворенія, которыхъ появленіе въ печати было по нѣкоторымъ причинамъ для Тютчева нежелательно. Нужно было эти стихотворенія исключить, для чего нѣкоторыя страницы перепечатать. При этомъ случаѣ Тютчеву пришлось прочесть оглавленіе всей книжки, и онъ былъ огорченъ помѣщениемъ многихъ, дѣйствительно очень слабыхъ и мелкихъ стихотвореній,—которыя впрочемъ въ изданіи 1868 г. были только перепечатаны съ изданія „Современника.“ Ему было испріятно походить на какого нибудь надменнаго собою рифмача, который дорожитъ каждою строкою своего шара, каждымъ словомъ, излѣтѣвшимъ изъ устъ,—тогда какъ Тютчевъ во всю жизнь свою ни разу не принималъ ни позы, ни осанки „автора“. Но дѣлать

было нечего,—потому что оглавленіе было уже на его предварительномъ просмотрѣ и возвращено было имъ для изданія, безъ поправокъ и исключеній, какъ имъ одобрено. Чувство свое, по поводу этой книжки, выразилъ онъ въ стихахъ, написанныхъ на оберткѣ экземпляра, посланного къ его старинному пріятелю, М. П. Погодину:

Стиховъ моихъ вотъ списокъ безобразный;
Не заглянувъ въ него, дарю имъ васъ.
Не могъ склонить своей я лѣпи праздной,
Чтобы она хоть вскользь имъ запялась.
Въ пашъ вѣкъ стихи живутъ два-три
Мгновенья,
Родились утромъ, къ вечеру умрутъ...
Такъ чтожъ тутъ хлопотать? Рука забвенья
Свершила и здѣсь свой корректурный
трудъ *).

Послѣ изданія 1868 года Тютчевыи написано довольно много стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя напечатаны, а пѣкоторыя не появлялись еще въ печати. По кончинѣ Тютчева, отыскалось еще нѣсколько пьесъ, писанныхъ къ разнымъ лицамъ. Такихъ, до сихъ поръ безвестныхъ, произведеній, можетъ быть, еще найдется немало.

III.

Некрологъ Ф. И. Тютчева, помѣщенный въ *Journal de St. Pétersbourg*, 19 июля 1873 года.

Nos lecteurs connaissent la triste nouvelle de la mort de m. le conseiller priv  Th odore Ivanovitch Tutchew,

*) Всѣдѣ затѣмъ Тютчевъ, противъ обыкновенія, присыпалъ Погодину варианты, въ которомъ послѣдний стихъ замѣнилъ таѣ:

Исправить все чрезъ нѣсколько минутъ.

décédé à Tsarskoé-Sélo le 15 Juillet.— Les derniers devoirs lui ont été rendus aujourd’hui, mercredi, au couvent de Novo-Diévitchi. La cérémonie funèbre a eu lieu à neuf heures du matin, en présence de la famille et des amis du défunt, sans autre appareil qu’une douleur profonde et recueillie, et d’unanimes regrets pour la mémoire de cet homme de cœur, que rien ne remplacera auprès de tous ceux qui l’ont connu.

Théodore Ivanovitch Tutchew était une des personnalités éminentes de notre société, un type original et sympathique. Foncièrement poète, dans le sens le plus élevé du mot, son esprit habitait les régions supérieures de la pensée humaine, sous tous ses aspects, même les plus sérieux. C'est là ce qui, à côté des vives et brillantes étincelles de cette intelligence hors ligne, lui imprimait une largeur de vues remarquable. Nous ignorons s'il existe un recueil complet de ses œuvres poétiques: il y attachait d'ailleurs peu d'importance. C'étaient comme des fruits mûrs qui naissaient et tombaient d'eux-mêmes du travail permanent de sa pensée. Il en était de même de ces mots si nombreux, si fins, si spirituels, qui lui échappaient dans la conversation, sans qu'il les charchât, mots qu'il oubliait aussitôt dits, mais qui restaient dans le souvenir de tout le monde, parce qu'ils étaient marqués au coin du véritable esprit, de celui du meilleur aloi, saisissant les côtés vifs, les arêtes lumineuses des choses, et, sous une forme légère, dégagée de tout fiel, atteignant jusqu'au fond.

Mais ce qui distinguait éminemment Théodore Ivanovitch Tutchew, ce n'était point seulement son esprit; c'était un cœur ardent qui était le véritable mobile de toute son activité. Il apportait au milieu des choses les plus sérieuses

de la vie, jusque dans les régions froides de la politique, un courant chaud venant du cœur, semblable à ces tièdes reflux du *Gulf-Stream* qui fondent les glaces de l'extrême Nord et y répandent la chaleur et la vie. C'est là ce qui lui assigne une place marquante parmi ses contemporains et ce qui caractérise l'influence sociale éminente qu'il a exercée jusqu'à ses derniers jours. Si, dans le monde des affaires, rien de sensé ne se fait que par la raison, on peut dire que rien de véritablement grand et second ne s'accomplit que par les inspirations du cœur.

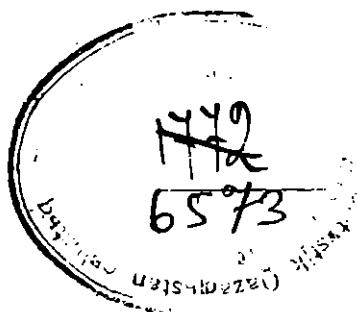
Aussi personne n'a-t-il accueilli avec plus d'enthousiasme que lui les grands faits accomplis sous l'initiative de notre Souverain bien-aimé et qui ont appelé la Russie à une vie nouvelle. Ces réformes répondent aux plus ardentes inspirations de Théodore Ivanovitch Tutchew, car le sentiment où se résument toute son âme, toute sa nature intellectuelle et morale, c'était son patriotisme, sa foi sans bornes dans l'avenir de la Russie, dans ses destinées, dans sa mission historique et providentielle. Ce patriotisme, plongeant ses racines jusqu'au fond de la vie nationale, et s'éclairant du dehors par la culture la plus complètement cosmopolite, constituait l'un des plus grands charmes et l'un des plus sérieux mérites du défunt.

Ne vivant que par l'activité intellectuelle, il s'était pénétré de tout ce que les progrès de l'esprit humain ont accompli depuis des siècles dans toutes les branches de la philosophie, de la littérature et de la politique; son érudition sous ce rapport était universelle. Mais loin de permettre que cette culture étrangère, où s'affinait et se trempait son esprit, altérait en lui le vif sentiment de la nationalité russe, il avait au contraire mis toute cette science acquise au ser-

vice de son patriotisme, et la poésie déversant sur tout cet ensemble de notions acquises, d'esprit naturel et de sentiments innés, de lumineux rayons émanés d'un cœur chaud, a fait de lui ce qu'il était, un écrivain persuasif par conviction, un publiciste honnête et droit, un causeur incomparable, toujours écouté et aimé, faisant partout la propagande de la foi, de l'espérance, de l'enthousiasme pour tout ce qui est bon, grand et beau. C'est sous ce point de vue surtout que sa mission sociale a été noble et utile; il l'a remplie jusqu'aux derniers moments de sa vie, alors même que l'enveloppe épaisse de cette âme

ardente trahissait déjà ses forces et faisait pressentir sa fin. Il semble que de telles intelligences ne devraient point s'éteindre! Aussi survivent-elles à la destruction de la matière par les sympathies qu'elles ont fait naître, par les amitiés durables qu'elles ont acquises et par les germes de lumière, de chaleur et de vie qu'elles ont semés à profusion durant leur passage sur la terre.

Cette immortalité de l'affection et du souvenir est acquise à Théodore Ivanovitch Tutebew, et jamais larmes plus sincères n'ont été répandues que celles versées sur l'humble tombe où descendait un grand esprit.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

- Стран. 20 въ дитятею
— 34 Тютчевъ, какъ уже было упомянуто,
пріѣзжалъ—
— 42 la bienveillance qu'on m'y témoigne.
— 45 произведеіе
— 64 теорій Европеизма
— 70 И одинъ твой иѣжный взглядъ
— 90 Мечь земли и громъ небесъ
— 151 comme une conjuration légale
— 173 Кровь льется, черезъ край
— 203 къ Иезуитамъ
— 204 не отдельными единицами
— 214 объ примѣчаніи т. е.
— 216 въ индивидумъ
— 217 mit fin
— 242 peut-être
— 253 слова слова „имперія“

Читай.

- съ дитятею.
Тютчевъ пріѣзжалъ
la bienveillance peu commune, qu'on
m'y témoigne
произведеніе
теоріи Европеизма
И одинъ твой южный взглядъ
Громъ земли и гласъ небесъ—
comme une consécration légale
Кровь льется черезъ край
къ Иезуитамъ
не какъ отдельными единицами
т. е.
въ индивидуумъ
mit fin
peut être
слова „имперія“